

УДК 94(47)
ББК 63.3
Т46

Содержание

*Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта
Президента РФ для молодых ученых (проект № МК-2627.2013.6)*

Рецензенты

доктор исторических наук, профессор *В.А. Шестаков*
(Институт российской истории РАН)

кандидат исторических наук *В.Н. Круглов*
(Институт российской истории РАН)

Тихонов В.В.

Т46 **Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки /**
В.В. Тихонов; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. — М. : ИРИ
РАН, 2014. — 218 с.

ISBN 978-5-8055-???

Монография представляет собой серию очерков, посвященных анализу проблемы взаимоотношения профессиональных историков и государственной власти в России XX века. В книге раскрывается влияние власти на жизнь и наукотворчество историков в Российской империи, Советском Союзе и современной России. Особое внимание уделено тому, как знание о прошлом использовалось в политических интересах. Для специалистов-историков, студентов исторических факультетов ВУЗов, всех интересующихся российской историей и культурой.

© Институт российской истории РАН,
2014

© Тихонов В.В., подготовка текста, 2014

ISBN 978-5-8055-???

От автора.....	5
Введение	8
Очерк 1. Государственная власть и историческая наука в Российской империи начала XX в.	15
1.1. Государство-нация и историческая наука	15
1.2. Концепция «мандаринов» Фр. Рингера	18
1.3. Российская историческая наука и власть в конце XIX — начале XX в.: институциональный и культурный аспекты.....	25
1.4. Научно-исторические общества и власть.....	35
1.5. Власть и историки в контексте дихотомии «Москва-Петербург».....	40
1.6. Были ли российские историки конца XIX — начала XX в. «мандаринами»?.....	42
Очерк 2. Пропаганда прошлым: российские историки в годы Первой мировой войны	48
Очерк 3. Власть и историки в СССР в 1920-1930-е гг.: основные тенденции	65
3.1. Историки и советская власть в 1920-е годы.	65
3.2. Идеология и историческая наука в 1930-е гг.	75
Очерк 4. Механизмы власти в советской исторической науке 1930-1940-х гг.	87
Очерк 5. Историк как пропагандист в годы Великой Отечественной войны	102
Очерк 6. Образ войны 1812 года в советской пропаганде конца 1930-х — начала 1950-х годов	113
Очерк 7. Борьба с «космополитизмом» и советская историческая наука	121

Очерк 8. Советские историки и переосмысление национальных историй в последнее сталинское десятилетие	131
Очерк 9. «Тут явно сквозит дух объективизма...»: создание «Очерков по истории Башкирии» в 1940-е-начале 50-х гг.....	139
Очерк 10. Идеология и школьный учебник истории	148
Очерк 11. Историк и власть: казус С.А. Фейгиной	160
Очерк 12. Историки и государственная власть во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг.	170
Очерк 13. Научно-историческое сообщество и власть в 1950-е — 1980-гг.	179
Очерк 14. Историки, власть и историческая политика в современной России	192
Заключение	211
Указатель имен	214

Главной целью профессионального историка является максимально объективное изучение прошлого, создание максимально объемной картины развития человеческого общества. Но реализация данной цели натывается на множество препятствий. Одним из них является вмешательство идеологии, политики и интересов государственной власти в изучение прошлого. Конечно же, далеко не всегда это вмешательство носит негативный характер, но его сильное влияние на работу профессиональных историков отрицать нельзя.

Предлагаемая книга представляет собой серию очерков, посвященных проблеме влияния идеологии и интересов государственной власти на сообщество профессиональных историков, и охватывающих временной отрезок с конца XIX до начала XXI в. Очерковая форма подачи материала была выбрана не случайно, поскольку позволяет охватить широкий хронологический отрезок. Несмотря на очерковый характер, автор постарался дать более или менее целостную картину, концентрируясь на важнейших, с его точки зрения, фактах и явлениях. Очерки можно разделить на исследовательские и обзорные. Первые, по возможности, преследуют цель выработки нового знания, вторые аккумулируют ранее известные факты. Автор старался варьировать методологические подходы, сочетая макро и микро анализ. Многие сюжеты, затронутые в книге, безусловно, заслуживают отдельных монографических исследований.

Это издание никогда бы не появилось без поддержки заявки на исследовательский грант Комиссией по грантам Президента Российской Федерации для молодых ученых. Не все работы, написанные по гранту, оказались включенными в книгу. Они выходили в различных периодических изданиях, сборниках материалов конференций, тематических сборниках статей и т.д. Ряд работ все еще находится в печати. Наиболее значительные из опубликованных, но не вошедших в книгу, работ следующие:

1. «...Забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его прихвостней»: разгром «группы» историка И.И. Минца в годы идеологических кампаний «позднего сталинизма» // «NB: Исторические исследования». Электронный журнал. 2013 № 2. // http://e-notabene.ru/hr/article_701.html (статья — 1,1 п.л.)
2. Историк Е. Н. Городецкий и кампания по борьбе с «безродным космополитизмом» // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 2. С. 127-136. (статья — 1,2 п.л.)
3. Борьба с «буржуазным объективизмом» в советской исторической науке: С. Б. Веселовский и его книга «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2. С. 104-113. (статья — 1 п.л.)
4. Московская и петербургская школы «русских историков» в контексте дихотомии «Москва-Петербург» (конец XIX — начало XX в.) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2012. М., 2013. С. 344-378. (статья — 1,5 п.л.)
5. Российская историческая наука и индексы научного цитирования // Новый исторический вестник. 2013. № 2. С. 89-106. (статья — 1,1 п.л.)
6. Курьезная версия истории советской исторической науки // Российская история. 2013. № 5. С. 160-166. (рецензия — 0,7 п.л.)
7. Юбилей «Краткого курса истории ВКП (б)» и советская историческая наука. 1948 г. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сб. материалов III Всероссийской молодежной научной конференции / Отв. ред. Р.Е. Романов. Институт истории СО РАН. Новосибирск, 2013. С. 274-283. (статья — 0,5 п.л.)
8. Как «маленькие люди» творили большую историю: феномен «маленького человека» и его роль в послевоенных идеологических кампаниях в советской исторической науке // История и историки: историографический вестник. 2011-2012. М., 2013. С. 108-124. (статья — 1 п.л.)
9. Новый взгляд на проблемы российской историографии середины XIX — начала XX в. (сборник трудов молодых ученых) // История и историки: историографический вестник. 2011-2012. М., 2013. С. 206-213. (статья — 0,5 п.л.)
10. Дискуссия о советизации казахского аула 1946-47 годов // Історіографічні дослідження в Україні. Вип. 24. — Київ: Інститут історії України, 2014. С. 267-280. (статья — 0,7 п.л.)

11. Е.А. Луцкий в Институте истории АН СССР (1943-1950): штрихи к биографии // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 223-236. (статья — 0,5 п.л.)

Кроме того, был написан ряд разделов для учебного пособия «Историография истории России» (М., 2013), вышедшего под редакцией В.Н. Захарова.

Автор признателен коллегам, помогавшим в создании этой книги. В первую очередь это сотрудники Центра «Историческая наука России» Института российской истории РАН. Персонально хотелось бы поблагодарить д.и.н., профессора В.А. Шестакова и к.и.н. В.Н. Круглова, выступивших рецензентами рукописи, и высказавших ряд важных остро критичных замечаний.

Введение

Стало банальностью утверждение, что современная цивилизация не может существовать без опоры на рациональное научное знание. Поэтому интерес к истории науки, осмыслению законов ее развития и механизмам функционирования в обществе неизменно растет. Проблема взаимосвязи науки и других социальных институтов на данном этапе оказывается в центре внимания многих научных дисциплин. Традиционно феномен связи общества и науки рассматривается с позиции интернализма и/или экстернализма. Если с точки зрения первого подхода развитие науки происходит благодаря внутренним законам и независимо от влияния общества, то второй подход, наоборот, постулирует социальный заказ как определяющий фактор¹.

Как это обычно бывает, истина где-то посередине. Необходимо признать, что наука, в особенности гуманитарная, является частью социальных практик, выступает важным общественным институтом. В свое время М. Вебер подчеркивал, следуя своей концепции рационализации общества², что наука и политика — две различные, хотя и тесно соприкасающиеся, вещи³. Он предостерегал от увлечения политикой ученых и университетских преподавателей. Но с тех пор наши представления заметно скорректировались. Признание тесной связи государства, общества и науки стало общим местом в науковедческих исследованиях.

Более того, исследования показали, что процесс институционализации науки теснейшим образом связан с формированием в Новое время государства современного типа⁴, поэтому разделить развитие государственных институтов и науки невозможно. По

¹ *Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фатхи Т.Б.* Основы философии науки. Ростов-на-Дону, 2005. С. 545.

² Согласно этой концепции при переходе от традиционного общества к современному происходит рационализация жизни общества, выражающаяся в демократизации, бюрократизации, росте влияния науки и т.д.

³ *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранное: протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд. М., 2006. С. 538.

⁴ *Колчинский Э.И.* Предисловие редактора // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Редактор-составитель Э.И. Колчинский. СПб., 2003. С. 5.

мнению известного специалиста по философии и истории науки А.П. Огурцова, «в наши дни все более и более осознается то, что отношения между наукой и властвующими инстанциями нельзя трактовать как отношения кардинально отличных друг от друга сущностей, что инстанции власти не внеположны науке, но имманентны ей»¹.

Справедливо это и в отношении отечественной науки XX в., особенно советского периода: «Корреляция между двумя социальными институтами — властью и наукой в советский период нашли свое отражение в механизмах социальной и когнитивной институционализации науки, в умалении конкуренции между исследовательскими группами, в формировании специфических форм иерархизации научных школ и направлений, в монополизме некоторых из них, в выдвижении новых авторитетов в научном сообществе и в продвижении идеологически верных псевдоавторитетов»².

В последнее время нередко говорится об их симбиозе: «В рамках этого симбиоза государство стремится использовать науку для получения знаний, применимых для развития его экономической и военной мощи, для идеологического оправдания своей политики, для повышения международного престижа... В свою очередь наука использует государство как крупнейшего, а при некоторых тоталитарных режимах и как единственного заказчика...»³. При этом подчеркивается, что науке отводится подчиненная роль: ученые должны усваивать «язык власти», встраиваться в механизмы ее функционирования. В условиях ограниченности финансирования особую значимость приобретает лоббирование научных проектов во властных структурах.

Признание тесной взаимосвязи власти и науки не отменяет факта заметной автономии научного сообщества, его функционирования по специфическим законам. Особой популярностью в последние годы пользуется теория П. Бурдьё, предложившего теорию «научного поля», где поле — система из отдельных личностей, научных школ, институтов, которая развивается по специфическим законам власти и подчинения. Деятельность ученых в данной концепции описывается по аналогии с поведением участников ры-

¹ *Огурцов А.П.* Научный дискурс: власть и коммуникация // Подвластная наука? Наука и советская власть. М., 2010. С. 747.

² *Огурцов А.П.* Предисловие // Подвластная наука? Наука и советская власть. М., 2010. С. 6.

³ *Колчинский Э.И.* Указ .соч. С. 5.

ночных отношений, борющихся за капитал. Только в среде ученых борьба идет за символический капитал (авторитет, административные посты и т.д.), позволяющий вербовать сторонников (учеников) и навязывать научному сообществу свое мнение¹. Таким образом, власть внешняя (как правило, государственная) соприкасается с институтами господства-подчинения, вырабатываемыми научным сообществом. Иногда они начинают конфликтовать, но чаще находят общий язык и тесно взаимодействуют, справедливо видя такое взаимодействие взаимовыгодным.

Взаимодействие/противоборство власти и науки происходит по нескольким направлениям. В первую очередь это создание инновационного и эффективного производства. Здесь интересы науки и власти в целом совпадают, хотя часто встает проблема недопонимания правящими кругами значения новых открытий. Также очевидна и моральная дилемма, когда научные разработки используются государством, скажем, в военных целях, что нередко противоречит убеждениям ученых. Или достижения науки применяются политическим режимом, легитимность которого ставится самими интеллектуалами под сомнение.

Не менее тесно взаимодействие государства и науки в области просвещения. Хорошее образование и высокие экономические показатели страны в XX в. — взаимообусловленные вещи. Но нередко научная картина мира, предлагаемая учеными, противоречит идеологическим, мировоззренческим и религиозным представлениям, сложившимся в стране. В данном случае часто возникает конфликт, в который вовлекается государство, общество и наука. Достаточно вспомнить резонанс от сочинения Ч. Дарвина.

Наконец, государство и наука тесно взаимодействуют в области формирования идеологии, обслуживающей государственный порядок². Традиционно вторжение идеологии в науку и участие ученых в «идеологическом творчестве» рассматривается как крайне отрицательное явление³, поскольку противоречит основной задаче науки — поиску объективной истины. В то же время не стоит забы-

вать, что наука и ученые играют в формировании идеологической системы весьма заметную роль¹. Причем, это можно говорить не только о представителях гуманитарных и общественных дисциплин, но даже и о специалистах в области естествознания. Например, патриотизм и служение науке были тесно связаны в умах ученых XIX — начала XX в.² На протяжении всего XX в. достижения научной мысли часто становятся идеологическими факторами (например, атомная бомба), символическая мощь которых поддерживается в том числе и усилиями самих ученых³.

Итак, XX в. стал временем теснейшего взаимодействия науки и государственной власти. Это явление было неоднозначным и оценка многих событий не может быть только со знаком плюс или минус. Спецификой исторической науки стала особая актуальность проблемы «историк/историческое знание-власть». Во многом остроту добавляет понимание того, что в данном случае решается вопрос о статусе истории как науки. Чем ей быть? Полноценным знанием или «служанкой идеологии»?

Исходя из вышесказанного, становится ясным, почему проблема «историк и власть» является одной из центральных в современных историографических исследованиях. Накоплено немало суждений о том, каким образом минимизировать влияние политики и власть предрежащих на историков⁴ и их труды⁵. Общим местом является признание самого факта вторжения социально-политической реальности и властных структур в производство исторического знания: «Идейно-политический момент всегда оказывал (и оказывает) заметное воздействие на историографию... Изменяется только интенсивность этого воздействия на внутренний мир науки и сфера его охвата, которые находятся в прямой зависимости от политического режима и социальной обстановки в той или

¹ Это наглядно показывает серия книг, выпускающаяся издательством «Новое литературное обозрение» в серии «История науки».

² Об этом см.: *Бредли Дж.* Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012.

³ Например, см: *Krementsov N.* Stalinist Science. Princenton, 1997.

⁴ В данном случае речь идет об историках как профессиональной группе ученых, сплоченных не только общим предметом исследований, но и институциональными структурами (университетами, научно-исследовательскими институтами, научными школами, коммуникативными практиками, парадигмами и т.д.). В центре внимания окажутся представители преимущественно московской среды историков, поскольку процессы, проходящие в столице, наиболее ярко показывают основные тенденции и явления.

⁵ *Савельева И.М., Полежаев А.В.* Социология знания о прошлом. М., 2005. С. 263-270; *Ле Гофф Ж.* История и память. М., 2013. С. 147-152; и ми. др.

иной стране»¹. Причем признание того факта, что историки являются частью процесса создания исторической памяти, во многом основанной на исторических мифах, только подливает масла в огонь.

Вмешательство власти в производство и поддержание знаний о прошлом неизбежно в независимости от политического режима, но имеет разную степень интенсивности². Манипуляции знанием о прошлом социально-политических сил получили название «историческая политика». Особое внимание в XX в. к истории со стороны государственных структур — фактически залог их выживания. Из этого наблюдения становится ясным, почему историческая политика, под которой известный специалист А.И. Миллер понимает «набор практик, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие»³, играет большую роль в жизни государства. Историческая политика проводится целой системой методов. А.И. Миллер выделяет пять универсальных для всех современных режимов способов ее реализации: 1) создание специализированных институтов для насаждения определенных трактовок прошлого; 2) вмешательство в деятельность средств массовой информации; 3) манипуляция архивами; 4) моральное давление на оппонентов и поощрение угодных; 5) политическое вмешательство в содержание учебников и программ преподавания⁴.

Государство влияет на историков и производимые ими знания, а также массовые представления о прошлом, различными способами и средствами. Среди них можно назвать регламентацию школьного и вузовского образования, коммеморации (исторические юбилеи), регулировку доступа в архивы, финансирование исследовательских проектов и т.д. Кроме того, элементом такой политики является «политика “забывания”», то есть исключение из общественно-политической жизни тех или иных событий и явлений⁵.

¹ Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 221.

² Миллер А.И. Россия: Власть и история // Pro et Contra. 2009. №3-4. С. 7.

³ Подробнее см.: Там же. С. 6-23.

⁴ Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе // Историческая политика в XXI веке. М., 2011. С. 17-19.

⁵ Миллер А.И., Касьянов Г.В. Россия-Украина. Как пишется история. М., 2011. С. 14-15.

При этом надо помнить, что государство и его институты не являются единственными акторами, им приходится работать во взаимосвязи с другими общественными структурами¹, да и само государство и его бюрократический аппарат нельзя рассматривать как монолит. В его недрах работают люди с разным мировоззрением и политическими взглядами.

По мнению А.И. Миллера, историческая политика возможна только когда в обществе существуют различные социально-политические силы, создающие конкурентную среду в интерпретации прошлого². Если следовать этой точке зрения, то приходится констатировать, что в советское время исторической политики не было. С этим трудно согласиться. Во-первых, гипотетическое отсутствие политических конкурентов у советской власти не отменяет самого факта применения политической воли к освещению прошлого, а это уже политика. Во-вторых, в верхах большевиков довольно долго продолжалась борьба за оценку событий прошлого. Достаточно вспомнить дискуссии вокруг книги Л. Троцкого «Уроки Октября» (1924). Поэтому считать, что в области осмысления истории не существовало конкуренции не вполне корректно. В-третьих, официальная оценка истории советским руководством менялась, приходилось предлагать нарратив, противоположный предшествующему. Причем его внедрение, опять-таки, проводилось чисто политическими инструментами. Так, при Н.С. Хрущеве прошла частичная ревизия «сталинских» исторических концепций, а после его отставки новое руководство СССР стремилось скорректировать хрущевские «перегибы», в том числе и в области оценки прошлого. Исходя из всего вышесказанного, можно признать термин «историческая политика» универсальным. В отношении недемократических режимов, быть может, стоит внедрить понятие «историческая квазиполитика», но это требует специального суждения.

В свою очередь историки могут оказать немалое воздействие на историческую политику. Они выступают в роли экспертов, подтверждающих или опровергающих массовые представления, авторов школьных учебников и пособий для высших учебных заведений, публикаторов документов и т.д. Несмотря на несопоставимые масштабы по силе влияния, историки способны предложить исторический нарратив, способный стать реальной

¹ См.: Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв. М., 2011. Глава. 10-11.

² Миллер А.И., Касьянов Г.В. Россия-Украина. С. 17-19.

Государственная власть и историческая наука в Российской империи начала XX в.

1.1. Государство-нация и историческая наука

XIX–XX вв. стали эпохой обособления национальностей и формирования их национального сознания. Основой последнего в значительной степени является история, преломляющаяся в нем в виде исторических образов и мифов, становящихся фундаментом массовых исторических представлений¹.

Еще в начале XX в. немецкий историк Ф. Мейнеке предложил различать два типа наций — культурные и государственные. Первые формируются на основе этнических компонентов (язык, традиция, культура), вторые — в результате государственного национального строительства². Два типа во многом противостоят друг другу, поскольку государственная модель в процессе конструирования нации стремится к унификации входящих в нее этнических образований, а те, в свою очередь, нацелены на сохранение своей особенности. Более того, целью культурных наций является создание собственных государственных образований, что неминуемо разрушает нацию-государство изнутри. Все это предопределяет противоборство двух типов наций. Особую роль в этом процессе играет манипуляция знанием о прошлом, стремление власти контролировать историков.

Тесная связь истории и власти имеет глубокие корни в прошлом. Так, в Китае с древнейших времен историки являлись частью бюрократического аппарата, история писалась «бюрократами для бюрократов»³. В России связь между историком и государственной властью также была тесной. Особенно она усилилась начиная с XVIII в., в процессе становления государства модерного типа. Освобождаясь от влияния церкви, история подпадала под влияние государства — секуляризация влекла за собой бюрократизацию.

Именно правительство заказало первые исторические труды новой, имперской России. Оно же стремилось оказывать влияние

¹ О связи историографии и национального самосознания см.: *Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии. М., 2012. С. 29, 90–95, 154, и др.

² См.: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Национальная история и национализм // Неклассическое наследие. Андрей Полетаев. М., 2011. С. 331–332.

³ *Иггерс Г., Ван Э.* Указ. соч. С. 41, 73.

альтернативой официальной государственной политике. Такие фигуры, как Н.И. Костомаров¹, В.И. Семевский², М.С. Грушевский³ и др. — наглядный тому пример. В то же время стоит отметить, что в XX в. историк, как публичная общественно-политическая фигура, теряет свое значение. Во многом это связано с процессом профессионализации и специализации, приведшей к отдалению историков от общества и политики. Впрочем, в переломные периоды роль историка может оказаться весьма высокой. В этой связи достаточно вспомнить сравнительно недавнее прошлое, а именно «Перестройку».

¹ *Костомаров Н.И.* (1817–1885) — историк, предложивший в противовес концепции определяющей роли государства в русской истории идею борьбы федеративного и единогодержавного укладов. Настоящим наследником демократических федеративных начал историк считал украинский народ.

² *Семевский В.И.* (1848–1916) — историк крестьянства, выступивший с критикой традиционной истории, в которой не находилось места «трудящемуся обществу классу».

³ *Грушевский М.С.* (1863–1927) — украинский историк, в противовес официальной версии об украинцах как малороссах, т.е. части русских, доказывавший, что украинцы — это особая нация.

на их содержание. С середины XVIII в. в Российской империи появилась официальная должность историографа, задачей которого являлось написание отечественной истории. Следует подчеркнуть, что историограф фактически являлся чиновником на службе императорского дома, и получал за это жалование. В то же время нельзя отрицать существования альтернативных, негосударственных исторических нарративов, созданных как в светской (некоторые сочинения М.М. Щербатова), так и в религиозной (раскольничьей) среде (Поморские ответы братьев Денисовых).

Несколько иная картина наблюдалась в западноевропейских странах. Начиная, по крайней мере, с эпохи Возрождения, историю там нередко писали люди, не находящиеся официально на государственной службе¹. При этом было бы заблуждением отрицать их определенную зависимость от правящей власти. Ситуация начала меняться примерно с XVII–XVIII вв., когда формирование национальных государств усилило связь историков с властью.

В начале XIX в. в исторической науке происходят фундаментальные изменения, определившие характер взаимодействия историков и власти. Реакцией на наполеоновские войны стала «романтическая революция», содержанием и одновременно следствием которой являлось усиление исторической составляющей в общественном сознании. Прошлое стало рассматриваться как источник жизненных сил народа, необходимый фундамент современности. Именно в эти годы активизировались националистические настроения, отличительным явлением эпохи стало распространение национальной романтики².

Колоссальное влияние на европейскую историческую науку оказала деятельность знаменитого немецкого историка Л. фон Ранке (1795–1886), его идеи и разработанные им стандарты научно-исторического исследования. Он был поборником сильного национального государства, хотя и придерживался умеренного конституционализма³. Но влияние одного из главнейших «отцов-основателей» исторической науки лежало скорее не в политической плоскости, а в методологии исследования. И здесь Ранке заложил прочный фундамент, на котором покоилась связь государства и историков. Так, он требовал делать акцент на историописании, основанном на архивах. Это была разумная и плодотворная идея, — но, в то же время,

¹ Там же. С. 41.

² Сыромятников Б.И. Основные моменты в развитии исторической мысли // Дурновцев В.И., Тихонов В.В. Жизнь и труды историка Б.И. Сыромятникова. М., 2012. С. 82–83.

³ Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М., 1974. С. 91.

надо помнить, что архивы в эпоху формирования национальных государств создавались правительствами и обслуживали их интересы¹. Таким образом, историки невольно смотрели на прошлое глазами государственных служащих. Вне поля зрения оставалось все, чего не коснулась рука государства. Сложилось даже особое отношение к государственной власти как к структурообразующему элементу миропорядка. Позитивистская революция в общественных науках второй половины XIX в. закрепила представление о том, что архивы и источники — это альфа и омега исторической науки. Ментальная связь историков и государства-нации только укрепилась.

Заметную роль в складывании культа государства сыграла и философия Гегеля, который смотрел на этот институт как на зримое проявление души народа, а также воплощение мирового духа.

В России своеобразный (пусть и не всегда ясно осознаваемый) культ государства основывался и на историографической традиции, идущей еще с официальных летописных сводов. В них фактически проводилась мысль о том, что история России — это история правящей династии. Идея о всеилии государства в России нашла свое воплощение в концепции т.н. «государственной школы». Ее идеи оказывали колоссальное влияние на различные гуманитарные, общественные науки и искусство, включая историю, право, политические науки, литературу и т.д. В значительной степени сторонники «государственной школы» (Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, В.И. Сергеевич, отчасти С.М. Соловьев, и мн. др.) формировали интеллектуальную атмосферу эпохи. В государстве они видели демиурга исторического процесса. В их понимании развитие истории шло в сторону правового государства, которое все больше должно было делегировать свои полномочия общественности.

Итак, государство являлось центральным элементом исторической концепции историков XIX в. В конце XIX в. историк-юрист Б.И. Сыромятников вынужден был признать: «Наука русской истории все еще продолжает вращаться в замкнутом кругу традиционных схем и давно заученных положений... Два деспотических принципа держат до сих пор в тисках нашу историческую мысль. Согласно одному из этих принципов, основной двигательной силой в русской истории была всемогущая, всесозидающая “государственная власть”, правительство, которое и строило “сверху” скромное здание русского “общества” из груды сырого материала... Отсюда логически вытекал и второй принцип, гласящий, что историческое развитие России шло совершенно особым путем, в противоположность исторической эво-

¹ Иггерс Г., Ван Э. Указ. соч. С. 171.

люции западноевропейских народов, которые развивались органически “изнутри”, среди непрестанной борьбы социальных элементов»¹.

Несмотря на отмеченный выше культ архивов как основу позитивизма, именно позитивизм ослабил позиции государственной власти в глазах исследователей. Смещение акцента с политической и историко-правовой проблематики на социально-экономическую позволил пошатнуть (хотя и не опрокинуть) представление о государстве как о двигателе исторического процесса.

Таким образом, историческая наука, ее дисциплинарная структура, исследовательские традиции и многое другое, сформировались как результат нациостроительства XIX-XX вв. и зачастую целенаправленной правительственной политики. Поэтому связь историка XX в. с государством, «представителем» нации, велика и определяется не только материальными факторами, но и ментальными аспектами. Традиционное патриотическое воспитание, реализуемое в рамках изучения истории в школе и даже высших учебных заведениях, формирует взгляд на мир, в котором сильное государство и процветающая нация — две взаимосвязанные абсолютные ценности. Цель же историка — обслуживать их интересы. Возникает понятие «национальная историография», в которой этнический компонент и государственные интересы ставятся во главу угла.

На пороге XX в. историческая наука оставалась элементом государства-нации. Однако в следующие десятилетия развернется противоречивый процесс трансформации и частичной ломки такого порядка вещей. Во второй половине XX в. в западной гуманитаристике место государства и нации в историописании начинает занимать человек, его индивидуальность. Затем это представление распространится на историографию других стран мира. Такой поворот будет объективно снижать степень сакрализации государства и нации, разрушать их абсолютную ценность в глазах интеллектуалов и масс.

1.2. Концепция «мандаринов» Фр. Рингера

Среди современных историков науки заслуженным авторитетом пользуется метафора-концепция «немецких мандаринов», сформулированная Фр. Рингером. Исследуя немецкую интеллектуальную элиту (в первую очередь университетскую) XIX — первой трети XX в., историк сделал вывод, что, по сути, ее представители были высоко обра-

зованными чиновниками на службе государству. Исходя из этого, он сравнил их с китайскими мандаринами — учеными-чиновниками.

По Фр. Рингеру, немецкие интеллектуалы видели свою миссию в служении государству, выражавшемся в подготовке ими в университетах образованных чиновников для государственного аппарата, а также во внедрении в умы особого культа национального служения. Ученые-мандарины являлись лишь небольшой частью образованного класса, занимающего на определенном этапе развития государства и общества доминирующее положение. «Мандарины достигают господствующей роли в обществе только в особых, строго определенных условиях. Прежде всего они могут стать — и оставаться — правящим классом (в функциональном смысле) только на определенном этапе материального развития страны, а именно — в период перехода от аграрной экономики к полной индустриализации»¹. В процессе перехода от аграрного к индустриальному обществу возникает конфликт между традиционной аристократией и новым, образованным слоем неблагородного происхождения. При динамичной индустриализации конфликт может быть направлен в русло борьбы за быстрое промышленное развитие и национальное благосостояние. В случае медленной индустриализации, проходящей под контролем государства, интеллектуалы-бюргеры могут сосредоточить внимание на правах образованного класса. Они попытаются учредить своего рода аристократию просвещенного сословия, призванную вытеснить класс, правящий “просто по традиции”, и внедрить систему свидетельств об образовании, которые бы удостоверяли высокий интеллект их обладателей»².

Таким образом, мандарины становились своеобразной духовной аристократией. И хотя попадание в ее ряды не было непреодолимым препятствием, все же заметно, что постепенно формировался социальный круг выпускников гимназий и университетов, которые в свою очередь отправляли своих детей в гимназии и университеты. Высшее образование становилось обязательным атрибутом этого слоя и передавалось по наследству.

Характерной чертой мандаринов является их стремление рационализировать управление: заменить традиционные представления об абсолютной власти монарха теорией «рационального государства», где просвещенная бюрократия становится социально-политическим фундаментом. Государство объявляется самой большой ценностью, стоящей выше человеческой личности, даже личности монарха. В

¹ Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890-1933. М., 2008. С. 11.

² Там же. С. 12.

этом уже заложено определенное противоречие между архаической монархической идеей и идеалами мандаринов. Но в Германии это противоречие было снято модернизацией самого института монархии и его готовностью меняться вместе со временем. Произошел симбиоз интеллектуалов и государства, их взаимовыгодное сотрудничество.

Сотрудничество с властью не противоречило тому, что среда мандаринов оказалась политически неоднородной. Внутри нее можно было обнаружить различные вариации политических предпочтений, хотя и отрицающие излишне радикальные взгляды, способные разрушить существующее государство и социальный консенсус. Явное предпочтение отдавалось эволюционной, реформаторской доктрине, по сути «бюрократической социальной реформе»¹. Типичным политическим мировоззрением мандаринов Фр. Рингер называет «национал-либерализм», который позволяет «согласовать демократическое движение с сильной внешней политикой»². «За очень редким исключением, почти все ученые мечтали о государстве (или о политической партии), которое бы превратило конфликт в социальную гармонию, а во внешней политике руководствовалось бы культурными и этическими целями, а также идеалом немецкого величия»³. Парадокс такой позиции, по мнению автора, заключался в том, что она привела в «псевдоидеалистический мир антисемитизма и агрессивного национализма»⁴.

Само понятие власти и государства в представлении мандаринов наполнялось культурным содержанием, предполагающим обязанность власти служить интеллектуальной и духовной жизни общества. Идеал воплощался в т.н. чистом образовании, цель которого — сохранение и преумножение культурных ценностей, продукта жизнедеятельности нации и государства.

Еще одним противоречием между государством и интеллектуалами являлся вопрос автономии университетов. В немецкой образовательной модели университетская автономия — обязательный элемент успешного развития науки и культуры. Несмотря на сложные перипетии становления университетского автономизма к началу XX в. немецкое государство уже «выступало гарантом свобод, а не их потенциальным врагом»⁵. И в этом заключался еще один контракт между мандаринами и их институциональными центрами, с одной стороны, и властью — с другой.

¹ Там же. С. 192.

² Там же. С. 163.

³ Там же. С. 164.

⁴ Там же. С. 165.

⁵ Там же. С. 141.

Немецкими мыслителями была разработана концепция «правового государства»¹, где действующая власть является гарантом соблюдения правового режима, который она сама же, хотя и в сотрудничестве с интеллектуалами, и утвердила. В споре между радикалами и властью мандарины всегда встают на сторону закона, то есть, по сути, на сторону государства. Тем самым они играли стабилизирующую роль в обществе.

Особенностью становления ученого слоя в Германии Нового времени являлась его оторванность, как от предпринимательских, так и от аристократических кругов. В силу этой изоляции немецкие ученые не могли применить на практике свои феноменальные знания и культивировали идеалы чистой науки. Повышенный скепсис к предпринимательским профессиям являлся отличительной чертой немецких интеллектуалов и в начале XX в.

Основой воспроизводства мандаринов стали классические гимназии, получавшие более высокий статус, чем остальные учебные учреждения и готовившие учеников к поступлению в университеты, которые, в свою очередь, являлись обязательной ступенью в приобретении статуса и успешной государственной карьеры. По мнению Ф. Рингера, идея «чистого знания» заставляла ученых-мандаринов скептически относиться к практико-ориентированному, реальному образованию. Автор подчеркивает, что «классические идеалы переплетались с политическим консерватизмом и социальным снобизмом»². Немецкая профессура, под предлогом сохранения традиций, являлась главным противником университетских реформ, направленных на демократизацию и массовизацию высшего образования, так как понимала, что ее социальный статус будет поколеблен. Таким образом, университеты являлись «цитаделями» немецких мандаринов.

Тесная связь с государством, националистические идеалы и антидемократизм — вот отличительные черты немецких мандаринов накануне Первой мировой войны. Сюда еще следует добавить такое широко распространенное в академической среде явление, как антисемитизм. Падение Рейха стало для них трагедией. Веймарскую республику и ее порядки они рассматривали как проявление упадка и деградации. Не удивительно, что большинство немецких ученых положительно восприняли приход к власти Гитлера.

Мандаринам противопоставлялись, в терминологии Фр. Рингера, модернисты. Этим термином обозначались сторонники рефор-

¹ Там же. С. 142.

² Там же. С. 37.

мирования образовательной и политической системы. Но и они не были радикальными противниками существующего порядка: «Модернисты всегда считали демократию функциональной необходимостью современной эпохи, а не самоценным идеалом. Они стремились смотреть в лицо фактам, пусть даже и неприятным, как гибель бюрократической монархии»¹.

Такова вкратце концепция Фр. Рингера. Если ее подытожить, то получается следующий идеальный тип. Мандарины — это особый социокультурный феномен, возникающий в определенных условиях места и времени при переходе от аграрного общества к индустриальному. Его характерными чертами являются: 1) высокий социальный статус образованного слоя; 2) тесная связь науки и действующей власти, что не отменяет сохранение ряда противоречий между ними; 3) самым распространенным политическим мировоззрением является либерал-национализм; 4) защита идеи чистой науки, что не противоречило идеям особой культурной миссии науки в обществе; 5) национал-либерализм и культ чистой науки в свою очередь порождали антиутилитаризм, социальный снобизм, антидемократизм и антисемитизм.

Возникает закономерный вопрос: насколько описанный Фр. Рингером социально-исторический типаж является универсальным. Сразу же после выхода книги многие историки науки отметили, что проанализированный в ней феномен — отнюдь не уникальное немецкое явление². Многие черты, свойственные немецким мандаринам, обнаруживались в других западноевропейских странах и даже в США. В связи с этим возникает неизбежный вопрос: было ли что-то общее между российскими и немецкими учеными XIX — начала XX в.?

Публикация книги Фр. Рингера и ее популяризация в среде историков науки и образования спровоцировала дискуссии на эту тему. Сформировались две противоположные точки зрения. Одни исследователи придерживаются сложившейся еще в дореволюционное время в либеральной среде и развитой в советское время конфронтационной концепции³, по которой российская профессура находилась в резкой оппозиции режиму, другие — с определенными оговорками —

¹ Там же. С. 254.

² Александров Д.А. Немецкие мандарины и уроки сравнительной истории // *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов. С. 601-602.

³ Берлявский Л.Г. Высшее образование и наука в России (1890-1900 годы): традиционные «места знания» // *Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы)* / Отв. ред. А.Н. Дмитриев. М., 2012. С. 21-22; Иванов А.Е. Российские Императорские университеты под управлением Министерства народного просвещения (1880-е годы — начало XX века) // Там же. С. 28-87

принимают теорию мандаринов¹. Впрочем, даже те, кто используют термин «мандарины» для описания преподавательских кадров российских университетов, подчеркивают их либеральную традицию, не позволяющую окончательно примириться с самодержавной властью².

Попробуем разобраться в этом вопросе. Сразу необходимо оговориться, что связь власти и исторического сообщества проявляется заметно ярче, чем, скажем, связка «власть—биологи». Есть даже мнение С.В. Куликова, что «в начале XX в. монархия в России являлась формой политического господства гуманитарной субкультуры, а оппозиция отстаивала в том числе и права технократов, системный кризис начала века можно трактовать не только как следствие экономических, политических или финансовых противоречий, но и как следствие противоречий между двумя научными субкультурами — гуманитарной и технократической»³.

Сразу отметим, что связь между немецкой и российской наукой была чрезвычайно прочной. Для многих историков именно организация науки в Германии представлялась практически идеальной. Собственно именно от немцев российские историки переняли семинарские занятия, введение которых позволило резко повысить уровень преподавания истории и исследовательскую квалификацию⁴. Германия являлась и важнейшим пунктом для научных командировок, именно туда стремились попасть выпускники российских историко-филологических факультетов. Авторитетный историк В.И. Герье, воспитавший не одно поколение специалистов по всеобщей истории в Московском университете, сравнивая немецкие и французские университеты, однозначно отдавал предпочтение немецкой научной и педагогической школе⁵. Более того, Герье сам долго прожил в Германии и, как свидетельствует Н.И. Кареев, в начале 1870-х годов «был настроен в духе тогдашних наци-

¹ Вишленкова Е.А., Савельева И.М. Университетские сообщества как объект и субъект описания // *Сословие русских профессоров: Создатели статусов и смыслов* / Под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013. С. 7.

² Ростовцев Е.А. Российские мандарины. Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века // *Родина*. 2010. Спецвыпуск: Образование в России: вчера, сегодня, завтра. С. 49.

³ Власть и наука, ученые и власть: 1880-е-начало 1920-х годов: Материалы Международного научного colloquium. СПб., 2003. С. 83.

⁴ Антощенко А.В., Свешников А.В. Исторический семинарий как место знания // *Историческая культура императорской России*. М., 2012. С. 138-160.

⁵ Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX — начала XX века // *Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР*. С. 865.

онал-либералов и очень сочувствовал объединению Германии»¹. Исходя из этого, логично предположить, что влияние немецкой научной культуры на российских историков было огромным.

Впрочем, пиетет перед германской ученостью нередко пропадал после стажировки, когда можно было увидеть воочию свой идеал. Так, П.Г. Виноградов в 1876 г. в письме В.И. Герье посетовал на излишнюю специализацию немецких ученых и отсутствие у них широты взглядов². Даже специалисты по классической филологии, где ярко доминировали именно традиции немецкой школы, иногда выступили против ее догм, сосредоточенности на мелочном анализе частностей³.

Все же впечатление от немецкой научной системы было колоссальным. Еще один ученик В.И. Герье, М.С. Корелин, писал: «Немецкая жизнь достойна внушать уважение главным образом двумя своими сторонами. 1. Глубоким уважением к науке, пониманием ее общественной важности, которое здесь чувствуется на каждом шагу, которое вошло в общественное сознание... 2. Безустанной и неуклонной культурной работой, которая тоже чувствуется повсюду. Здесь настоящий культ культуры...»⁴. Причем М.С. Корелин именно в Берлине понял тесную связь «культурной работы» и патриотизма, царившего в Германии.

Итак, интенсивные контакты научных миров Германии и России должны были способствовать влиянию немецкой социально-политической атмосферы на русских ученых. Но способствовала ли эта связь формированию ученых—мандаринов? Обратимся для этого к анализу состояния научно-исторического сообщества конца XIX — начала XX в.

В первую очередь необходимо отметить, что формирование научных корпораций Германии и Российской империи происходило в схожих условиях. Как и несколько десятилетий ранее в Германии в 1870-80-е гг. в России началась индустриализация. И именно в конце XIX — начале XX в. российское общество переживало конфликт между старой дворянской аристократией и относительно новыми, все более влиятельными слоями интеллигенции и предпринимательства. Причем именно в это время началось массовое пополнение государственной бюрократии представителями науки, начал формироваться

новый имидж царского, высокообразованного чиновника¹. Но для того, чтобы говорить о феномене «российских мандаринов» указание на схожесть места и времени явно недостаточно. Для более глубокого анализа обратимся к рассмотрению состояния научно-исторического сообщества Российской империи в конце XIX начале XX в.

1.3. Российская историческая наука и власть в конце XIX — начале XX в.: институциональный и культурный аспекты

Историко-филологические факультеты университетов играли ведущую роль в развитии исторической науки в конце XIX — начале XX в. Здесь готовились кадры историков-профессионалов, велась научно-исследовательская работа, защищались диссертации. Во второй половине XIX — начале XX в. наблюдался количественный рост кадров специалистов-историков. Об этом свидетельствует и то, что за 1864–1916 гг. было защищено около 700 диссертаций по истории, в то время как в 1805–1863 гг. только около 200². Помимо классических университетов программу исторического образования предлагали Нежинский и Петербургский историко-филологические институты, готовившие преподавателей гимназии. На высших женских курсах существовали историко-филологические отделения.

Лидерами в подготовке историков оставались два крупнейших университета Российской империи: Московский и Петербургский. Именно в них защищалось больше, чем где бы то ни было, диссертаций, посвященных исторической тематике.

Рост потребности в серьезно подготовленных специалистах в области архивного дела привел к появлению специального исторического образовательного учреждения — Археологического института, открытого в Санкт-Петербурге (1877). Институт готовил археографов и архивных работников. Акцент делался на углубленном изучении архивного дела, источниковедения, археографии и вспомогательных исторических дисциплин. Аналогичный институт был открыт в Москве (1907).

¹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 132.

² Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 160.

³ Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX — начала XX века. С. 854–855.

⁴ Цыганков Д.А. Указ. соч. С. 254.

¹ Куликов С.В. Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX века: закономерности и типы отношений // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е–начало 1920-х годов: Материалы Международного научного colloquium. СПб., 2003. 60.

² Тихонов В.В. Историческая наука в конце XIX — начале XX века // Историография истории России. Учебное пособие / Под ред. В.Н. Захарова. М., 2013. С. 154.

До сих пор в литературе идут споры о социально-политическом облике российского преподавательского корпуса российской высшей школы. В работах советских историков подчеркивалось противостояние между университетами и властью, описывалась конфронтационная модель взаимоотношений. В современной историографии все сильнее прослеживается тенденция подчеркивать их противоречивый симбиоз¹. Например, в коллективной монографии, вышедшей в 2013 г. и посвященной российской профессуре, недвусмысленно заявляется: «Русские (в смысле подданства) профессора поступали на государственную службу и были ограничены в степени автономии, даже в передвижении. Это социальная группа интеллектуалов на службе государства, которая, представляя профессиональное и элитарное (в смысле характера знания и образования) сообщество, была в то же время классом государственных чиновников, пусть и нового типа»². Тем не менее, концепция оппозиционности продолжает доминировать в исследованиях, посвященных истории российских университетов³. Насколько это верно в отношении историков? Попробуем в этом разобраться.

Связь между университетскими историками и действующей властью, действительно, была весьма прочной. Официально учебные заведения находились в ведении Министерства народного просвещения⁴. Профессорско-преподавательский состав являлся частью привилегированного чиновничества Российской империи. Так, ректор вуза имел чин действительного статского советника (IV класс), ординарный и экстраординарный профессора — статского

¹ Об этой тенденции: *Берляевский Л.Г.* Высшее образование и наука в России (1890-1900 годы): традиционные «места знания» // *Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР*. С. 21-22; *Чесноков В.И.* Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // *Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом* / Отв. ред. А.Н. Дмитриев. М., 2012. С. 114-115.

² *Вишленкова Е.А., Савельева И.М.* Университетские сообщества как объект и субъект описания // *Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов* / Под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013. С. 7.

³ См. работы А.Е. Иванова.

⁴ *Чесноков В.И.* Правительственная политика и историческая наука России 60—70-х годов XIX века: исследовательские очерки. Воронеж, 1989. С. 5-7; *Никс Н.Н.* Московская профессура во второй половине XIX — начале XX века. М., 2008. С. 25-26; *Иванов А.Е.* Российские Императорские университеты под управлением Министерства народного просвещения (1880-е годы — начало XX века) // *Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР*. С. 28-87; *Он же.* Студенчество России конца XIX — начала XX в.: социально-историческая судьба. М., 1999; и др.

(V класс) и коллежского (VI класс). Отдельные представители достигали III класса (тайный советник)¹. В частности, после образования Государственного совета они принимали участие в его работе. При вступлении в должность профессора приносила присягу Императору². Ее представители работали в рамках действовавшего Университетского устава.

Конечно же, необходимо подчеркнуть, что многие профессора придерживались более или менее либеральных воззрений и поддерживали идею реформирования государства. Но их радикализм не стоит преувеличивать, абсолютное большинство из них были в целом лояльны власти и предпочитали действовать в рамках закона³. Для других наука была гораздо важнее, чем общественно активная позиция. Недаром филолог-классик И.И. Толстой (младший) вынужден был записать: «Представители официальной науки у нас, в массе, либеральные и просвещенные чиновники, не больше...»⁴.

Созданию лояльной среды всячески способствовала и политика Министерства. Университетский устав 1884 г. подводил юридический фундамент под такую политику. На кафедры и деканские должности назначались лояльные, преимущественно консервативные ученые. Особенно это было заметно в Варшавском университете, который рассматривался как оплот русификации в Западном крае. Повышенное внимание здесь уделялось историко-филологическому факультету, функцией которого являлось воспитание студентов в патриотическом духе, поскольку там преподавались предметы, способствующие этому. Большинство профессуры университета последовательно проводило в жизнь государственную политику. Меньшая часть (например, Н.И. Кареев) стремилась наладить контакты с польским обществом⁵.

Другие университеты, в отличие от Варшавского, не находились в условиях перманентной «чрезвычайной ситуации», но их препода-

¹ *Иванов А.Е., Кулакова И.П.* Ипостаси русского профессора: социальные высказывания рубежа XIX — XX вв. // *Сословие русских профессоров*. С. 116.

² *Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века). М., 2012. С. 127.

³ *Формозов А.А.* Заметки о русской интеллигенции 1940-2000 годов // *Формозов А.А.* Статьи разных лет. Курск, 2008. С. 8.

⁴ Цит. по: *Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи. С. 126.

⁵ *Баженова А.Ю.* Историк Императорского Варшавского университета: условия формирования пограничной идентичности // *Сословие русских профессоров*. С. 239-261.

давательский состав также формировался в основном за счет лояльных кадров. Спецификой историко-филологических факультетов Московского и Петербургского университетов было то, что их деканы, как правило, представляли филологию. Возможно, дело в большем доверии Министерства народного просвещения к филологам как к представителям аполитичной науки.

Однако, в 1900-1905 гг. деканом историко-филологического факультета Петербургского университета был историк С.Ф. Платонов (1860-1933), известный своими консервативными взглядам и связями с царской семьей. В 1895-1902 гг. он преподавал всеобщую и русскую историю детям и племянникам Александра III. Впрочем, Николай II считал, что Платонов сух и «мало сочувствует культу русских героев»¹. По своим политическим убеждениям историк относился к сторонникам конституционной монархии. По воспоминаниям П.Н. Милюкова, большинство петербургских профессоров сложно было отнести к «правым». Но на них «смотрели сверху как на достаточно благонадежную [среду — *В.Т.*], чтобы давать отдельным ее членам поручения и заказы на исторические темы для торжественных событий»².

В 1908-1911 гг. должность декана историко-филологического факультета Московского университета занял историк М.К. Любавский (1860-1936), известный своими умеренными, даже правыми взглядами. После начала работы Государственной Думы историк открыто симпатизировал проправительственной партии октябристов. Радикализм левых партий он рассматривал не как залог ускорения реформ, а как вероятную причину их торможения³.

Заметим, что среди историков был широко распространен либеральный консерватизм, то есть такое мировоззрение, в котором органично сплетались стремление к реформированию, принципы неприкосновенности личности и собственности и отстаивание исторических традиций российской государственности, ее институтов⁴. Для историков такое мировоззрение во многом типично из-за предмета их научной работы. Бережное отношение к прошлому — элемент духовного облика представителя этой сферы знания. К либеральному консерватизму исследователи относят таких веду-

щих историков XIX в., как Н.М. Карамзин, Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин и др. Актуальным мировоззрением либеральный консерватизм оставался и в начале XX в., найдя поддержку у многих представителей научной элиты.

Структура историко-филологических факультетов в значительной мере строилась под воздействием государственной политики. Так, исторический профиль, начиная с 1863 г., состоял из четырех кафедр: всеобщей истории, отечественной истории, истории церкви, теории и истории искусств. Мощный исторический компонент присутствовал и на филологических кафедрах, в частности, в виде греческой, римской и славянской филологии. Благодаря работе кафедр, к концу XIX в. Россия обладала серьезным потенциалом в антиковедении и славистике. Легко заметить, что расцвет указанных дисциплин в дореволюционной России во многом был связан с государственным заказом, шедшим от императорской власти. Так, антиковедение целенаправленно внедрялось в гимназии и университеты для вытравливания из них революционного духа. Наконец, славяноведение питалось панславистскими идеями и щедро финансировалось императорской казной именно как научное обоснование панславизма.

Еще одним направлением, которое пользовалось особым покровительством власти, стало византиноведение. Оно не было институционализировано в виде кафедры, но на византиноведческие штудии выделялись немалые средства: во-первых, из-за стремления культивировать доктрину «византинизма»; во-вторых, из-за внешнеполитических претензий Российской империи на Константинополь и черноморские проливы. Отнюдь не случайно, что в Стамбуле в 1895 г. был открыт Русский археологический институт, который просуществовал до 1914 г.¹ Целью института являлось научное «присутствие» России в важнейшем регионе мира. На учреждение возлагалась задача изучения истории и археологии Византийской империи и славянских народов. Кроме того, предполагалась еще и важнейшая идеологическая задача — изучение и популяризация исторических истоков русской религии и культуры².

Особую активность в утверждении византиноведения в качестве одной из ведущих отраслей исторической науки проявляли историки Новороссийского (Одесского) университета: Ф.И. Успенский,

¹ Чернобаев А.А. Сергей Федорович Платонов // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 381.

² Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. С. 109.

³ Фешкин В.Н. Жизнь и научная деятельность академика М.К. Любавского. Уфа, 2010. С. 34-35.

⁴ Багдасарян В.Э. Либеральный консерватизм // Российский либерализм середины XVIII — начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 533-535.

¹ Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе. СПб., 1999.

² Лантева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. М., 2012. С. 37-38.

Н.П. Кондаков и А.И. Кирпичников¹. Здесь сказывалась не только географическая близость университета к предмету исследований, но и амбиции местных историков занять лидирующее положение в относительно молодом направлении. Особую популярность византиноведения среди местных историков подметил и работавший тогда в Новороссийском университете выпускник Московского университета Р.Ю. Виппер: «...Все почти занимаются модной и по преимуществу благонамеренной наукой, византийской археологией»². То есть интересы местного научного сообщества и власти тесно переплетались.

В случае с византиноведением важно учитывать и еще один факт: курсы по истории Византии внедрялись в образовательную программу за счет часов по истории Европы. Специалисты по Европе видели в этом стремление министерства оградить студентов от знакомства с европейской историей и культурой, естественно, по охранительным соображениям. Так, Н.И. Кареев в 1890 г. в письме В.И. Герье возмущался: «Византизм в виде одного Безобразова³ — частное зло, но есть зло более общее, это — принципиальное безобразие, которое одними поддерживается, а со стороны других не находит отпора: тенденция положительна та, чтобы вытравить “Европу” и мытьем, и катаньем, а за это все: и греко-латины новейшей формации, и византийцы, и славянолюбцы, и российские самобытники»⁴.

Отношение к византинистам со стороны «европеистов», очевидно, было весьма прохладным. Об этом свидетельствует и письмо специалиста по европейской истории эпохи Возрождения М.С. Корелина, где упоминаются видные ученые-византинисты Ф.И. Успенский и В.Э. Регель: «...Оба византинисты, оба в сущности милые люди, оба немного тупы и нестерпимо скучны»⁵. Смысловой ряд — «византинисты, милые люди, тупы и скучны» — ярко показывает пренебрежительное отношение автора письма к историкам Византии.

Тесная связь наблюдалась между властью и таким активно развивавшимся научным направлением, как востоковедением. Именно востоковеды научно обосновывали особую миссию Российской империи в Азии, вольно или невольно подталкивая ее имперские амбиции⁶. Более того, именно ученики основателя отечественного

востоковедения барона В.Р. Розена взяли курс на «национализацию» этого направления, выразившуюся в формировании русскоязычной востоковедческой периодической печати. И именно российские востоковеды стали критиками европоцентризма, культивируя тем самым националистические настроения. По мнению В. Тольца, они играли роль «имперских ученых», видевших своей целью сохранение многонациональной и мультикультурной империи. В этом их устремления совпадали с интересами государственной власти¹.

Устройство университетской науки содержало множество фильтров для неблагонадежных. Одним из важнейших являлись ученые степени. Без наличия таковой практически невозможно было найти работу в университете. Факт присуждения степени являлся своеобразным пропуском в научную и педагогическую элиту. Напомним, что до революции ученые степени выдавались университетами. И здесь корпорация историков иногда оказывалась союзником власти в борьбе с крамолой. Широко известна история с симпатизировавшим народничеству В.И. Семевским, который не смог из-за противодействия профессора К.Н. Бестужева-Рюмина защитить диссертацию «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» (СПб., 1881). Во введении к ней молодой ученый позволил себе критические замечания в адрес реализации крестьянской реформы 1861 г. К.Н. Бестужев-Рюмин увидел в этом оскорбление памяти недавно убитого императора Александра II. В итоге молодой историк все же сумел защитить диссертацию в более либеральном Московском университете, но так никогда и не был допущен к преподаванию студентам². К.Н. Бестужев-Рюмин всячески этому противодействовал, считая, что «Университет не может и не должен допускать в свои стены проповедь революции... Ясно, что большинство студентов будет пропитано духом антирусским». При этом он добавлял: «Не знаю, сумею ли я противодействовать этому влиянию...»³.

В то же время Семевский за свою работу был удостоен Уваровской премии Академии наук и Большой золотой медали Вольного экономического общества⁴. Это свидетельствует об общественном признании его работ и возможности публичной положительной

¹ Там же. С. 245.

² Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в.- 1917 г. М., 1994. С. 155-156; По мнению Р.А. Киреевой в основе конфликта К.Н. Бестужева-Рюмина и В.И. Семевского лежало недоразумение: Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX века. М., 1990. С. 219-223.

³ Цит. по: Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX века. С. 224.

⁴ Федоров В.А. Семевский Василий Иванович // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 333.

¹ Там же. С. 37.

² Цыганков Д.А. Указ. соч. С. 346.

³ Безобразов Павел Васильевич (1859-1918) — византинист.

⁴ Цыганков Д.А. Указ. соч. С. 131-132.

⁵ Цыганков Д.А. Указ. соч. С. 276.

⁶ Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М., 2013. С. 52.

оценки научного труда, расходящегося с официозом. Власти больше беспокоила именно возможность «вредного» влияния на молодежь, а не научная деятельность.

Можно сказать, что случай с Семевским — исключение, и в какой-то мере это так. Дело в том, что большая часть претендентов отсекалась еще на стадии «оставления к подготовке к профессорскому званию». Согласно циркуляру от 10 ноября 1883 г. бывшие участники студенческих беспорядков и лица политически неблагонадежные не допускались к «профессорскому стипендиатству»¹. Впрочем, к началу XX в. эта норма часто не действовала, и находились многочисленные способы ее обойти.

Защита диссертации не всегда являлась пропуском в университетскую корпорацию. Здесь приоритет чаще отдавался политически благонадежным магистрам и докторам. Об этом свидетельствует Н.И. Кареев, защитивший в Московском университете в 1884 г. докторскую диссертацию, но так и не получивший места в родном для него учебном заведении. «...Моя надежда получить с докторской степенью вакантную ординатуру разлетелась, когда, по воле начальства, я, доктор своей науки, был два раза обойден в пользу других, бывших только магистратами, но зато пользовавшихся репутацией благонамеренности»², — вспоминал историк.

Но, несмотря на указанное стремление сформировать лояльную среду, отношения власти и университетского сообщества не были безоблачны. Главным камнем преткновения являлся вопрос университетской автономии. Модель университета, перенесенная из Европы на русскую почву, предполагала его заметную внутреннюю независимость от власти. В свою очередь правительственная бюрократия стремилась поставить под контроль университетскую жизнь, считая университеты рассадниками вредных для существующего строя идей. Здесь даже самые лояльные историки зачастую открыто выражали свое неприятие действиям властей. Например, В.И. Герье, в начале XX в. примкнувший к октябристам, активно выступал против попыток власти ущемить университетские свободы³.

Но были и другие настроения. Так, М.С. Корелин, понимая, что после студенческих волнений 1882 г. произойдет ограничение университетской автономии, записал: «Уже в газетах появилось известие, что профессора ординарные будут получать 5 000 руб., а прочие категории университетских будут заменены приват-доцен-

тами с государственным содержанием и с добавкою из специальных средств; зато университетская автономия будет уничтожена. Рассказывают, что один из членов профессорской корпорации с радостью публично заявил: Бог с ней, с этой политикой, хорошо, что жалование увеличили»¹. Понять «оппортунистский» настрой некоторых представителей профессорско-преподавательского состава можно: зарплата профессора была значительно ниже указанной суммы, а приват-доценты вообще не имели гарантированного заработка.

Самой громкой историей начала XX в., связанной с вмешательством правительства в университетские дела, стали события 1911 г. Тогда в знак протеста против действий министра просвещения Л.А. Кассо в отставку подали 131 сотрудник Московского университета, примерно треть его профессорско-преподавательского состава. Ситуация расколола мир историков на две части. Одни оказались среди уволившихся или открыто сочувствующим им, другие осудили или не одобрили этот шаг. Например, университет покинули известные историки А.А. Кизеветтер, Д.М. Петрушевский, В.И. Пичета, Д.Н. Егоров и др. В то же время другие остались, оправдывая свой шаг стремлением сохранить научный потенциал университета. Так, М.М. Богословский принял предложение возглавить кафедру русской истории, мотивируя это следующим образом: «Если бы я ее не занял, был бы на нее посажен Довнар-Запольский² или кто-либо еще хуже и расплодил бы здесь свою школу. Я же сохранил для московской кафедры традиции главы нашей школы В.О. Ключевского, оберег их в чистоте и этим имею право гордиться»³. К этому необходимо прибавить и то, что сам историк был вполне лоялен действующей власти. Его симпатии явно были на ее стороне, а не на стороне профессорской фронды. Не покинул университета и декан историко-филологического факультета М.К. Любавский. Более того, он пошел на повышение и стал ректором.

Тем не менее, Л.А. Кассо нарушил своими действиями, посягнув на автономию университета, негласное (а после 1905 г. и вполне юридически оформленное) соглашение между властью и научно-преподавательским корпусом. Поэтому эта фигура особой популярностью не пользовалась даже в среде консервативных историков. Например, С.Ф. Платонов бурно радовался слухам об отставке министра⁴.

¹ Там же. С. 226.

² Довнар-Запольский М.В. (1867-1934) — историк, выпускник Киевского университета, специалист по истории Русско-Литовского государства, Украины, декабристам и т. д.

³ Богословский М.М. Дневники 1913-1919. М., 2011. С. 325.

⁴ Ростовцев Е.А. Российские мандарины. Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века. С. 51.

1.4. Научно-исторические общества и власть

События 1911 г. демонстрируют и еще одну важную черту менталитета научно-педагогического корпуса. Его представители считали, что политические страсти не должны мешать нормальному ходу преподавательской и научной работы. Многие сотрудники смотрели на преподавание как на государственное или общественное служение. А для многих эти понятия были тождественны¹. Очевидно, что такая система взглядов снижала радикализм и социальную активность большей части и предопределяла их конечный компромисс с властью.

Важным центром научно-исторических исследований являлась Императорская Академия наук, расположенная в Санкт-Петербурге. Контроль власти за академией был еще большим, чем за университетами. Ее работа осуществлялась на основе устава 1836 г., в котором указывалось, что члены Академии находятся под «особым высочайшим покровительством». Выбранные в члены академии ученые утверждались императором, который одновременно являлся почетным академиком. Академию долгое время (с 1889 по 1915 гг.) возглавлял великий князь Константин Константинович. Государство финансировало Академию, создало систему научных премий, привлекало ее сотрудников к решению вопросов государственного управления².

Историки-члены Академии специализировались на исследовании древности и археографической деятельности. Уже сама постановка исследовательской проблематики, отдаленной от современности и поэтому считающейся политически безвредной, делала академическую жизнь аполитичной (во всяком случае, внешне). Начиная со второй половины XIX в., правительство, в собственных интересах, стимулировало интерес к новой истории, в особенности к истории правления Петра Великого, считавшегося самым ярким представителем династии Романовых. Но попытки академиков расширить проблематику исследований и осовременить ее при помощи избрания новых, прогрессивных членов оказались не очень удачными. Так, баллотировка в академики по разряду русской истории известного историка литературы А.Н. Пыпина окончилось скандалом. Уже избранный, ученый вынужден был добровольно отказаться от почетного звания из-за резкого противодействия министра народного просвещения Д.А. Толстого³.

¹ *Ермолаев Ю.Н.* Ректор Московского университета М.К. Любавский // Академик М.К. Любавский и Московский университет. М., 2005. С. 145.

² *Берлявский Л.Г.* Высшее образование и наука в России (1890-1900 годы): традиционные «места знания» // Расписание перемен. С. 14.

³ Подробнее см.: *Чесноков В.И.* Правительственная политика и историческая наука. С. 96-108.

В рассматриваемый период становилось все более очевидно, что решение задач, стоявших перед исторической наукой, не под силу отдельным, пусть и сверхталантливым, ученым. Увеличение числа исследователей отечественной истории во второй половине XIX — начале XX в. вызвало потребность в упорядочивании и координации научных сил. Одной из форм сотрудничества ученых в решении крупных исследовательских и организационных проблем стали научные сообщества.

На протяжении всего XIX в. в Российской империи наблюдался неуклонный рост научных и научно-просветительских обществ. Особенностью этого процесса являлось тесное переплетение в нем патриотических настроений просвещенной части социума и культура служения государству и обществу. Первоначально представления о служении обществу и государству не разделялись, но, начиная со второй четверти XIX в., в картине мира определенной части интеллектуалов они начинают расходиться¹.

Современные исследования наглядно показывают, что между научными обществами и государственной властью существовала устойчивая связь. Общества стремились заручиться моральной и финансовой поддержкой властных структур, а власть видела в них полезный социальный институт, возможность направить политическую активность в умеренное русло культурной работы. Но связь эта была противоречивой, а взаимоотношения не всегда безоблачными. Научные и просветительские общества постепенно приобретали квазиполитические функции, заполняя вакуум в реальной политике².

Таким образом, научные общества становились элементом процесса становления гражданского общества. В то же время, по замечанию Дж. Бредли, «гражданское общество развивалось успешнее всего именно тогда, когда избегало вмешательства в политическую деятельность, которая напрямую угрожала верховной власти»³. Любопытно отметить, что научные общества, пережившие в последней четверти XIX в. бурный рост, пользовались покровительством императора Александра III, который видел в этом реализацию идеи «народного самодержавия»⁴.

Власть использовала различные рычаги влияния на деятельность научно-просветительских обществ. Спектр был достаточно широк:

¹ *Бредли Дж.* Указ. соч. С. 48.

² Там же. С. 84.

³ Там же. С. 89.

⁴ *Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки. С. 71.

от репрессивных до поощрительных. Сюда входило и административное вмешательство, и цензура, и денежные дотации, и даже морально-политическая поддержка, выражавшаяся, например, в присвоении обществу статуса Императорского¹. По верному наблюдению А.С. Смирнова, императорская власть не стремилась мелко контролировать содержание научной деятельности обществ, довольствуясь лояльностью организаций к правящему режиму².

Особенностью работы обществ являлось то, что они часто становились объектом покровительства со стороны высокопоставленных чиновников. Нередко их почетными членами являлись представители императорской фамилии. Это давало серьезный административный ресурс, позволяло добиваться получения субсидий. Так, великий князь Константин Константинович покровительствовал Московскому археологическому обществу. Граф Д.А. Толстой, занимавший посты министра просвещения (1866–1882 гг.) и министра внутренних дел (1882–1889 гг.), был почетным членом Петербургского археологического института, президентом Императорской Академии наук. Член Государственного совета А.А. Половцев более десяти лет работал секретарем Русского исторического общества, настоящим лидером которого стал великий князь Николай Михайлович. Интересовался историей и Николай II³. Примеров можно привести немало.

Созданное в начале XIX в. Императорское Общество истории и древностей российских охватывало широкий спектр научно-исследовательских направлений. Но в работе организации наблюдались кастовость и замкнутость, поэтому со второй половины XIX в. в отечественной исторической науке шел процесс создания новых научно-общественных структур. В 1866 г. в Петербурге было основано Русское историческое общество, которое регулярно издавало «Сборники Русского исторического общества». В них широко публиковались документы по русской истории. Особенностью РИО было то, что его членами числилось множество высших сановников. Почетным председателем в 1866–1894 гг. был император Александр III.

Общества открывались и при университетах. В Киеве в 1873 г. было основано Историческое общество Нестора-летописца. Главным направлением его деятельности стало изучение истории западной части Российской империи. В 1889 г. по инициати-

ве Н.И. Кареева при Петербургском университете образовалось Историческое общество. В число его учредителей вошли С.Ф. Платонов, М.А. Дьяконов, В.Г. Василевский, А.С. Лаппо-Данилевский и др. Впрочем, надо отметить, что из-за разногласий в среде историков деятельность общества не была очень успешна. Кроме того, университетские общества находились под более пристальным надзором, нежели все прочие.

В 1907 г. образовалось Русское военно-историческое общество, поставившее своей целью целостное изучение военной истории (с особым вниманием к истории отдельных воинских частей). Его главой был профессор Академии Генерального штаба А.З. Мышлаевский. Организация имела отделения как в Петербурге, так и в Москве. Консервативный характер военно-исторического общества подмечен исследователями давно: «Военные историки... были, как правило, гораздо теснее связаны с военными структурами, чем со своими гражданскими коллегами; либеральные и тем более социалистические взгляды не имели среди них хождения»¹.

Большую активность проявляло и просветительское Общество ревнителей исторического просвещения в память императора Александра III, основанное в 1895 г., занимавшее откровенно консервативную позицию.

В исторических обществах власть видела особенно эффективных проводников патриотического знания, инструмент народного самопознания. Но, как и в других случаях, влияние обществ было неоднозначным с точки зрения правительства. В особенности это касалось исторических обществ, возникших на национальных окраинах. Так, украинские общества рассматривались как рассадник украинофильства и потенциальный источник местного национализма.

Нередко возникали конфликты даже со старейшими и консервативными объединениями. Например, в середине XIX в. возник скандал с публикацией, предпринятой Обществом истории и древностей российских, сочинений англичанина Дж. Флетчера, оставившего критические заметки о России времен Ивана Грозного. Власти трижды запрещали их издание под предлогом того, что они порочат прошлое страны и православной церкви². Несмотря на этот инцидент, Общество демонстрировало повышенную лояльность по отношению к власти, рассчитывая на субсидии и покровительство.

¹ Там же. С. 77.

² Там же. С. 80.

³ Куликов С.В. Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX века: закономерности и типы отношений. С. 60–63.

¹ Розенталь И.С. Москва на перепутье: Власть и общество в 1905–1914 гг. М., 2004. С. 133.

² Чесноков В.И. Правительственная политика и историческая наука России 60–70-х годов XIX века. С. 43–55.

Иногда это приводило к громким скандалам, когда отдельные его члены считали, что действия Общества нарушают этические нормы, сложившиеся в научном сообществе. Так, в 1905 г. его председателем был выбран министр просвещения В.Н. Глазов, пообещавший увеличить Обществу правительственную субсидию вдвое. Почетный председатель Общества В.О. Ключевский в знак протеста подал в отставку. А после того, как в 1912 г. почетным членом избрали другого министра просвещения, прославившегося своим «разгромом» Московского университета, Л.А. Кассо, член общества А.А. Кизеветтер покинул его ряды¹. В то же время описанные инциденты наглядно показывают устойчивую практику Общества привлекать в свои ряды высокопоставленных чиновников для извлечения из этого материальной и административной выгоды.

Заметную роль в научно-просветительском пространстве Российской империи играли и Губернские ученые архивные комиссии, в значительном количестве появившиеся в последней четверти XIX в. Исследования последних лет наглядно показывают, что генетически они были связаны со статистическими комитетами МВД и «занимали промежуточное место между государственными учреждениями и научными обществами»².

Особым покровительством власти пользовались археологические общества. В Петербурге существовало Археолого-нумизматическое общество, с течением времени переименованное в Русское археологическое общество. В нем состояли известные историки того времени. В Москве сложилась аналогичная организация под названием «Московское археологическое общество». Его председателем стал граф А.С. Уваров. Общество любителей кавказской археологии, затем преобразованное в Кавказское общество истории и археологии, занималось изучением кавказских древностей. Размах археологических изысканий в России привел к пониманию необходимости объединения усилий и установления связей между археологами. Идея была реализована в 1869 г., когда прошел первый Археологический съезд. Впоследствии такие съезды собирались каждые три года.

По наблюдениям современного исследователя А.С. Смирнова, складывание институциональной структуры археологической науки Российской империи тесно переплеталось с геополитическими амбициями власти. Более того, «говоря о различных общественных фор-

¹ Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 124.

² Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки. С. 40.

мах организации археологической науки, мы должны помнить, что, несмотря на формально негосударственный статус этих обществ, они целиком и полностью находились под государственным контролем»¹.

К примеру, к началу XX в. активно действовали Императорская археологическая комиссия, работавшая при Министерстве императорского двора и Московское археологическое общество (1864), возглавляемое сначала графом А.С. Уваровым, а после его смерти его супругой П.С. Уваровой. Общество пользовалось неизменной поддержкой власти за то, что реализовывало «великорусские устремления власти»². Съезды, проводившиеся обществом, наглядно это демонстрировали. Зачастую они превращались в демонстрацию лояльности властям. Известный археолог и историк искусства Н.П. Кондаков вспоминал атмосферу на одном из таких съездов: «Первыми шли депутаты старейших университетов, народ бывалый — знали, как себя надо держать, подходили тихо и почтительно, так как председателем собрания был в.к. Константин Константинович, в по сторонам его сидели все именитые и чиновные академики и почетные гости»³.

Общества, занимавшиеся древней историей, встречали особенно благожелательное отношение со стороны чиновников. Объяснялось это тем, что их работа хорошо вписывалась в идеологический контекст, который рассматривал традиции как фундамент общества. Кроме того, считалось, что древность отвлекает молодых людей от политики. Именно с этой целью создавались научные общества в университетах. «Целью обществ, — считал С.П. Мельгунов, — было вовсе не развитие студенческой самостоятельности, а лишь направление общественной мысли по наиболее безопасному руслу — в то время, конечно, академическому»⁴. Радикально настроенные студенты относились к ним враждебно.

Тесная связь исторических обществ и правящего режима стала причиной и их исчезновения после Октябрьской революции. Показательна судьба Русского исторического общества. По авторитетному мнению А.Д. Степанского: «Тесная связь РИО с верхушкой государственного аппарата отрицательно сказалась на судьбе общества. Вскоре после Октября оно фактически развалилось»⁵.

¹ Там же. С. 77.

² Там же. С. 73.

³ Цит. по: Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки. С. 130.

⁴ Цит. по: Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX — начало XX века. М., 2010. С. 73.

⁵ Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974. М., 1975. С. 46.

Официально общество прекратило свое существование 4 сентября 1920 г. Общему собранию Российской академии наук было доложено заявление членов РИО о закрытии общества и передачи его имущества Академии.

1.5. Власть и историки в контексте дихотомии «Москва-Петербург»

На взаимодействие власти и научно-исторического сообщества влияли и культурные факторы, в частности атмосфера города. Проиллюстрируем это наблюдение примерами университетов и историков двух столиц — Москвы и Санкт-Петербурга.

Так, Петербургский университет органично вписывался в чиновничью атмосферу северной столицы. По воспоминаниям выпускника университета, профессора С.С. Кузнецова, «старый Петербургский университет [дореволюционный — В.Т.] некоторыми своими распорядками отражал блеск Петербурга: чопорно-вежливое и холодновато-обязательное обращение профессорско-преподавательского и технического персонала; белизна дверей и стен; совершенная прозрачность стекол в окнах и огромных книжных шкафах из ясеневоего дерева... сверкание до зеркальности натертого паркета... Профессора в скромных черных сюртуках представлялись нам небожителями, проповедниками каких-то исключительных истин»¹.

Мнение о Петербурге как столице чиновников и придворных, где невозможно свободное научное творчество было весьма распространено в московских кругах. С.Б. Веселовский, которому долгое время не давали преподавать в Московском университете, после того, как возникла возможность получить научное звание в Санкт-Петербурге и начать там свою педагогическую карьеру, отказался от этого предложения. В своем дневнике за 1916 г. он следующим образом объяснил это решение: «Мне представляется, что в П[етербурге] меньше оригинальных людей и независимых характеров, чем в Москве, но средний уровень культуры много выше московского. Нельзя же считать научной средой чиновников от науки, группирующихся около университета, курсов и т.д.»².

¹ Цит. по: *Ростовцев Е.* Университет столичного города (1905-1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурера и А. Дмитриева. М., 2009. С. 262-263.

² *Веселовский С.Б.* Дневники 1915-1923, 1944 г. // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 106.

В 1918 г., в эпоху тотальной ломки привычного мира, уже другой московский историк, Ю.В. Готье, рассуждал в том же направлении. Категорический противник большевиков он считал, что стремление петербургских историков сотрудничать с новыми властями есть проявление их менталитета, сформированного близостью научного сообщества в Петербурге к власти вообще. «Несколько раз пришлось видеться с петербургскими историками Пресняковым и Полиевктовым. Раньше это не осознавалось, но теперь, при обострении жизни, как все-таки ясно чувствуется разница в психологии Петербурга и Москвы. Они легче приспособляются к Р.С.Ф.С.Р. и оптимистичнее смотрят на настоящее, чем мы — трудно это сразу объяснить: не то наследие питерской бюрократии, не то налет эсеровщины, уживающийся с тем же бюрократическим духом бывшей столицы»¹.

В противовес официозному Петербургу московская общественность бравировала своей оппозиционностью (надо сказать весьма умеренной). В частности, это выражалось в довольно частых забастовках профессоров и студенчества. В Москве сложилась тесная связь местной предпринимательской и интеллектуальной элиты. Развитое городское самоуправление, активное участие профессуры в работе Московской городской думы, немало способствовали этому: «Сотрудничество в думе с профессорами и выходцами из Московского университета оказывало серьезное личное влияние на основоположников крупных московских купеческих династий, в большинстве своем не имевших высшего образования. В результате их сыновья становились студентами Московского университета, уделявшими пристальное внимание науке и просвещению»². На историко-филологическом факультете получили образование выходцы из старых московских предпринимательских фамилий: известный предприниматель и политик А.И. Гучков и выдающийся историк С.В. Бахрушин.

Авторитет их семей требовал активной общественно-политической работы на благо московского общества. Так, С.В. Бахрушин был депутатом Московской городской думы три раза. О своих первых выборах он не без иронии вспоминал: «...Я чувствовал вокруг своей головы ореол от блеска моей фамилии... На предвыборном собрании с обеих сторон произносились колкие и укорительные речи, дебатировались программы, вопросы, когда поднялся высокий, седой как лунь, старик в длиннополом сюртуке и в несколь-

¹ *Готье Ю.В.* Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 8-9. С. 156.

² *Цыганков Д.* Московский университет в городском пространстве начала XX века // Университет и город в России (начало XX века). / Под ред. Т. Маурера и А. Дмитриева. М., 2009. С. 391.

ких словах нравоучительным тоном рекомендовал выбирать “таких людей, как Бахрушин”: он меня не знал, не имел никакого представления о моих качествах и недостатках; он видел во мне лишь представителя той породы людей, которых “надо” выбирать, и кои по своему положению призваны исполнять функцию гласных...»¹. Тесная связь с социально-политической жизнью города толкала московских историков к написанию исследований на общественно значимые темы. Одной из самых популярных была история местного самоуправления, очевидно навеянная их московским опытом.

По обоснованному мнению Е.А. Ростовцева, общественно-политическая атмосфера, царившая в двух университетах, повлияла и на стиль исторических исследований. Так, более свободная и политически активная позиция способствовала стремлению к концептуальному осмыслению в Московском университете, в то время как постоянный правительственный контроль в Санкт-Петербурге толкал к более деидеологизированной научно-критической работе с историческими источниками, «идеографическому стилю исследований»².

Д.А. Цыганков указывает на то, что семинарские занятия, практикуемые в Московском и Петербургском университетах, также строились на разных принципах. Первые ориентировали на изучение исторических проблем, а вторые — на овладение исследовательской техникой в области вспомогательных научных дисциплин. «Как следствие различных методических установок в области источниковедения и историографии, практикуемых на семинарах, наметился разный подход к написанию исторических сочинений у московских и петербургских школ исследователей. Сочинения московских историков имели в виду читающую публику вообще, образованное русское общество. Петербургские исследователи стремились к написанию научных монографий для специального пользования»³.

1.6. Были ли российские историки конца XIX — начала XX в. «мандринками»?

Итак, тесная связь между российскими учеными и властью вполне очевидна. Но с немецкими мандаринами их сближали и ментальные черты. Выше было сказано, что немецкие мандарины с прене-

¹ Архив Российской академии наук Ф. 624 (С.В. Бахрушин). Оп. 2. Ед.хр. 69. Л. 4.

² Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 36.

³ Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. С. 67.

брежением смотрели на предпринимательские профессии. Сходные взгляды можно обнаружить и в среде русских историков. Правда, нужно учитывать, что такое отношение скорее характерно для выходцев из духовного сословия, которых было немало среди историков (В.О. Ключевский, М.К. Любавский, М.М. Богословский), где с детства воспитывалось отрицательное отношение к «стяжательству». Однако в начале XX в. в среду историков-профессионалов пришли новые «хозяева жизни»: «окультуренные» поколения выходцев из купеческих фамилий и предпринимательских кругов. К ним можно, например, отнести С.В. Бахрушина, Ю.В. Готье.

Об этом свидетельствует и статистика. Так, если в 1853 г. среди московской профессуры дворян было 34,6 %, выходцев из духовных сословий — 27 %, то представителей почетных граждан и купцов только 1,9. В 1902 ситуация заметно поменялась: теперь наблюдалась следующая картина: 42,2 — 10,4 — 11,2. Тенденция усилилась к 1916 г.: 34,4 — 7,8 — 17,1¹. Итак, выходцев из предпринимательских кругов становилось все больше, а из духовенства все меньше. Естественно, что между ними возникали трения из-за несхожести социального происхождения и менталитета.

Конфликт двух социальных типов наглядно виден в записи М.М. Богословского о С.В. Бахрушине: «В “Русских ведомостях” сегодня статья С.В. Бахрушина, резко нападающая на духовенство, его строй, школу, нравы, отрезанность от общества. Мне при чтении этой статьи вспомнилось купечество, к которому и автор ее принадлежит, с прогрессивными повадками и с тою же алчностью к наживе, с которой облапошивали и дедушки в смазных сапогах. Можно быть прогрессивным гласным и писателем и принадлежать к купеческому дому мародеров, “придерживающих” кожу, чтобы вздуть на нее цену и таким образом ограбить казну и публику»².

Еще одной отличительной чертой немецкого «мандринки» является его приверженность «чистому знанию» и фундаментальному университетскому образованию. В этом аспекте влияние немецкой школы особенно сильно сказалось на русских ученых. С одной стороны, именно историки оказались в авангарде массовизации образования в России. Достаточно вспомнить деятельность В.И. Герье и К.Н. Бестужева-Рюмина по организации высших женских курсов. С другой стороны, можно найти свидетельства того, что модель

¹ Никс Н.Н. Московская профессура во второй половине XIX — начале XX века. С. 32. Таблица 3.; См. также: Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 223-227.

² Богословский М.М. Дневники. С. 233.

элитарного университета казалась многим предпочтительнее. Ведь она более соответствовала их представлению о том, что высшее учебное учреждение должно воспитывать фундаментально образованных, высококультурных членов общества (по факту — элиты), а не давать образование для утилитарных целей. Так, после появления в начале XX в. в России народных университетов¹, рассчитанных на широкую публику, историк М.М. Богословский язвительно записал в своем дневнике, комментируя открытие в Нижнем Новгороде очередного народного университета: «...Во всяком случае, это не есть “университет”. Это гордое название совершенно неправильно носит и наше московское учреждение Шанявского, которое есть не что иное, как курсы по отдельным предметам. Левые разгильдяи, вроде Б.И. Сыромятникова², любят в пустозвонных речах противопоставлять “казанный” университет “вольному” и “императорский” — “народному”. У нас даже лекции Сыромятникова на окраинных московских фабриках называются “университет”. Чем бы дитя не тешилось»³.

Впрочем, после революции 1905—1907 гг., когда были разрешены частные образовательные учреждения, те, кто не ужился в «казенном» университете, могли преподавать там. Показателен пример А.А. Кизеветтера, ушедшего из Московского университета и ставшего профессором ряда негосударственных вузов. Появление этих альтернативных мест работы серьезно способствовало более независимому поведению сотрудников императорских университетов.

Еще одним пунктом, совпадающим у российских историков и их немецких коллег, являлся широко распространенный антисемитизм. Дневники видных историков начала XX в. разных политических пристрастий буквально наводнены проклятиями в адрес «жидов»⁴. Явными антисемитами были такие известные историки, как Д.И. Иловайский, С.П. Бартенев, И.Е. Забелин, Ю.В. Готье, М.М.

¹ О народных университетах см.: *Пархоменко Т.А.* Московское общество народных университетов // Педагогика. 1996. № 6. С. 96-99; *Тихонов В.В.* Б.И. Сыромятников и Московское общество народных университетов // История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 2. М., 2008. С. 228-237; *Он же.* «Мир знаний, правды и покоя»: Московское общество народных университетов // Бартеневские чтения. Материалы Областной научно-практической конференции по проблемам гуманитарных наук. Липецк, 2012. С. 171-179.

² *Сыромятников Б.И.* (1874-1947) — историк-юрист, активный участник либерального просветительского движения начала XX в.

³ *Богословский М.М.* Дневники. С. 136.

⁴ Известный историк А.И. Миллер называет начало XX в. эпохой «модерного антисемитизма»: *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 132-143.

Богословский, М.К. Любавский и др. Официально лица иудейского вероисповедания не могли быть допущены к преподаванию в университетах. Все превратности национального происхождения испытал на себе известный античник С.Я. Лурье. Он даже написал горько-ироничное стихотворение: «...Но зачем вам быть евреем? / Быть евреем — и публично / Это очень неприлично...»¹. Тем не менее, нельзя говорить о полной закрытости для евреев университетских кафедр — для достаточно было сменить вероисповедание.

Подобно немецким коллегам, российские историки избегали участия в политической жизни. Пожалуй, лишь П.Н. Милюков открыто рассуждал о тесной взаимосвязи между исторической наукой и политикой. Он считал, что политика — это искусство, но искусство, связанное с решением общественных проблем, поэтому политик нуждается в научном знании для успешной деятельности. Милюков затруднялся провести ту черту, которая разделяла бы научно-историческое знание и политику. Он писал: «Дело в том, что в данном случае познающий и действующий субъекты стоят так близко друг к другу, так часто совмещаются в одном лице, что смешение научной и практической точки зрения становится самым обыкновенным случаем»². Автор этих строк сам являлся ярким примером совмещения в одном лице историка и политика. Заметим, что, пожалуй, один Милюков обладал действительной склонностью к общественно-политической деятельности. Остальные предпочитали ей научно-педагогическую³. Милюков язвительно вспоминал о лояльном власти круге почтенных университетских профессоров⁴. В определенной степени ему вторил и соратник по партии кадетов А.А. Кизеветтер: «Университет — не монастырь кабинетных отшельников, но живой орган культурного процесса».

Но такая позиция была скорее исключением. Приведем пример академика А.С. Лаппо-Данилевского. В своих общественно-политических предпочтениях он основывался на либеральных ценностях, отдавая симпатии партии кадетов. Пиком «политической карьеры» учёного стало его избрание в 1906 г. от Академии наук в Государственный совет, где он выступал за отмену смертной казни и амнистию участникам революции 1905—1907 гг. Впрочем, в том же году он добровольно покинул Госсовет.

¹ *Лурье Я.С.* История одной жизни. СПб., 2004. С. 55.

² *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. I. СПб., 1896. С. 5.

³ *Шаханов А.Н.* Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 179-181.

⁴ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 120.

Несмотря на то, что А.С. Лаппо-Данилевский принимал участие в политической жизни страны, он строго разделял политику и науку. В 1908/09 учебном году во время студенческой забастовки, придя на занятия, он увидел в аудитории всего несколько человек. Тогда он решил не читать лекцию, а предложил обменяться мнениями о происходящем. Сам преподаватель высказался в том смысле, что проведение забастовки в университете недопустимо, потому что это храм науки, а не арена для политических баталий¹.

Схожие ситуации возникали неоднократно, и всегда основная масса профессоров занимала умеренную позицию. Так, историк и лингвист Н.Я. Марр осудил решение своего ученика Я.И. Смирнова уйти из Петербургского университета в знак протеста против увольнения Н.И. Кареева и И.М. Гревса. А историк-антиковед С.А. Жебелев за это назвал Смирнова «дураком»². Резко против политизации университетской жизни в годы Первой русской революции выступал и М.К. Любавский, призывавший своих коллег-либералов встать на «академическую почву»³. Ему вторил М.М. Богословский: «...Нет элемента более непригодного для политики, чем профессора»⁴.

Даже либеральный и в целом оппозиционный режиму Н.И. Кареев с неодобрением относился к студенческим беспорядкам: «... Психология “бунтующего студента” была мне понятна, но отсюда было далеко до поощрения профессором увлеченной молодежи. Вместе с другими профессорами я видел, как такие “беспорядки” нарушали правильное течение учебной жизни, особенно когда лекции прерывались волею иногда небольшого, но более энергичного меньшинства... Я никогда не мог вполне согласиться с теми, которые смотрели на эти волнения, как на проявления общественного протеста против деспотизма. По моему мнению, они демонстрировали не силу, а слабость этого протеста, раз за авангардом “детей” не шла плотная масса “отцов”, общество в настоящем, а не будущем»⁵.

Подавляющая часть историков мечтала о сильном государстве (в представлениях большинства — правовом), где царила бы социальная гармония. Это государство должно было железной рукой продвигать национальные интересы империи на внешнеполи-

¹ Тихонов В.В. «Прирожденный академик»: К 150-летию со дня рождения А.С. Лаппо-Данилевского // Вестник Российской академии наук. 2013. Т. 83. № 1. С. 70.

² Смирнов А.С. Указ. соч. С. 125.

³ Ермолаев Ю.Н. Указ. соч. С. 146.

⁴ Богословский М.М. Указ. соч. С. 73.

⁵ Кареев Н.И. Указ. соч. С. 204.

тической арене. Здесь имперские амбиции власти и ученого мира вполне совпадали. Американский исследователь Т. Эммонс писал о том, что ученики Ключевского придерживались национал-патриотической идеологии¹. Не будет преувеличением, если мы распространим это наблюдение практически на все научно-историческое сообщество, за исключением редких маргиналов, вроде М.Н. Покровского².

На основании всего вышеописанного может сложиться мнение о тождестве между немецкими «мандаринами» и их российскими коллегами. В отечественной историографической традиции этому выводу мешает устоявшееся представление о либеральном мировоззрении русской профессуры. Однако на примере историков видно, что либерализм, во-первых, не был повсеместно распространенным политическим мировоззрением, а во-вторых, отнюдь не мешал сотрудничеству с властью. Главное не в этом. В Германии симбиоз власти и науки базировался на социальном контракте, по которому государство являлось гарантом университетских свобод. Именно этого «контракта» не существовало в России. Именно за него боролось абсолютное большинство профессорско-преподавательского корпуса, именно в этом источник их оппозиционности. В остальном же научно-педагогическая среда была вполне лояльна. Думается, что в дальнейшем такой контракт был бы заключен — может быть даже на более либеральных условиях, чем это было в Германии, так что можно было бы смелее рассуждать о феномене «российских мандаринов». Но этому помешала революция.

¹ Эммонс Т. Ключевский и его ученики // Вопросы истории. 1990. № 10. С.

² Покровский Михаил Николаевич (1868—1932) — историк-марксист, член РСДРП.

Пропаганда прошлым: российские историки в годы Первой мировой войны

Эффективность системы проверяется кризисными ситуациями. В этом смысле Первая мировая война оказалась проверкой на прочность и лояльность власти в том числе и для научно-исторического сообщества. Известно, что в Германии ученые стали важным фактором национального консенсуса и мобилизации.

В России, также как и в других странах-участниках конфликта, на первых порах можно было наблюдать рост патриотизма. Возникло т.н. «настроение 1914 года»¹. На этой волне научно-историческое сообщество демонстрировало верноподданническую солидарность с властью. Историко-филологический университет Дерптского университета выступил с инициативой присудить Николаю II степень доктора русской истории *honoris causa*. Инициатива была переадресована Московскому университету, который ее поддержал, но предложил не присудить степень, а публично отметить заслуги царя перед исторической наукой. В мае 1915 г. 18 профессоров русской истории и истории права поднесли императору адрес, в котором предлагалось присвоить исторически съездам его имя. Николай II дал согласие². Эпизод, надо сказать, показательный. С одной стороны, сообщество продемонстрировало лояльность, с другой — корпоративная этика не позволила им присвоить докторскую степень непрофессиональному историку. Был найден путь, удовлетворивший всех.

Отличительной чертой Первой мировой войны стало острое идеологическое противостояние между воюющими державами, а

¹ *Поршнева О.С.* «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // *Российская история*. 2010. № 2. С. 185—200; *В.П. Булдаков* оспаривает возможность применения данного термина к России: *Булдаков В.П.* Первая мировая война и коллизии российских культурных иерархий, 1914-1916. (К постановке проблемы) // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия «История». 2012. № 5. С. 3-18.

² Подробнее см.: *Куликов С.В.* Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX века: закономерности и типы отношений // *Власть и наука, ученые и власть: 1880-е-начало 1920-х годов: Материалы Международного научного colloquium*. СПб., 2003. С. 64-65.

также активная пропаганда внутри самих стран, направленная на активизацию патриотических настроений. Исследователи усматривают здесь прообраз «тотальной войны», в которой идеологические баталии приобретают не меньшее значение, чем собственно военные сражения¹.

Профессиональные историки не остались в стороне от т.н. «мобилизации интеллекта»². Они стали активными участниками публицистических споров, пытаясь представить историческую перспективу текущих военных событий, исторически обосновать претензии своих стран. Такие известные российские историки, как Ю.В. Готье, А.А. Корнилов, М.К. Любавский, Е.В. Тарле, Б.И. Сыромятников, М.И. Ростовцев и др. активно занимались публицистической деятельностью, читали лекции перед самой разнообразной аудиторией, стремясь поддержать свою страну в военные годы. Они профессионально развернули т.н. «пропаганду прошлым», то есть использование знаний о прошлом, исторических образов и аналогий и т.д. в идеологическом противостоянии.

В академической среде российских историков виновником начала боевых действий однозначно рассматривалась Германия. Подавляющее большинство из них встретило начавшуюся войну патриотическим подъемом. Многие историки подписались под знаменитым «Ответом германским ученым», где осудили немецкую агрессию, представив страны Антанты в качестве благородной жертвы. Под этим документом мы находим подписи многих маститых историков: Р.Ю. Виппера, Э.Д. Гримма, С.А. Жебелева, Ф.Ф. Зелинского, Л.П. Карсавина, Н.Я. Марра, М.М. Богословского, С.Ф. Платонова, М.И. Ростовцева, А.Н. Савина, Б.А. Тураева и др. Подписать манифест отказался Н.И. Кареев, что требовало немало мужества, поскольку он шел наперекор общественному мнению.

Следующим «патриотическим» шагом стала кампания за исключение немецких и австрийских ученых из почетных членов Императорской Академии наук. Впрочем, многие члены академии,

¹ *Голубев А.В., Поршнева О.С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. С. 51-52.

² *Дмитриев А.* Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество // *Интеллигенция в истории: Образованный человек в социальных представлениях и действительности*. М: ИВИ РАН, 2001. С. 296-335; *Иванов А.Е.* Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // *Вопросы естествознания и техники*. 1999. № 2. С. 108-127

например историк А.С. Лаппо-Данилевский, выступили против этого¹. Известный историк М.М. Богословский, реагируя на волну репрессий в отношении лиц немецкого происхождения, записал в своем дневнике: «У нас можно разрешить какие угодно вопросы: польский, еврейский, армянский, но немецкого не разрешить: до такой степени за двести с лишним лет немцы вошли в нашу жизнь и слились с нами. Немецкие фамилии у нас среди интеллигентного круга на каждом шагу»². Возмущало М.М. Богословского и то, что цензура запрещала исполнять музыкальные произведения Шумана, Моцарта и т.д. «Их музыка интернациональна; это — сокровище всего человечества»³.

Российские историки (Ю.В. Готье, М.И. Ростовцев, Р.Ю. Виппер, М.М. Богословский и мн.др.), также как и их коллеги из других европейских стран, своим научным авторитетом старались мобилизовать нацию на борьбу. Работали они преимущественно в жанре научно-исторической публицистики. Его особенность заключалась в том, что публицистические по своему характеру сочинения обставлялись развернутой научной аргументацией, а огромный научный авторитет их авторов придавал рассуждениям и выводам особую солидность и наукообразность. Существовала и иная форма научно-исторической публицистики: в научные монографии и лекционные курсы вносились рассуждения и оценки, носящие ярко выраженный публицистический характер и исходящие из «злобы дня».

Такие настроения заставляли историков активнее участвовать в общественной жизни. Многие читали лекции и публиковали статьи, призванные поддержать эмоциональный подъем. Московский историк Б.И. Сыромятников, читавший лекции в Московском обществе народных университетов, включил в свою программу такие темы, как «Для чего нужно продолжать войну?» и «Немецкая культура и немецкое варварство»⁴.

Не менее показательны лекции известного русского историка французского происхождения (что только усиливало его антигерманские взгляды) Ю.В. Готье по истории славян. В своем курсе лекций ученый уже тогда указывал на то, что война станет рубежом

¹ *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. С. 204.

² *Богословский М.М.* Дневники 1913-1919. С. 63.

³ Там же. С. 156.

⁴ Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 366 (Б.И. Сыромятникова). К. 30. Ед.хр. 11.

в мировой истории. Он рассматривал ее как продолжение исторической борьбы славянских и немецких народов¹.

Германофобия была характерна и для его курса по истории России XIX века. Лектор большое внимание уделил истории внешней политики в рассматриваемый период, не без оснований считая, что это позволит понять истоки Первой мировой войны². Излагая основные события, историк исходил из тезиса, что к концу правления Николая I Российская империя оказалась в тупике, «из которого она могла выйти только ценою больших жертв и крупных внутренних перемен»³. По словам Готье, кризис был вызван сменой ориентации национальной элиты в начале века. Если предыдущие правители (последней из которых автор признал Екатерину II) ориентировались на «старую московскую аристократию», которая могла вести Россию по «пути прогресса», то после смерти Екатерины «русская аристократия... приобретает ясно выраженный немецкий оттенок... Ее консерватизм становится похожим на узкий, грубый консерватизм немецких князьков и государей XVIII в... Во внутренней русской жизни приобретают силу и влияние немцы... Во внешней политике Россия сходит с почвы политики национальной»⁴. Из этого пассажа антигерманские взгляды ученого явствуют со всей очевидностью.

При этом Первая мировая война стала насыщенным фоном для историософской рефлексии представителей русской интеллектуальной элиты. Заметим, что этот период вообще характеризовался подъемом прежде всего философско-исторической мысли⁵. В статьях, лекционных курсах, публицистике ученые проводили исторические параллели с событиями современности, пытались вписать войну в широкий историософский контекст. Война представлялась как столкновение народов-титанов⁶.

Патриотическая эйфория первых месяцев войны привела к тому, что значительная часть отечественной интеллигенции сыграла заметную роль в развернувшейся пропаганде. Важную роль в этом сыграла т.н. доктрина «либерального патриотизма», наиболее полно сформулированная партией кадетов. Она включала «идею

¹ *Готье Ю.В.* История южных славян. Литографированный курс лекций. М., 1916. С. 10.

² Архив Российской академии наук. Ф. 491 (Ю.В. Готье). Оп. 1. Ед.хр. 6. Л. 1.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ *Носков В.В.* Первая мировая война и русская философия истории // Проблемы всемирной истории. Сб. ст. в честь А.А. Фурсенко. СПб., 2000. С. 82-92.

⁶ *Гримм Э.Д.* Борьба народов // Вопросы мировой войны / под. ред. М.И. Туган-Барановского. Пг., 1915. С. 1-19.

так называемого “внутреннего мира”, то есть примирения с правительством ради победы, совместного с властью противостояния революции, обоснование русского империализма как “освободительного” для славянских народов и Европы, но одновременно и идею о том, что война должна способствовать внутренним реформам, залогом чему должен быть союз с демократическими нациями¹. Учитывая особую популярность кадетов среди отечественной интеллигенции, данная доктрина получила широкое распространение.

«Пропаганда прошлым» развернулась и в центрально-европейских державах. Так, знаменитый немецкий историк античности Э. Мейер проводил следующие исторические параллели: Германию он рассматривал как наследницу Римской империи, Англию как современный Карфаген, который «должен быть разрушен», Россию как деспотическую Персию. Таким образом, Германия представлялась борцом за европейскую цивилизацию — наследницу Рима. Впрочем, борцами за цивилизационные основы Европы стремились изобразить себя все воюющие стороны. Так, отечественные историки приготовили «симметричный ответ», выпустив специальный сборник: «Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию» (М., 1916).

В научно-исторической публицистике можно выделить два направления: европеизм и панславизм. Международный военный конфликт поставил на повестку дня извечные вопросы русской общественно-политической мысли о месте России в европейской цивилизации и ее особой роли среди славянских народов.

Начнем с панславистского направления. В российском обществе его популярность подогревалась антигерманскими и антиавстрийскими настроениями. Накануне мировой войны славянофильские идеи имели хождение среди части русской интеллектуальной элиты. С.Н. Булгаков в 1911 г. писал: «Нам приходится стоять перед лицом мощной западной культуры в полном ее расцвете... Пред нами опять стоит антиномия славянофильства и западничества, в новой лишь ее постановке». Поэтому «русская тревога за нашу культуру не должна ослабевать в это трудное и ответственное время, когда задачи так огромны, культурные силы так разрозненны и слабы, а национальное самосознание так при-

¹ *Ростовцев Е.А.* Университет столичного города (1905-1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века). М., 2011. С. 303. См. также: *Шелохаев В.В.* Разработка кадетами национального вопроса в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 355-366.

давлено»¹. Таким образом, война лишь стала катализатором роста славянофильских и панславистских настроений. Наиболее ярко их выразил философ В.Ф. Эрн в своей программной статье «Время славянофильствует»². С началом войны в официозной брошюре писалось: «Миролюбивая, Святая Русь встала на защиту славянства против посягательства германцев»³. Впрочем, броская метафора не вполне отражала настроения большинства интеллектуалов. Многие не являлись славянофилами в классическом понимании, будучи лишь поборниками славянского единства перед лицом германской угрозы.

В годы Первой мировой войны можно было наблюдать настоящий ренессанс панславистских идей. Накануне войны тема славянской солидарности играла заметную роль. Например, в июне 1914 г. лидер партии младочехов К. Крамарж разработал проект «Устава славянской империи», предполагавший после поражения Австро-Венгрии в войне с Россией создание под эгидой русского императора системы славянских королевств, объединенных федеративными отношениями, общим таможенным союзом, но независимыми во внутренних делах⁴. Подобные идеи находили отклик в определенных кругах русского правительства, хотя оно и вынуждено было считаться с реальным положением дел. Славянская карта эффективно разыгрывалась во время военных действий против центрально-европейских держав. Так, в начале Первой мировой войны было объявлено, что царское правительство намеревается восстановить единую Польшу с предоставлением ей свободы вероисповедания, языка и самоуправления на правах автономии в составе Российской империи.

Панславистские идеи нередко тесно переплетались с культом империализма. Любопытны рассуждения известного экономиста, историка и общественно-политического деятеля либерально-консервативного направления П.Б. Струве. Он писал: «Война 1914 г. призвана довести до конца внешнее расширение Российской империи, осуществив ее имперские задачи и ее славянское призвание...» Более того, именно победа укрепит тот правовой порядок, который установился с 17 октября 1905 г.⁵ В размышлениях Струве

¹ *Носков В.В.* Первая мировая война и русская философия истории. С. 83.

² *Эрн В.Ф.* Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия // Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991.

³ Великая война 1914 года. Пг., 1914. С. 4.

⁴ Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 228

⁵ *Струве П.Б.* Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. Кн. 12. С. 177.

тесно переплетаются западные по сути идеи правового государства и метафизическая идея Святой Руси, построенной на «правде».

Представители панславистского течения среди историков рассматривали текущий мировой военный конфликт как продолжение извечной борьбы славянства и германцев. С их точки зрения, поражение России и других славянских стран приведет их к духовному порабощению. Ректор Московского университета М.К. Любавский в докладе о деятельности университета по государственной обороне привел следующую историческую аналогию: в случае поражения Россия попадет в зависимость хуже, чем при татарах. Доклад получил одобрение университетского Ученого совета. Вообще аналогия между Германией начала века и монгольскими завоевателями стала чрезвычайно популярной. Например, известный мыслитель С. Франк, анализируя духовные основы германского милитаризма, подчеркнул, что в немцах тесно переплелись высокая научная культура и низкая, варварская мораль. Исходя из этого, он назвал Германию «Чингисханом с телеграфом»¹.

М.К. Любавский активно публиковал статьи, освещавшие героические страницы русской истории, нарочито придавая им публицистическую форму². Центральной проблемой в его трудах стала история взаимоотношения славян и германцев. Исходя из собственных панславистских симпатий, Любавский стремился показать, что борьба славян с германской агрессией имеет глубокие исторические корни. Он утверждал, что у славян всегда было два врага: туранство и германство. Первый враг в лице Османской империи ослаб, а вот Германия — страшная угроза. Борьба с Германией виделась ученому историческим делом России как «славянского колосса»: «Необходимо так или иначе проследить развитие этой драмы для того, чтобы надлежащим образом понять смысл и значение происходящих ныне событий, почувствовать всю тяжесть задач, возлагаемых ныне на Россию, всю ответственность нашу перед потомством»³. Именно Россия, «столп и утверждение славян», должна помочь славянам одолеть врага, который угрожает самому их существованию. В речи перед учениками Медведковской гимназии, прозвучавшей в тяжелые для русской армии месяцы 1915 г., он в самых черных красках нарисовал будущее России в случае по-

ражения: «Знайте, господа, что это новое иго во сто крат будут тяжелее прежнего ига, татарского. Татарин только грабил имущество русского человека, но оставлял в покое его душу; тевтон стремился пожрать не только материальное благосостояние других народов, но и их духовную индивидуальность»¹.

Многие историки, в целом не придерживающиеся славянофильских взглядов, тем не менее, обыгрывали в своих работах сюжеты и идеи близкие к панславистским. Так, известный либеральный историк и член партии кадетов А.А. Корнилов выпустил книгу «Русская политика в Польше со времен разделов и до начала XX в.» (Пг., 1915), в которой в очень смягченном виде показывал царскую политику в Польше и указывал, что новая эра в русско-польских отношениях началась с возвания великого князя Николая Николаевича, в котором было объявлено, что царское правительство намеревается восстановить единую Польшу с предоставлением ей свободы вероисповедания, языка и самоуправления на правах автономии в составе Российской империи. Справедливости ради необходимо указать, что подобные конъюнктурные шаги вызвали негативную реакцию у некоторых историков из левого фланга либерального лагеря. 13 марта 1915 г. Е.В. Тарле писал редактору «Голоса минувшего» С.П. Мельгунову: «Я смотрю (или смотрел) на “Голос минувшего” как трезвый и беспристрастный орган, где можно указать этой слащавой мямле Корнилову, что 1) не следует фактически врать и 2) не следует подделывать историю под фасон возвания Верховного Главнокомандующего, как бы это возвание само по себе не нравилось историку»².

Знаменитый русский медиевист П.Г. Виноградов, по политическим мотивам покинувший Россию в начале XX в. и живший в Англии, также в своих публикациях отразил панславистскую атмосферу времени. Он писал в «Times»: «Славяне должны иметь свой шанс мировой истории, и время их возмужания ознаменует новый этап в развитии цивилизации»³. Правда при этом историк оставался убежденным западником, считая, что Россия должна развиваться по европейскому пути.

¹ *Он же*. О значении переживаемого ныне исторического момента // Экскурсионный вестник. 1915. № 3. С. 9.

² *Каганович Б.С.* К традиции «либерального империализма» в России: Е.В. Тарле и вопросы внешней политики // Исторические записки. Вып. 4 (122). М., 2001. С. 319.

³ Цит. по: «Путь приобщения к европейской культуре». Статья П.Г. Виноградова / Публ. А.В. Антощенко // Исторический архив. 1997. № 1. С. 199.

¹ *Франк С.* О духовной сущности Германии // Русская мысль. 1915. № 10. С. 1-18.

² *Сидоров А.В., Старостин Е.В.* Матвей Кузьмич Любавский // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 371.

³ *Любавский М.К.* Исторические судьбы славянства // Экскурсионный вестник. 1914. № 3. С. 5.

Популярная идеологема о борьбе германства и славянства и особой миссии славянских народов в мировой войне привела к тому, что серьезно рассматривались проекты создания кафедр истории славян на Историко-филологических факультетах¹. Однако панславизм не оформился в стройную идеологическую доктрину. Зачастую славянофильские симпатии являлись лишь проявлением солидарности к славянским народам (в первую очередь, к Сербии и Черногории) и антипатии к империи Габсбургов.

Однако постулаты панславизма разделяли отнюдь не все историки. Так, Е.В. Тарле и М.И. Ростовцев анализировали сложившуюся ситуацию с точки зрения европейских ценностей. Тарле выпустил несколько статей, в которых прослеживал историю складывания воюющих блоков. Все они были пронизаны антантофильскими настроениями. В то же время историк изображал войну как борьбу политических и экономических интересов, избегая излишней идеализации стран Антанты². М.И. Ростовцев утверждал, что главенствующей тенденцией во всемирном историческом развитии является переход от «мировой монархии» к национальным государствам. Памятуя о популярных среди немцев аналогиях о том, что рейх — это новая Римская империя, он стремился доказать, что такая государственная форма, основанная на универсалистских устремлениях, обречена на гибель. В «мировых монархиях» господствует абсолютизм, в то время как современные нации жаждут свободы. Из античности они восприняли не идею империи, а идею гражданственности. Наиболее яркими примерами таких наций он называет Италию, Англию и Францию, то есть страны Антанты. «В хвосте идет Германия, с трудом прививающая себе основы античной гражданственности и культуры, врагом и разрушителем которой она всегда была, как была она всегда и носительницей идеала возобновления мирового государства, идеала всегда разбивавшегося о крепнущее национальное самосознание народов Европы»³. Также как и Германия, по мнению ученого, отстают и Россия. Ее задача — встать в ряд с передовыми национальными государствами Европы. Здесь, очевидно, проявились надежды значительной части интеллигенции о том, что союз России с демократиями Запада

¹ Ростовцев Е.А. Испытание патриотизмом: профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. 2009. Вып. 29. С. 318.

² Каганович Б.С. Е.В. Тарле и петербургская школа. СПб, 1995. С. 21.

³ Ростовцев М. Национальное и мировое государство // Русская мысль. 1915. № 10. С. 31.

способствует либеральной эволюции российского политического режима.

Таким образом, мировая война привела к активизации двух традиционных течений русской общественно-политической мысли. Часто идеи европеизма и панславизма вполне мирно уживались, даже переплетались. Однако если панслависты апеллировали к идеалу многонациональной славянской империи, то европеисты, по преимуществу, отстаивали идеал национального государства европейского типа (пусть и с сохранением имперской сущности). В этом и заключалось противоречие двух проектов дальнейшего развития Российской империи и ее места в мире.

Многие историки принимали участие в работе различных общественных организациях. Так, С.В. Бахрушин и С.Б. Веселовский сотрудничали в Отделе Всероссийского Земского и Городского Союзов по устройству беженцев. Они воочию видели тот хаос, которым было пронизано управление. В дневнике Веселовского отчетливо показана неэффективность правительственных действий и пассивность общественных организаций, погрязших в бессмысленных дебатах. На этом фоне все большую популярность набирала идея «ответственного правительства». Например, с таким требованием выступал на своих публичных лекциях Б.И. Сыромятников¹. М.М. Богословский 10 сентября 1916 г. записал: «У нас на фронте воюют, а в тылу воруят — так, по моему, можно обозначить наметившееся разделение труда»². Но при этом он категорически осуждал тех политиков, которые пытались на возникших трудностях сколотить себе политический капитал. Он считал, что в сложившихся условиях государству необходима всенародная поддержка. В оценке событий Богословский старался занять взвешенную позицию. 25 ноября 1916 г. между ним, с одной стороны, и В.И. Пичетой с А.Н. Савиным с другой произошла дискуссия: его оппоненты обвиняли Россию в разгроме Румынии. «Оба они сообщали разного рода непроверенные слухи, против чего я очень возражал. Удивительно, как серьезные люди повторяют нелепые рассказы, явно лживые!»³, — описывал спор историк.

Некоторые историки, основываясь на опыте изучения прошлого, предрекали скорый крах империи. Веселовский, указывая на дезорганизацию управления, предсказывал падение режима еще в 1916 г. Незадолго до свержения царской власти он, в письме к

¹ НИОР РГБ Ф. 366. К. 30. Ед.хр. 11.

² Богословский М.М. Дневники...С. 235.

³ Там же. С. 274.

С.Ф. Платонову, утверждал, что паралич государственного аппарата может привести к скорому перевороту¹. К сожалению, данный прогноз полностью оправдался. Российское государство историк назвал «историческим недоразумением», утверждая, что еще в 1905 г. предвидел его скорое падение². Причиной деградации нации он считал слабость национального самосознания, ярким проявлением чего он считал разложение армии.

После падения монархии тема мировой войны отошла на второй план под напором революционных событий, но все же продолжала привлекать внимание исследователей. Более того, ее осмысление приобрело историософский оттенок. Так, Веселовский, размышляя в середине 1917 г. над причинами падения российской государственности, назвал мировую войну титанической борьбой народов. Русский народ проиграл ее, поскольку не был готов к такой борьбе из-за своего бескультурья и слабого развития национального самосознания. Временное правительство, с его точки зрения, не было способно организовать военную машину. Схожие мысли выражал и Ю.В. Готье, писавший, что «состязания с Европой» русский народ не в силах выдержать³.

Углубляясь в предпосылки случившейся катастрофы, Веселовский в первую очередь указывал на фундаментальные причины. Он писал: «Одной из главных причин, почему Россия оказалась колоссом на глиняных ногах... мне кажется то, что мы во время величайшего столкновения народов оказались в положении народа, еще не нашедшего своей территории. То есть: мы распозлись по огромной территории, не встречая до недавнего времени на своем пути сильных соседей-врагов, растаскивали, а не накапливали хозяйственные и духовные свои богатства, и истощили основное ядро государства — великорусскую ветвь славян — на поддержание колосса на глиняных ногах»⁴. В рассуждениях очевидно влияние популярных в начале XX в. идей о зависимости плотности населения и динамики развития общества. Считалось, что чем плотнее жители страны заселяют ее территорию, тем динамичнее протекают процессы эволюции государства. Концепция недостаточной осво-

¹ С.Б. Веселовский — С.Ф. Платонову. 05.05.1917 г. // Переписка С.Б. Веселовского с историками. М., 1998. С. 188.

² Веселовский С.Б. Дневники 1915-1923, 1944 годов // Вопросы истории, 2000. № 2. С. 90.

³ Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 122.

⁴ Веселовский С.Б. Дневники 1915-1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 96.

енности территории российского государства пользовалась практически всеобщим признанием.

Будущее России представлялось Веселовскому в мрачном свете. С его точки зрения, она окончательно потеряет роль великой державы: «Из войны она выйдет разоренной, истощенной, урезанной и опозоренной»¹.

Ю.В. Готье первоначально главной причиной революции в России считал разложение правящего режима². Уже в июле 1917 г. он высказывался крайне пессимистично: «Будущего России нет; мы без настоящего и без будущего»³. От общих рассуждений о судьбах России историк быстро перешел к осмыслению причин катастрофы через анализ менталитета русского народа, являвшегося цементирующей основой рухнувшей империи. «Русский народ — народ пораженец; оттого и возможно такое чудовищное явление, как наличность среди чисто русских людей — людей, страстно желающих конечного поражения России», — в порыве отчаяния писал он⁴. Характерной чертой русских ученых считал отсутствие чувства патриотизма: «Необычайно уродливое явление... В так называемой Российской державе есть патриотизмы какие угодно — армянский, грузинский, татарский, украинский, белорусский — имя им легион, — нет только общерусского, да еще великороссы лишены оного. Как будто великороссы, создавшие в свое время погибающую теперь Россию, совершенно выдохлись, или же понятие общерусского и великорусского настолько отождествилось с режимом политическим, который существовал до последнего времени в России, что и ненависть к этому режиму перенесена была на все общерусское и вызвала эту атрофию общерусского патриотизма. Частный, областной патриотизм, культивируемый в бывшей России, есть один из самых дурных видов партикуляризма; он погубил много славянских государств, погубит и наше»⁵.

Отсутствию чувства родины и ответственности за нее Готье отводил ключевую роль в сложившейся ситуации: «В самом деле, кто был патриотами на Руси — часть мечтательных помещиков, да еще метисы, вроде меня и очень многих мне подобных»⁶. Он считал, что отсутствие «национального самосознания и здорового инстин-

¹ Там же. С. 91.

² Готье Ю.В. Мои заметки... С. 13.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Там же. С. 125.

кта самосохранения» привели русских к гибели. С его точки зрения, русский народ сам вырыл себе могилу. Хорошее знание славянской истории позволяло проводить историком многочисленные аналогии — конечно же, поверхностные, но от того не менее показательные и злободневные.

В причинах развала государства историк находил и конкретно-исторические предпосылки: «Главные причины гибели России: I) Внутренняя политика Голштинской династии (эгоизм, деспотизм, жестокость и недалёковидность); II) Неудовлетворительность реформ Александра II: вызванное к жизни крестьянское сословие не получило достаточно прав; правительство не умело поладить с новыми внесословными общественно-политическими деятелями; III) Непрактичность, тупость, ограниченность идеологий и практических стремлений революционеров от 1860 до 1917 г.; IV) Недостаток честности, казнокрадство, не позволившее создать органов обороны; V) Темнота, явившаяся последствием продолжавшейся той же внутренней политики при Александре III и Николае II; III, IV и V создали измену, так ярко расцветшую в 1914—1917 гг.; VI) Пангерманизм; VII) Ошибки революции — следствие I—V»¹.

В этом пространном отрывке отчетливо проявилось общественно-политические мировоззрения историка. Готье стоял на позициях умеренного либерализма, не принимая радикальных настроений революционных деятелей. При всем своем либерализме (проявившемся в обвинениях в адрес Александра III и Николая II в неумении и нежелании сотрудничать с обществом), не менее очевидна и его государственническая позиция, неприятие анархии и международного ослабления страны.

На фоне рассуждений Веселовского и Готье более оптимистичными выглядят представления Е.В. Тарле. После Февральской революции его антантофильские симпатии еще более усилились. Он считал, что Россия должна до последнего выполнить свой долг перед своими союзниками и оказаться в стане победителей. В случае же выигрыша Германии, с его точки зрения, может произойти непоправимое — превращение России в немецкую полуконию².

Октябрьские события в академической среде были встречены враждебно. Подавляющее большинство считало, что большевики не только приведут к окончательному поражению в войне, но

¹ Готье Ю.В. Мои заметки... С. 22.

² Каганович Б.С. Указ соч. С. 22-23.

и уничтожат российскую государственность. Даже Тарле писал в конце 1917 г.: «Что случилось — то случилось: эта война нами проиграна. Но будем же иметь в виду, что нам придется уже в недалеком, может быть, будущем встретиться с вымогательствами... с покушениями на нашу экономическую независимость. Стране, которая захочет долго оставаться с такою организацией и такою армией, с такими финансами и такою хозяйственной политикой... подобной стране не позволят удерживать для себя свои природные богатства... Нам нужен покой, нам нужен долгий нейтралитет. Но ни то, ни другое... с неба не падает... И мы, и вся Европа стоим не пред лучезарной весной, а пред полярной ночью»¹.

Несмотря на все старания историков, «пропаганда прошлым» не помогла Российской империи оказаться в числе победителей. Неудачи на фронте и просчеты в организации тыла перечеркнули все усилия интеллектуалов. Тем не менее, Первая Мировая война наглядно показала, что история — важный компонент идеологии. Очевидно, что опыт войны был учтен советским руководством в годы Великой Отечественной.

Отметим, что упомянутые историки проявили себя не столько как оголтелые пропагандисты, сколько как критически мыслящие аналитики, желающие победы своей стране, но видящие и ее слабые стороны.

* * *

Подведем итоги. В конце XIX — начале XX в. интересы власти и историков совпали в главном — активный процесс нациостроительства приветствовался как властью, так и обществом. Дьявол, как всегда, прятался в деталях. Императорская власть хотела видеть в нации опору трона, а большинство интеллектуалов ратовало за национально-промышленное правовое государство (во главе с монархом или нет — не принципиально), современное и сильное на международной арене. В этом случае, используя метафору историка Дж. Бредли, примененную им для объяснения взаимоотношения власти и научно-просветительских обществ в Российской империи XIX — начала XX в., можно говорить о «нестабильном партнерстве» ученых и власти². Действительно, несмотря на отдельные трения, историки были склонны сотрудничать с властью, а та, в свою очередь, поддерживать их. Но царская власть

¹ Цит. по: Каганович Б.С. Там же. С. 26.

² Бредли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012. С. 425.

часто не поспевала за вектором общественного развития, что вызывало у высокообразованных историков скепсис к ней. Учитывая то, что практически все институты, включая и научные (университеты, академия, общества), юридически и финансово зависели от государства, говорить о возможности существования независимых научных институтов не приходится. Однако это не отменяло возможности существования отдельных независимо мыслящих и публично высказывающих свое мнение историков. Они зачастую создавали альтернативный исторический нарратив, подрывая тем самым основы официальной исторической политики.

Итак, оппозиционность научно-исторического сообщества не стоит переоценивать. Абсолютное большинство академических и университетских историков были вполне лояльны власти, если не на словах, то на деле точно. Тем не менее, говорить о симбиозе государственной власти и «ученого сословия» не приходится. Для этого недоставало главного: социального контракта между властью и учеными, контракта, по которому государство гарантировало бы независимость исторической науки как института.

Для реализации собственной исторической политики монархия использовала широкий спектр методов: от репрессивных до поощрительных. Такое сочетание в целом оказалось достаточно эффективным в мирное время, однако в условиях кризиса общества в годы Первой мировой войны такая система показала свою нестабильность. Германия, где существовал полноценный социальный контракт, оказалась морально лучше подготовлена к «войне интеллекта».

Стремление построить ориентированную на государство и его потребности систему исторической науки не увенчалось успехом. Ни одно историческое общество, возникшее до революции, при новой власти долго не просуществовало. И дело не просто в желании большевиков уничтожить «старый мир». Они — в целом справедливо — видели в этих организациях осколки погибшего режима.

Но доставшаяся от XIX в. модель патерналистской организации науки и научно-просветительских обществ в начале XX в. постепенно менялась. До этого она основывалась в первую очередь на том, что государство являлось единственным источником финансирования. В начале века появились институты, которые были способны хотя бы частично изменить ситуацию. Учреждение негосударственных университетов позволило оппозиционным историкам найти себе место работы вне стен «казенного» университета, где они вынуждены были подстраиваться под существовавшие реалии.

Отличительной чертой XX в. стал противоречивый процесс взаимодействия науки и государственной власти. С одной стороны, роль науки в обществе все больше возрастала. Это повышало статус ученых, а следовательно, и их влияние на государство. С другой — шел процесс «национализации» науки, когда идея мирового научного знания и сообщества, его производящего, уступала место идее патриотического служения своей стране.

Особую роль в таком повороте сыграла Первая мировая война, трансформировавшая сложившуюся структуру науки, и породившая новые формы ее взаимодействия с обществом и властью. Было наглядно показано, что наука требует внимательного отношения к себе со стороны государства, которое иначе рискует оказаться побежденным в гонке вооружений и технологий. Это привело к росту ассигнований на исследования, но в то же время усилило зависимость научного сообщества от действующей власти. С другой стороны, военные действия стимулировали общественную и исследовательскую активность ученых, направлявшуюся на решение насущных проблем страны в условиях затяжной войны. Ученые все чаще оказывались участниками политического процесса, занимали видные места в правительствах, государственных комитетах, комиссиях и т.д.

В годы Первой мировой войны изменилось соотношение фундаментальной и прикладной науки. Если в довоенное время европейские и в особенности русские ученые придерживались идеологии «чистой науки», то война наглядно продемонстрировала необходимость активной работы на нужды реального производства. Именно с этого момента начинается доминирование прикладных исследований над фундаментальными.

Первая мировая война дала мощный толчок формированию структуры науки современного типа. Прежде всего, изменилось соотношение фундаментальной и прикладной науки. Если в довоенное время европейские и в особенности русские ученые придерживались идеологии «чистой науки», то теперь стала очевидна необходимость перемен в системе производства и применения научного знания, активной работы на нужды реального производства. Именно с этого момента начинается доминирование прикладных исследований над фундаментальными, усиливается связь науки и промышленности, складывается сеть современных научно-исследовательских лабораторий.

Особенно заметными стали трансформации в международной организации науки. В результате разделения Европы на два воюющих лагеря распалась сложившаяся до этого система интерна-

Очерк 3
Власть и историки в СССР в 1920-1930-е гг.:
основные тенденции

циональной европейской науки. Например, российские ученые демонстративно отказались публиковать свои труды в периодике стран-противников, взяв курс на создание собственных, известных в научном мире журналов. Были разорваны тесные до того времени связи с немецкими университетами, в которых стажировались многие русские ученые. Схожие процессы имели место и в других странах-участницах конфликта. Это привело к изоляции национальных научных школ друг от друга. Из-за разногласий, вызванных войной, фактически прекратила свою работу авторитетная ранее Международная ассоциация академий. Таким образом, именно под воздействием войны начала складываться характерная для XX в. национально-государственная структура науки¹. Взаимодействие государственной власти и науки в таких условиях заметно усилилось. Но плоды описанной трансформации пожинала уже советская власть.

3.1. Историки и советская власть в 1920-е годы.

Победа советской власти поставила научно-историческое сообщество перед непростым выбором. С одной стороны, отношение абсолютного большинства к новым хозяевам жизни было резко негативным, с другой — реалии заставляли идти на компромисс. Резкая смена социального строя привела к тому, что существовавшие до этого научные и образовательные институты оказались в плачевном состоянии, поскольку держались на финансировании павшего режима. Многие исторические общества закрылись. К тому же долгое время в стране шла Гражданская война, что, конечно же, не способствовало развитию науки.

Несмотря на это, 1920-е гг. признаются специалистами временем относительной творческой свободы. После революционного лихолетья, когда волна красного и белого террора спала, до определенного времени вполне мирно уживались друг с другом разные теории и подходы, стили исследований, а также их творцы¹. Выходили несоветские научно-периодические издания, публиковались монографии и курсы лекций старой профессуры. 20-е гг. на фоне последующих десятилетий сталинского правления предстают эпохой заметной свободы, когда рано говорить о закрытости и тотальном идеологическом диктате. Ведущие историки продолжали поддерживать связь с зарубежными коллегами, участвовали в международных конференциях и работали в зарубежных архивах.

Знаменитый философский пароход 1922 г.² стал зловещим символом, но не изменил ситуацию радикально: в стране на легальном положении находились многочисленные интеллектуалы, которые

¹ Об этом феномене см.: *Кожеевников А.* Первая мировая война, Гражданская война и изобретение «большой науки» // *Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х годов.* СПб., 2003. С.87-111; *Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Отв. редакторы Э.И. Колчинский и Д. Байрау.* Редактор-составитель Ю.А. Лайус. СПб., 2007.

¹ *Долгова Е.А.* Споры о методе в российской исторической науке в 1920-е годы // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия Политология. Социально-коммуникативные науки.* 2013. № 1. С. 166-172.

² *Философский пароход 1922 г. — операция советской власти по высылке оппозиционной интеллигенции.*

категорически не принимали советской власти. Гораздо более тяжелым ударом по ним стала реорганизация высшей школы, уничтожившая многие дореволюционные традиции и, в значительной степени, среду. Вместо историко-филологических факультетов, признанных рассадниками буржуазии и черносотенства, открывались факультеты общественных наук (ФОНы). Более того, советская власть отменяла научные степени, видя в этом инструмент борьбы с оппозиционным научно-педагогическим сообществом. Действительно, отмена степеней резко снизила влияние профессуры в высшей школе, поскольку отнимала главный фильтр для «не своих».

Историческая политика большевиков реализовывалась и путем внедрения в вузовское образование таких дисциплин, как история партии и марксизма-ленинизма, ставших обязательными предметами по решению XIII партийной конференции¹. Теперь преподавателем высшей школы могли стать многие не имеющие степеней. В дневниках историков (Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского и др.) можно найти многочисленные возмущенные высказывания о произволе большевиков и засилье «горилл» и «неучей», пришедших на смену образованным выпускникам гимназий. Понять профессуру можно. Но нужно учитывать и другую сторону медали: по сути они выступали против демократизации (пускай и резкой) высшего образования, то есть шага безусловно прогрессивного. В этом российская университетская элита напоминает знаменитых немецких «мандаринов», видевших в демократизации университетского образования признаки «общего упадка»².

В ситуации, когда исторические факультеты оказались закрыты, т.н. историки «старой школы» нашли себе место в Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) и Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), где наравне с историками-марксистами вели научные исследования и воспитывали молодежь. Кстати, именно тогда возник своеобразный феномен, когда молодые историки, в духе эпохи считавшие себя марксистами или внимательно его изучавшие, учились технике научного анализа у представителей дореволюционной академической традиции. Начинаясь историки старались совмещать марксистскую парадигму и тщатель-

¹ Алексеева Г.Д. Университетские центры // Очерки по истории исторической науки. М., 1965. Т. IV. С. 239.

² Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890-1933. М., 2008. С. 304.

ность анализа источников. Из этой среды вышли Л.В. Черепнин, Н.В. Устюгов, М.В. Нечкина и др.

Несмотря на неприятие новых властей большинством историков «старой школы» и, в свою очередь, настороженное отношение к ним со стороны советской элиты, сотрудничество с властями оказалось достаточно активным. Здесь, представляется, необходимо сделать некоторое отступление для лучшего понимания феномена этого сотрудничества. Дело в том, что еще в дореволюционную эпоху сложились своеобразные механизмы взаимоотношения между историками и царской властью. С одной стороны, либеральные убеждения большинства профессуры не позволяли ей превратиться в уже упомянутых выше немецких «мандаринов», но, с другой, материальная зависимость от властей делала их вполне лояльными и гибкими в большинстве случаев. Консервативно настроенная часть историков (например, М.К. Любавский, М.М. Богословский, С.Ф. Платонов и др.), благодаря своей лояльности царскому режиму, занимала до революции высшие административные посты, проходя таким образом бюрократическую школу компромиссов. Такая привычка приспосабливаться сыграла свою роль и после краха империи. Отнюдь не случайным стало то, что, несмотря на свои консервативные воззрения и неприятие советской власти, именно они стали связующим звеном между новыми хозяевами жизни и научно-историческим сообществом в 1920-е гг. Также показательно и то, что историки, с трудом уживавшиеся с царским режимом (например, А.А. Кизеветтер), не ужились и с новым.

Сотрудничество историков с властями наиболее ярко проявилось в деле спасения и реформирования системы архивного дела в годы Гражданской войны. Благотворно на сохранность архивов повлияла архивная реформа, закрепленная декретом от 1 июня 1918 г. о создании Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ). Теперь мы понимаем, что весь ход развития архивоведения и архивного строительства со второй половины XIX — начала XX в. вели к этой реформе¹. Но, надо также признать, что революция и новые власти значительно ускорили ее проведение.

Несмотря на тотальный дефицит и недостаток средств, советские власти иногда находили возможность финансировать работу по изучению и публикации источников социально-экономической

¹ Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах. История. Теория. Люди. М., 2003. С. 388.

истории. Например, Главнаука помогла группе историков во главе с С.Б. Веселовским и А.И. Яковлевым в обследовании и публикации (правда, ограниченным тиражом и с текстом, набранным на пишущей машинке) архива Троице-Сергиевой лавры¹.

Еще одним направлением, в котором сотрудничество власти и профессиональных историков оказалось весьма продуктивным, стало краеведческое движение. В 20-е гг. краеведческие исследования приобрели небывалый размах, эти годы стали для них «золотым десятилетием» этого научного и общественного феномена². Причин тому было немало: демократизация социальной структуры, осознание массами в ходе революций и Гражданской войны своей исторической роли, рост массового образования и т.д. Ломка дореволюционной академической системы заставила профессиональных историков искать реализации своих научных интересов в рамках локальных исследований. Поначалу большевики активно поддерживали краеведов — но десятилетие спустя, взяв курс на тотальный контроль над социально-политической и интеллектуальной жизнью страны, власти свернут широко раскинувшуюся сеть краеведческих организаций и кружков.

Зримым достижением первого десятилетия советской науки стала институциональная перестройка. Дореволюционная наука в основном была сосредоточена в университетах, что имело определенные плюсы: казалось, что это обеспечивает симбиоз науки и преподавания (гумбольдтовская модель). Но были также и очевидные минусы. Зачастую научно-исследовательская деятельность оказывалась на периферии из-за высоких преподавательских нагрузок. Еще в начале XX в. в России постепенно формируются исследовательские институты, в которых научные изыскания становились центральным видом деятельности, а сотрудники освобождались от педагогической нагрузки. После победы большевиков ставка была сделана именно на такую форму организации. В исторической науке она проявилась в создании ГАИМК и РАНИОН. Это позволило успешнее реализовывать прежде всего научные задачи, превратив исследовательские институты в центральное звено производства научного знания в СССР и современной России.

¹ Тихонов В.В. Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М., 2012. С. 227.

² Шмидт С.О. Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // Шмидт С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2.: От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. Кн. 1. М., 2009. С. 132.

Но революционная эпоха и новые социально-политические реалии негативно сказались на целом ряде направлений научно-исторических исследований. Новым властям оказались ненужными антиковедение, славяноведение и византиноведение. Изучение античности, по наблюдениям современного антиковеда Э.Д. Фролова потеряло свою социальную (образованные городские слои) и институциональную базу (кафедры классической древности и филологии), что быстро привело к упадку этого активно развивавшегося прежде направления. Смещение акцента с политической и культурной на социально-экономическую историю привело к тому, что «наука о классической древности утратила свое историческое качество и превратилась в филиал марксистской политэкономии»¹. Не меньший удар был нанесен по византиноведению. Помимо кадровых потерь прекратили свое существование всемирно известные центры византиноведческих исследований, существовавшие к тому времени во многих крупных университетах и Императорской Академии наук. Специальная подготовка студентов фактически прекратилась². Еще одной областью, оказавшейся за бортом, стало славяноведение, по признанию специалистов, влачившее в 1920-е гг. жалкое существование³.

Конечно же, кризис целого ряда направлений, причем находившихся либо на мировом уровне, либо даже выше, — явление безотрадное и пагубное для науки. Но здесь, мне кажется, необходимо задаться вопросом о его причинах. Приходится признать, что в значительной степени он был связан с падением самодержавия и его социально-политическими последствиями. Легко заметить, что расцвет указанных дисциплин в дореволюционной России во многом был связан с государственным заказом, шедшим от императорской власти.

Неудивительно, что новая советская власть, сменившая идеологические ориентиры, не проявила к этим, с ее точки зрения, реликтам самодержавной идеологии, никакого интереса. Нечто подобное произошло и после развала Советского Союза, когда доминировавшие ранее темы (освободительное движение, история пролетариата, история партии и многие другие) без социально-по-

¹ Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. 2-е изд. СПб., 2006. С. 441.

² Медведев И.П. Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб., 2006. С. 192-214.

³ Лантеева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. М., 2012. С. 811.

литической и финансовой поддержки быстро оказались на периферии исследовательского внимания.

Взамен перечисленных направлений в центре внимания властей оказался ряд новых, перспективных с точки зрения советской идеологии и политики. Концепция мировой революции и борьбы с колониализмом заставили советских лидеров обратить свои взоры на «спящие» тогда Азию и Африку, являвшихся потенциальным фронтом мировой революции. Создание соответствующих отделов в Коминтерне потребовало квалифицированных аналитиков, знающих культуру, историю и современное положение азиатских и африканских стран. К концу 1920-х гг. в СССР возникли центры и постепенно появились специалисты по африканистике и востоковедению¹. Если в императорской России интерес к странам Востока имел ярко выраженный «филологический» оттенок, то в центре внимания советских историков оказались социально-экономические процессы и освободительное движение.

Теперь обратимся к такой специфической области исторической науки, как археология. Вообще отношение к археологии со стороны новой власти было самым благоприятным. В ней виделось воплощение материалистического подхода к изучению прошлого, а молодые археологи ринулись активно изучать марксизм как теорию, открывающую новые возможности для интерпретации истории материальной культуры².

Некоторые исследователи считают, что отказ от позитивистского, по преимуществу фактографического изучения, характерного для дореволюционной археологической науки, и переход к концептуальному, социологическому осмыслению прошлого в 1920-е гг.— уже явный признак того, что советская историческая наука стоит выше, чем ее предшественница³. Оппоненты такого подхода, в свою очередь указывают, что теоретизирование без крепкого фактического фундамента для науки бесполезно и даже вредно⁴. Да и современные специалисты по истории археологической мысли показали, что отсутствие в дореволюционное время попыток теоретического осмысления материала — является ми-

фом¹. Как бы то ни было, все же стоит признать тот факт, что археологи-марксисты 20-х гг., даже теоретизируя на ограниченном материале и зачастую уже с заранее заданными выводами, формировали вкус к концептуальному подходу в исследованиях, что нередко давало свои результаты.

Революция, окончательно отделившая науку от религии, благотворно сказалась на изучении древнейших периодов истории человечества. По авторитетному мнению А.А. Формозова: «Мешавшие сложению первобытной археологии в дореволюционной России библейские догмы были отвернуты, что и позволило совершить качественный скачок в познании начальных этапов истории»².

Но важнее оказались институциональные трансформации исторической науки. Радикальная ломка существовавшей социальной и, как следствие, научно-организационной структуры привели к тому, что были сломаны многие препоны развития науки. Например, сложившаяся в дореволюционной России система степеней и званий не позволяла такому выдающемуся археологу, как В.А. Городцов, не окончившему университет, полноценно заниматься исследованиями и работать в высшей школе. Именно революция, а также последовавшие реорганизация высшего образования и отмена степеней, дали уже немолодому специалисту возможность внедрить свои идеи в академическую среду, создать собственную научную школу. Его типологический метод, активно используемый и поныне, получил самое широкое распространение как раз в 20-е гг.³

Перечисленные выше явления и тенденции заметно повлияли на среду профессиональных историков, создав ситуацию сосуществования двух профессиональных субкультур и стилей жизни. В последнее время штампом стало указание на сложность такого сосуществования. Многие подчеркивают, что два поколения жили как бы в параллельных мирах, не соприкасаясь друг с другом. Это не так. Своеобразное сотрудничество, где грань между собственно сотрудничеством и борьбой не всегда была отчетливой, продолжались на протяжении всех 20-х гг. Причем коллеги-соперники кое-чему учились друг у друга. «Красные профессора» в том числе и под руководством представителей «старой профессуры» осваивали не только марксистскую теорию, но и азы работы с первоисточни-

¹ Об этом см.: Антонова К.А. Мы — востоковеды! // «В России надо жить долго»: памяти К.А. Антоновой (1910–2007). М., 2010. С. 39–41; Становление отечественной африканистики. 1920-е–начало 1960-х. М., 2003.

² Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. 2-е изд. М., 2006.

³ Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб., 1993.

⁴ Формозов А.А. О книге Л.С. Клейна «Феномен советской археологии» и о самом феномене // Российская археология. 1995. № 3. С. 225–228.

¹ Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая четверть XX века. СПб., 2010. С. 31, 112–165 и др.

² Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. С. 43.

³ Платонова Н.И. История археологической мысли в России. С. 202.

ками. В свою очередь, молодые историки «старой школы» (прошу прощения за это неуклюжее словосочетание) изучали марксизм (например, Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, А.Е. Пресняков, В.И. Пичета и др.).

Но революция не только привела к ситуации существования двух научных субкультур. В нормальных условиях научное сообщество представляет собой довольно жесткую иерархическую структуру. На вершине ее находятся мэтры, которые имеют множество учеников и пользуются непререкаемым авторитетом. Поскольку воспроизводство кадров происходило через университеты, то авторитетный историк мог наблюдать, как начинающие проходили путь от студента до магистра, а то и доктора. С одной стороны, это абсолютно нормальное положение дел. Мы знаем многочисленные примеры того, как старшие и авторитетные становились проводниками и покровителями начинающих в мире науки. Но существует и другая сторона медали. Иерархичность и субординация мешали, или во всяком случае не способствовали, продвижению идей, не вписывающихся в существующую научную традицию и канон. Система присвоения научных степеней, без которых невозможно было преподавать в университете, создавала действенный фильтр для чужеродных элементов. Можно вспомнить того же М.Н. Покровского, не пожелавшего следовать ритуалам поведения и действующим концептуальным рамкам и оказавшегося в маргинальном положении. Отнюдь не случайно, что после революции именно он стал едва ли не самым горячим сторонником отмены научных степеней.

Проведенные после Октябрьской революции реформы позволили сломать существовавшую доселе иерархичность в исторической науке. Официальных авторитетов (правда, на короткий промежуток времени) не осталось, что создало атмосферу, когда начинающий историк активно спорил с уже признанными мэтрами. Причем выпускникам дореволюционных историко-филологических факультетов дискутировать со своими учителями было сложнее, поскольку они даже в советские годы оставались, пусть и неформально, частью иерархии учитель-ученик. Приведу один пример. В мае 1947 г. в Институте истории обсуждался доклад А.И. Яковлева о служилых людях начала XVIII в. В ходе обсуждения выступили уже авторитетные ученики Яковлева: Б.Б. Кафенгауз и А.А. Новосельский, учившиеся в дореволюционное время у него в Московском университете. «Он не согласился с оппонентами, и я думаю, что в его глазах мы все еще мальчики,

едва вышедшие из Университета», — записал в дневнике Б.Б. Кафенгауз¹.

Отнюдь не случайно, что концептуальный облик советской историографии был создан именно поколением 20-х гг. — М.В. Нечкиной, А.М. Панкратовой, Б.А. Рыбаковым, А.Л. Сидоровым и др. Выросшие в атмосфере развенчания академических авторитетов и активных поисков новых решений научно-исторических проблем, они ощутили вкус к концептуальному осмыслению (хотя и в рамках действующей парадигмы) исторического процесса. Да, у них были свои кумиры и мэтры, но их быстрое падение не позволяло системе законсервироваться, а культивировавшийся пафос революционного обновления придал процессу динамики.

Заметим, что поколение учеников перечисленных выше историков сформировалось уже в годы новой сложившейся иерархии, на вершине которой теперь находились вчерашние бунтари, что сильно мешало проявлению оригинальных подходов. Зачастую ученики самих Нечкиной, Сидорова, Рыбакова и др. только конкретизировали их концепции, так же как десятилетиями ранее ученики В.О. Ключевского уточняли его теорию русского исторического процесса. Авторитет и административный вес учителей давили психологически и мешали даже предположить, что есть другие пути решения проблем. Вероятно, кризис советской исторической науки в 1980-х гг. можно связать с этим аспектом не меньше, чем с консервирующей идеологической политикой партии.

Многие явления, имевшие место в 1920-е гг. в советской исторической науке, вполне вписывались в общемировые тенденции. Например, расцвет краеведения и региональной истории наблюдался по всему миру именно в это время, хотя это и связывают с антиколониальным движением. Усиливающийся акцент на социально-экономической истории и материальной культуре — тоже явление общемировое, так же как и возросший интерес к истории революций и рабочего движения. В этом смысле советская историческая наука в специфической форме отражала основные процессы, развернувшиеся в глобальной историографии. Поэтому нельзя рассматривать это время только как эпоху упущенных возможностей и краха блестящего наследия дореволюционной исторической науки.

Советская власть активно привлекала к работе «старых специалистов». В то же время, в них видели потенциальных противни-

¹ Архив Российской академии наук. Ф. 1580 (Б.Б. Кафенгауз). Оп. 2. Ед.хр. 43. Л. 19.

ков строя — и нередко эти подозрения были вполне обоснованны. Поэтому практически с первых дней был взят курс на воспитание новой, советской интеллектуальной элиты. Для этого создавались Социалистическая академия (в 1924 г. переименованная в Коммунистическую), Институт К. Маркса и Ф. Энгельса (1920 г.). Настоящей «кузницей кадров» стал Институт красной профессуры (ИКП), в который принимались только проверенные партийцы, которых готовили к тому, чтобы они заняли кафедры вместо старой профессуры. За годы существования (1921—1938 гг.) институт выпустил более ста историков¹.

Помимо официальных учреждений власти активно поддерживали и различные общества марксистского толка. Осознание властью необходимости сконцентрировать усилия для эффективного продвижения нового исторического подхода привело к созданию в 1925 г. Общества историков-марксистов (его возглавил М.Н. Покровский). Практически по всей стране возникли т.н. «истпарты», занимавшиеся изучением истории партии большевиков и революционного процесса. Активно развивалась советская историческая периодика: «Пролетарская революция», «Большевик», «Под знаменами марксизма» и др. Их целью являлось насаждение «нужных» концептуальных представлений.

В условиях целенаправленно проводимой политики институции историков «старой школы» (учреждения, общества, периодика) не могли конкурировать с новыми из-за практического отсутствия финансирования и административного давления.

В процессе «перековки» исторической науки на марксистский лад большую роль играли и сами ученые. Во главе исторической науки после революции встал М.Н. Покровский² (1868-1932), занимавший практически все важные посты, связанные с историческим знанием. Заметную роль играли специалисты по актуальным в революционную эпоху проблемам Французской революции и истории социалистических учений В.П. Волгин и Н.М. Лукин. Им доверялись самые влиятельные посты, они же должны были играть роль посредников между советской властью и историческим сообществом.

¹ Иванова Л.В. Институт красной профессуры // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966. С. 226-232.

² О нем см.: Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970; Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992; Артизов А.Н. М.Н. Покровский: финал карьеры — успех или поражение? // Отечественная история. 1998. № 1,2.

Период своеобразного сосуществования осколков дореволюционной академической науки и советской завершился в конце 1920-х гг. Свертывание нэпа и переход к форсированному построению коммунизма, а также уверенность властей, что старые специалисты уже не нужны, предрешили судьбу, в том числе и историков. Серия громких дел, прокатившихся по всему СССР, самым известным из которых является т.н. «Академическое дело»¹, привели к тому, что историки «старой школы» и их относительно молодые ученики были отправлены в ссылки.

3.2. Идеология и историческая наука в 1930-е гг.

На протяжении 1930-х гг., под давлением как объективных, так и субъективных причин, проходила смена курса советской внутренней и внешней политики. В частности, в этнополитике постепенно произошел отказ от «коренизации» национальных кадров, повлекший затухание кампании борьбы с «великорусским шовинизмом», проводившейся на протяжении всех 20-х гг. и фактически направленной на ущемление русской культуры и истории. Теперь официальная идеология начала очень осторожно внушать мысль о том, что русские — первые среди равных народов СССР².

Не менее серьезные изменения происходили и в мире, что потребовало смены внешнеполитической доктрины: вместо лозунга мировой революции советское руководство выдвинуло идею «построения социализма в отдельно взятой стране», а логическим следствием растущей внешней угрозы стала кампания патриотической мобилизации населения. В массы начинает внедряться концепт «советского патриотизма»³.

¹ Академическое дело 1929-1931 гг. — процесс, организованный ОГПУ над известными историками «старой школы» по сфабрикованному делу. В результате были арестованы виднейшие представители академической науки (С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, М.К. Любавский, А.И. Яковлев, С.В. Бахрушин, Б.А. Романов и т.д.). Фигуранты дела были отправлены в ссылку и в лагеря. Многие из них там и умерли.

² Подробнее: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М., 2011.

³ Дубровский А.М. Историк и власть: Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 19-28. Автор выделяет три предпосылки идеологического поворота: 1) приход большевиков к власти и вынужденный переход к прагматической политике; 2) утверждение режима личной власти Сталина; 3) усиление международной напряженности.

Его прообразом, видимо, можно считать т.н. «красный патриотизм», родившийся в годы Гражданской войны¹. На протяжении 30-х гг. понятие «советского патриотизма» менялось, концептуализировалось и уточнялось. По наблюдениям А.М. Дубровского, «советский патриотизм» «имел двойное — не только классовое, но и национальное — содержание», он наполнялся гордостью за великие достижения страны в прошлом, настоящем и будущем².

Указанные выше процессы требовали возврата к традиционным культурным и историческим ценностям. Русский народ, как самый многочисленный, культурно развитый и пролетаризированный, рассматривался в качестве этнического фундамента Советского Союза. Последовательным сторонником и фактическим идеологом новой политической линии являлся И.В. Сталин. Смена идеологических приоритетов самым прямым образом повлияла на историческую науку.

1930-е гг. ознаменовались и сменой лидеров в исторической науке. В 1932 г. умер пользовавшийся непререкаемым авторитетом в среде историков-марксистов 20-х гг. М.Н. Покровский. Его смерть оказалась для властей очень кстати. Теории кумира прошлых лет совершенно не вписывались в новые идеологические тенденции. Но смерть М.Н. Покровского не привела к появлению нового лидера из среды самих профессиональных историков. Пустующую нишу главного специалиста по истории занял сам Сталин, что органично вписывалось в процесс формирования культа его личности. Особую роль в этом сыграло его открытое письмо «О некоторых вопросах истории большевизма» в журнал «Пролетарская революция»³, ознаменовавшее прекращение дискуссий по истории большевистской партии⁴. В связи с этим современный исследователь М.В. Зеленев отметил, что «...1930-е годы характеризуются созданием новых форм идеологического воздействия — прямым обращением Сталина к историкам и в редакции журналов в виде писем...»⁵.

¹ Подробнее см.: *Дубровский А.М.* Историк и власть. С. 44.

² Там же. С. 60.

³ Об этом см.: *Энтин Дж.* Интеллектуальные предпосылки утверждения сталинизма в советской историографии // *Вопросы истории.* 1995. № 5-6. С. 149-155.

⁴ *Дунаевский В.А.* О письме Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» и его воздействия на науку и судьбы людей // *История и сталинизм.* М., 1991. С. 284-297.

⁵ *Зеленев М.В.* Предисловие // *И.В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920-1950-е годы: переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и материалов.* Ч. I. 1920-1930-е годы. СПб., 2006. С. 15.

Необходимо отметить, что Сталину был присущ своеобразный культ историзма. Исторический подход являлся для него ключевым в решении важнейших вопросов теории и практики. Историк Н.Л. Рубинштейн, не без патетики, но совершенно справедливо, подметил, что у Сталина «историзм становится основным элементом теории марксизма, основным методом марксистской теории»¹. Отнюдь не случайно, что главные сочинения Сталина написаны с явным историческим уклоном, а дискуссии по вопросам языкознания и экономики, прошедшие в послевоенное время, получили ярко выраженное историческое наполнение.

Это, впрочем, не мешало вождю видеть в прошлом неисчерпаемый источник для идеологии. По наблюдениям историка А.М. Дубровского: «Сталин обращался к истории с чисто потребительской целью: не для анализа и уяснения опыта, а для подтверждения тех идей, которые были ему необходимы в той или иной ситуации»². Думается, что обвинение Сталина в исключительном прагматизме несколько преувеличено, но в целом с этим утверждением можно согласиться.

Любые высказывания «вождя», касавшиеся исторических вопросов, автоматически превращались для ученых в директивные указания. Так, мимоходом брошенная на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. фраза о том, что «революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»³, привела к тому, что специалисты по античности сосредоточили главные усилия на поиске и обосновании революции рабов как главной причине падения Римской империи⁴.

Важно отметить одну черту сталинских директив: они часто носили нечеткий, расплывчатый характер: «...В руководстве исторической наукой Сталин предпочитал расплывчатые формулировки, постепенные шаги, о конечной цели которых не знали не только историки, но и близкие к Сталину партаппаратчики»⁵. Современный исследователь А.Л. Юрганов метафорично назвал такой характер указаний «вождя» «метафизикой сталинизма»: «Не-

¹ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. С. 626.

² *Дубровский А.М.* Историк и власть. С. 96

³ *Сталин И.В.* Речь на первом всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. // *Сталин И.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1952. С. 447.

⁴ *Вайнштейн О.Л.* История советской медиевистики. Л., 1968. С. 87; *Крих С.Б.* Обзор древности в советской историографии. М., 2013. С. 116-133.

⁵ *Дубровский А.М.* Историк и власть. С. 105.

определенность в таких условиях стала сущностью сталинизма в исторической науке»¹.

Важнейшим стимулом концептуального поворота в советской исторической науке оказалась новая система преподавания истории в школе. Фрагментарные и социологизированные знания, которые давались ученикам ранее, уже не удовлетворяли задачам воспитания советского патриота. 16 мая 1934 г. вышло постановление Совнаркома и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Вместо абстрактного социологического подхода теперь предлагалось преподносить историю «в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности»².

Изменение принципов преподавания истории требовало написания новых учебников, на создание которых объявили специальный конкурс. Было образовано 5 групп, которые в кратчайшие сроки должны были подготовить макеты учебников. Представленные тексты были признаны неудовлетворительными. Комиссия в составе И.В. Сталина, А.А. Жданова и С.М. Кирова обнародовала замечания на конспекты учебников, ставшие на долгое время ориентиром для историков в написании не только учебных, но и исследовательских работ³.

В замечаниях на конспекты по истории СССР от историков требовалось показать не историю России, а историю СССР, то есть его народов. Далее указывалось, что недостаточно была показана «аннексионно-колониальная роль русского царизма, вкупе с русской буржуазией и помещиками («царизм — тюрьма народов»)»⁴, а также контрреволюционная роль царизма во внешней политике («царизм как международный жандарм»)»⁵. Историки упрекались во множестве неточностей, особенно в отношении важнейших для советской науки категорий и понятий: «В конспекте свалены в одну кучу понятия реакция и контрреволюция, революция “вообще”, революция буржуазная и революция буржуазно-демокра-

тическая»¹. Не показана освободительная роль Октябрьской революции. Любопытно отметить и такое замечание: не было показано влияние «западноевропейских буржуазно-революционных и социалистических движений на формирование буржуазного революционного движения и движения пролетарско-социалистического в России»². Буквально через десять лет такое утверждение станет крамольным.

Отдельный раздел был посвящен Новой истории. По-прежнему в качестве судьбоносных вех рассматривались революции, но теперь грань между буржуазными и социалистическими революциями проводилась еще отчетливее. Была уточнена периодизация всемирной истории нового периода. Теперь первый временной отрезок начинался французской буржуазной революцией (которая теряла статус Великой, чтобы не принижать Октябрьскую) и заканчивался Парижской коммуной. Второй начинался с франко-прусской войны 1870-1871 гг. и Парижской коммуны и заканчивался победой Октябрьской революцией и окончанием Первой мировой войны. Данное время рассматривалось как период упадка капитализма. Третий период — от конца 1918 до конца 1934 гг. — трактовался как «период послевоенного империализма в капиталистических странах, экономического и политического кризиса, период фашизма...»³. Проводилась и терминологическая ревизия: вместо понятий «старый» и «новый» порядок предлагалась формационная терминология («абсолютистско-феодальный порядок» и «порядок капитализма и буржуазной демократии»)»⁴.

В январе 1936 г. был объявлен конкурс на учебник для 3-4 классов. Всего оказалось представлено шесть проектов. 22 августа 1937 г. подвели итоги. Первую премию не получил ни один учебник, а вторая досталась авторскому коллективу во главе с А.В. Шестаковым.

Жюри конкурса опубликовало специальное постановление, в котором разбирались важнейшие исторические, а по сути, идеологические ошибки авторов учебников. В первую очередь были отмечены ошибки, связанные с историей Октябрьской революции. По мнению жюри, в учебниках не раскрыта роль Советов как важнейших органов управления победившего строя; не была на конкрет-

¹ Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 677.

² Из постановления Совнаркома и ЦК ВКП (б) о преподавании гражданской истории в школах СССР от 16 мая 1934 г. // К изучению истории. М., 1946. С. 17.

³ Подробнее см.: *Артисов А.Н.* В угоду взглядам вождя (конкурс 1936 г. на учебник по истории СССР) // Кентавр. 1991. октябрь-декабрь. С. 125-135; *Дубровский А.М.* Историк и власть. С. 170-206.

⁴ *Сталин И., Киров С., Жданов А.* Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // К изучению истории. С. 21.

⁵ Там же.

¹ Там же.

² Там же. С. 22.

³ *Сталин И., Киров С., Жданов А.* Замечания о конспекте учебника Новой истории // Там же. С. 25.

⁴ Там же. С. 26.

ных фактах показана экономическая отсталость Российской империи, что «смазывало» роль Октябрьской революции, позволившей ее преодолеть; не раскрыто конкретное содержание Конституции 1936 г.; не показано то, что союз рабочих и крестьян стал основой победы революции; не получилось дать в контексте развития страны «непрерывную борьбу с врагами рабочих и крестьян» и т.д.

Помимо этого обращалось внимание и на то, что «авторы идеализируют дохристианское язычество», из-за чего не была дана правильная оценка принятия христианства как прогрессивной религии; игнорировалась также большая просветительская и хозяйственная роль монастырей. В оценке присоединения к России национальных окраин жюри вводилась формула «наименьшего зла», по которой вхождение в состав России Украины и Грузии было меньшим злом, чем сохранение под властью Польши или присоединение к Турции.

Авторы учебников, согласно постановлению, преувеличили организованность и размах крестьянских движений до XX в., забыв о том, что «организованный характер крестьянскому революционному движению придал только рабочий класс и большевистская партия». Наконец, оказалась недооценена роль Александра Невского, который остановил движение немецких рыцарей на Восток. Все перечисленные замечания задавали новые координаты советской исторической политики. Сохранился акцент на Октябрьской революции как главном событии в мировой истории и ее благотворном влиянии на историю народов СССР, но при этом прозвучал призыв отказаться от нигилистического взгляда на русскую историю и положительно оценить многие ее события и явления¹.

Роль Сталина как главного историка и живого классика марксизма-ленинизма, имеющего право критически относиться к отдельным высказываниям в сочинениях уже умерших и канонизированных классиков марксизма, подтвердилась его работой «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”». В ней было подвергнуто критике высказывание Энгельса о России как «жандарме Европы». Подчеркивая тот факт, что внешняя политика русского царизма мало отличалась от политики других великих держав, а где-то даже была гораздо честнее и прогрессивнее, Сталин тем самым частично ее реабилитировал, снимая клеймо ее абсолютной реакционности. Статья была опубликована только в

¹ Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР // К изучению истории. С. 31-38.

1941 г., но ходила в многочисленных копиях и была широко известна в партийных кругах¹.

Синхронно с идеологическим перевооружением проходили и институциональные изменения. На базе Института В.И. Ленина и Института К. Маркса и Ф. Энгельса был создан единый Институт Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ), целью которого было изучение и издание наследия классиков марксизма-ленинизма. Новое направление внутренней политики потребовало вернуть историческое образование в вузы. Еще в 1931 г. были созданы Московский институт философии, литературы, истории (МИФЛИ), а в Ленинграде — ЛИФЛИ. В этом же году открылся Историко-архивный институт, входивший в систему НКВД и предназначенный для подготовки специалистов архивного дела. В 1934 г. были воссозданы исторические факультеты в МГУ и ЛГУ. Кроме того, исторические факультеты появились во многих педагогических вузах. В 1938 г. была открыта специализированная Государственная публичная историческая библиотека (ГПИБ). Происходят изменения и в структуре академических институтов. В 1936 г. открывается Институт истории АН СССР, первым директором которого стал историк Французской революции Н.М. Лукин (репрессирован в 1937 г.). Новая организационная структура играла и важнейшую контролирующую функцию: «В 1930-е гг. сложилась новая система организации исторической науки... система строго централизованная, находящаяся под контролем ЦК партии. “Штабом исторической науки” был Институт истории АН, куда были стянуты лучшие силы»².

Появление новых учреждений спровоцировало кадровый голод, остро недоставало специалистов. Для заполнения вакансий активно привлекались историки «старой школы». Многие из них были возвращены из ссылки и лагерей. Так, в Москву и Ленинград вернулись Е.В. Тарле, С.В. Бахрушин, А.И. Андреев, Б.А. Романов, А.И. Яковлев, Ю.В. Готье и др. Пережитые лишения, страх за жизнь, с одной стороны, и неожиданно полученные блага и высокое положение в советском обществе, с другой, сделал их вполне лояльными по отношению к советской власти. Многие старались усвоить новые методологические, концептуальные и идеологические стандарты исторического исследования.

¹ Зеленов М.В. 1934-1941. Энгельс, Маркс и внешняя политика России глазами Сталина // И.В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920-1950-е годы. С. 218-270.; Юрганов А.Л. Указ соч. С. 222-226.

² Дубровский А.М. Историк и власть. С. 131.

В то же время ученые, прошедшие дореволюционную позитивистскую школу источниковедческого и исследовательского мастерства, внесли в советскую науку так не достававшую ей основательность и профессиональность в изучении фактов, их научной обработке и построении на их основе теоретических конструкций. Быстро стало очевидным, что перестроившиеся историки «старой школы» гораздо лучше подходили для новых задач советской исторической политики, чем поколение историков-марксистов 20-х гг.¹ Знаменем времени стало переиздание сочинений классиков дореволюционной исторической науки. Вышли в свет курсы лекций В.О. Ключевского, А.Е. Преснякова и С.Ф. Платонова. Вновь была опубликована монография С.Ф. Платонова «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв.». Публикации сопровождались введениями, где с марксистских позиций разъяснялись основные методологические «ошибки» авторов.

Переходу к новой концепции отечественной истории мешало наследие М.Н. Покровского. Для его дискредитации официально было объявлено, что характерной чертой «школы М.Н. Покровского» был «вульгаризаторский» взгляд на историю, а многочисленные методологические, фактические и политические ошибки самого историка и его учеников привели к тому, что их труды не могут называться марксистскими. В учебных и научно-исследовательских заведениях началась активная борьба с «представителями» «школы М.Н. Покровского», многие из которых, как это ранее случилось с историками «старой школы», были репрессированы. Ведущие специалисты, в том числе и бывшие ученики М.Н. Покровского по ИКП, подготовили два сборника с говорящими названиями: «Против исторической концепции М.Н. Покровского» (1939) и «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского» (1940).

Ключевое событие в идеологической жизни страны произошло в начале 1938 г. В газете «Правда» начала печататься «История ВКП(б). Краткий курс», вскоре выпущенная отдельным изданием и затем многократно переиздававшаяся многомиллионными тиражами. В написании и редактировании книги самое деятельное участие принял Сталин. Ему принадлежит раздел «О диалектическом и историческом материализме», в котором давалась общая

¹ Там же. С. 130; *Иллерицкий В.Е.* Советская историография отечественной истории: очерки развития историографии истории СССР (1917 — 1960 гг.). М., 2006. С. 72.

схема мировой истории, втиснутая в формационную «пятичленку»: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и социалистический способы производства. В книге предлагалась стройная концепция не только истории партии большевиков, но и всей отечественной истории конца XIX — начала XX в. История партии была представлена как бескомпромиссная борьба с политическими противниками и внутренними фракционерами. Многие исторические деятели, объявленные врагами народа, в книге не упоминались. Развитие Советского Союза описывалось как победное шествие на пути воплощения в жизнь решений партии. На историческом материале обосновывалась концепция двух вождей партии: Ленина и его ученика и единственного приемника Сталина.

В «Курсе» прописывались основополагающие методологические положения, ставшие обязательными для советской исторической науки. Кратко их обозначим. Так, о роли идей и личности в истории говорилось, что «не идеи определяют общественно-экономическое положение людей, а общественно-экономическое положение людей определяет их идеи»¹. Только опираясь на экономическое состояние общества и передовой класс, выдающиеся личности могут добиться многого.

Эта же мысль проводилась и в разделе о диалектическом и историческом материализме². Здесь же обосновывалось положение о том, что только в союзе с крестьянством возможна социалистическая революция. Авторы «Курса» касались и важнейшего вопроса советской исторической науки — крестьянских войн. Этим самым легитимировалась тематика крестьянских движений. Причем термин «крестьянская война», позаимствованный у Маркса, фактически объявлялся наиболее предпочтительным в их осмыслении³.

Определенное внимание уделялось проблемам географического и демографического детерминизма. Признавалось, что географическая среда влияет на развитие общества, но отмечалось, что этот фактор не является определяющим. То же говорилось и о демографии⁴.

Главной движущей силой исторического процесса объявлялся «способ добывания средств к жизни, необходимых для суще-

¹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Репринтное воспроизведение стабильного издания 30-40-х годов. М., 1997. С. 16.

² Там же. С. 110-111.

³ Там же. С. 72.

⁴ Там же. С. 113.

ствования людей, способ производства материальных благ...»¹. Акцент делался на понятии «производительные силы общества», куда включались орудия труда, люди и производственный опыт. Подчеркивалось, что «первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества»².

Заметное влияние на историческую идеологию оказала «теория справедливых и несправедливых войн». Первый тип, определяемый как война «незахватническая, освободительная, имеющая целью защиту народа от внешнего нападения и попыток его порабощения, либо освобождения народа от рабства капитализма, либо, наконец, освобождения колоний и зависимых стран от гнета колониалистов» противопоставлялся «несправедливой войне», «захватнической, имеющей целью захват и порабощение чужих стран, чужих народов»³. Эти немудреные положения были положены в основу оценки войн в истории. Причем в угоду идеологии часто приходилось в одних войнах непременно искать их «справедливую» основу, а в других наоборот.

«Краткий курс истории ВКП (б)» сразу был вознесен на небывалую высоту. Его изучение являлось обязательным, а оценки, данные в нем, не подвергались сомнению. Роль «Курса» в развитии советской исторической науки из-за его чрезмерной идеологизированности, схематичности, односторонности, откровенных фальсификаций и многочисленных «фигур умолчания» (деятей, о которых была запрещено писать) была, безусловно, отрицательной. В нем формулировалась и закреплялась сталинская концепция истории страны и партии, преодоление которой впоследствии тяжело давалось советской историографии.

На фоне идеологической и методологической перестройки советской исторической науки прошел ряд ключевых дискуссий по узловым историческим проблемам. Центральное место среди них занял спор о характере социально-экономического строя Киевской Руси. В ходе дискуссии выработывались критерии классового подхода, ставился вопрос о взаимоотношении базиса и надстройки, обсуждались проблемы становления и развития формаций применительно к русской истории. В 1933 г. Б.Д. Греков в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК)

¹ Там же. С. 114.

² Там же. С. 116.

³ Там же. С. 161.

представил доклад «Рабство и феодализм в Киевской Руси», в котором отстаивал положение, что славяне, подобно германцам, перешли к феодализму, минуя рабовладельческую стадию. Тогда это утверждение вызвало активную полемику, в ходе которой выделились две основные группы: сторонники грековской схемы ранней феодализации древнерусского общества и поборники обязательного рабовладельческого этапа в отечественной истории (П.П. Смирнов, И.И. Смирнов и др.). Второй этап дискуссии прошел в 1939-1940 гг. и был связан с именами А.В. Шестакова и Б.И. Сыромятникова, выступивших за признание рабовладельческого характера социально-экономического строя Киевской Руси.

В дискуссии была и идеологическая подоплека. Дело в том, что синхронизация исторического развития России и Западной Европы рассматривалась как научное обоснование неизбежности социалистических революций в Европе. Отталкиваясь от постулата об универсальности формационной теории, советские лидеры рассматривали победу большевизма в Советском Союзе лишь как первую ласточку в череде глобального формационного обновления при переходе от капитализма к социализму. Наконец, играли важную роль и сугубо патриотические соображения. Построение социализма «в отдельно взятой стране» требовало культивирования идеи о том, что русская история развивалась в одном русле с общеевропейской. Поэтому мнение о том, что в Древней Руси господствовало рабовладение, в то время как на Западе установился классический феодализм, могло расцениваться как утверждение об отсталости Руси.

Не удивительно, что концепция Б.Д. Грекова вскоре получила официальную поддержку. В то же время сторонники трактовки социально-экономического строя Древней Руси как рабовладельческого стремились представить себя борцами за сохранение чистоты марксистско-ленинского учения, пытаясь доказать, что формационная теория является абсолютно универсальной. Исходя из этого, никакие отклонения от этой исторической схемы не признавались⁴.

Накануне Второй мировой войны отчетливо обозначились многочисленные признаки смены советской исторической идеологии. Произошла определенная реабилитация многих событий. Так, на-

⁴ Тихонов В.В. Забытые страницы советской историографии: дискуссия Б.Д. Грекова и Б.И. Сыромятникова о характере социально-экономического строя Киевской Руси // Исторический ежегодник — 2012. Новосибирск, 2012. С. 34-45.

Механизмы власти в советской исторической науке 1930-1940-х гг.

чинается активное изучение опыта Первой мировой войны¹, формирование нового, позитивного образа войны 1812 г. и ее героев. Даже на христианство установился новый, более взвешенный взгляд: теперь его принятие считалось прогрессивным шагом, отходом от архаичного язычества². Примеры можно множить. Ясно одно: уже тогда советское общество идеологически готовилось к мировой войне, и в этой подготовке история играла одну из ключевых ролей.

Сообщество историков середины XX в. — сложное и противоречивое явление, которое нельзя рассматривать как гомогенное явление. В такой среде неизбежны конфликты, борьба за лидерство как в интеллектуальной, так и в административной сфере. Советская историческая наука сталинской эпохи в большей степени, чем это свойственно западной науке, была построена на властных отношениях. Определенная часть профессиональных историков искренне преклонялась перед действующей властью, даже в репрессиях стараясь найти логическое зерно. Сыграло свою роль и огромное впечатление от грандиозности происходивших преобразований в Советском Союзе, попыток построить новое общество.

Успехи персонифицировались в личности Сталина. Так, литературовед и историк Ю.М. Тынянов признавался: «Я восхищаюсь Сталиным как историком. В историческом аспекте Сталин как автор колхозов, величайший из гениев, перестроивших мир. Если бы он ничего кроме колхозов не сделал, он и тогда был бы достоин называться гениальнейшим человеком эпохи»¹. Востоковед И.М. Дьяконов уже в 1990-е гг. вспоминал: «Все советское общество, вся интеллигенция старались осмыслить происходившие события, верить в их логичность, понять, научиться»². Достижения Советского Союза и особенно победы в Великой Отечественной войне примирили с существующей действительностью и такого заметного историка, как С.В. Бахрушин. По свидетельству А.А. Формозова, Бахрушин считал Сталина деятелем равным Петру I, приведшим страну к величию и победе во Второй мировой войне³. В.М. Хвостов, выходец из русской дореволюционной интеллигенции, воспитанный в семье, где сильны были антибольшевистские настроения, в 1942 г. вступил в партию. Его дочь, К.В. Хвостова, вспоминает: «... Его восхищала мощь государства, достигнутая особенно в послевоен-

¹ Чуковский К.И. Дневники. 1930-1969. М., 1994. С. 9.

² Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 333.

³ Дубровский А.М. Сергей Владимирович Бахрушин // Портреты историков. Время и судьбы. Т.1. М.-Иерусалим, 2000. С. 202.

¹ Невежин В. «Если завтра в поход...». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х-40-х годах. М., 2007. С. 220.

² Дубровский А.М. Историк и власть. С. 166-167.

ные годы. Он не раз говорил мне, что никогда ранее Россия не обладала таким военным и политическим влиянием и авторитетом»¹. С.О. Шмидт в 1990-е гг. отмечал: «Нам была присуща, особенно по окончании войны, также государственно-патриотическая гордость»². А.П. Каждан, в конце жизни (умер в 1997 г.) осмысливая прожитые годы, утверждал: «Сталинизм не был просто грубой одеждой, наброшенной на наше нежное тело, мы срослись с ним и не могли его сбросить одним небрежным движением»³.

В 1947 г. М.В. Нечкина, рассуждая об особенностях советских выборов, признавала, что «наши выборы это утверждение народом кандидата, предложенного диктатурой»⁴. Тем не менее, она считала, что такая система, оформившаяся, по ее мнению, с 1937 г., существует в силу сложных исторических условий и с согласия народа: «Мы живем в военном лагере, мир расколот на два мира и форма, держащаяся десять лет, очевидно, имеет корни и исторически целесообразна, как форма волеизъявления народа»⁵.

Впрочем, неприятие действующей власти также оставалось у ряда историков. Критического взгляда продолжал придерживаться по-прежнему непримиримый С.Б. Веселовский. «К чему мы пришли после сумасшествия и мерзостей семнадцатого года? — писал он в дневнике 20 января 1944 г., — немецкий и коричневый фашизм — против красного. Омерзительная форма фашизма — в союзе с гордым и честным англосаксом против немецкого национал-фашизма»⁶. Очевидно, что никаких симпатий к советскому строю он не испытывал.

Готовность историков быть частью сложившейся системы приводила к тому, что властные инстанции стремились проникнуть и легко проникали в научное сообщество. Но в то же время ученые, в свою очередь, формировали свои «локальные очаги власти», которые либо встраивались в сложившуюся вертикаль, либо существовали параллельно ей. Таким образом, механизм власти строился по вертикали (отношение партаппарата — научного сообщества) и по горизонтали (отношение между группами ученых).

¹ *Хвостова К.В.* Владимир Михайлович Хвостов // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 5. Средние века. Новая и новейшая история. М., 2010. С. 576.

² *Шмидт С.О.* Самый талантливый с нашего курса // Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения. СПб., 2001. С. 36.

³ *Каждан А.П.* Трудный путь в Византию // Там же. С. 496.

⁴ Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 133.

⁵ Там же.

⁶ *Веселовский С.Б.* Дневники. 1915-1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 78.

Взаимодействие государства и научного сообщества, на первый взгляд, формировались по линии хозяина — подчиненного. Ученые находились под давлением как «единственно верного» учения марксизма-ленинизма, так и идеологических приоритетов «сегодняшнего дня», часто менявшихся. Главным историком (да и вообще ученым) страны провозглашался И.В. Сталин. Профессиональные историки вынуждены были пристально следить за очередными «гениальными» трудами вождя. Не будем подробно останавливаться на факторе идеологического давления, поскольку данная проблема неоднократно освещалась в исследовательских работах. Приведем лишь один характерный пример восприятия властных директив советскими историками. Так, на одной из многочисленных дискуссий того времени Н.Л. Рубинштейн заявил: «Мне кажется, что напрасно у нас так много спорили о дофеодальном периоде: существовал ли он или не существовал и можно ли употреблять этот термин. Очевидно, можно, если т.т. Сталин, Жданов и Киров их употребляют»¹.

Такое отношение к высказываниям властей было, конечно, характерно скорее для молодого поколения историков-марксистов (да и то далеко не всех), а не для всего сообщества. Старшее поколение историков, сформировавшихся как ученые еще в досоветской России, зачастую весьма формально относились к этому. Многие из них, как например С.Б. Веселовский, уходили во «внутреннюю эмиграцию»².

Действенным средством контроля за интеллектуальной жизнью в целом и исторической наукой в частности была цензура, носившая ярко выраженный политический характер. «Наряду с централизацией, другой особенностью советской политической цензуры, отличающей ее от царской, несмотря на определенную преемственность, является отсутствие законности и, отсюда, размытость допустимых норм, таинственность и полная безнаказанность»³, — считает Т.М. Горяева. В июне 1921 г. был учрежден Главлит, ведавший предварительным и последующим политико-идеологическим контролем. В его ведение входила и Российская ассоциация научно-исследовательских институтов (РАНИОН), где были сосредоточены кадры историков «старой школы»⁴. Не меньшую роль в цензурировании

¹ Цит. по: *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений историков. М., 2008. С. 19.

² *Сидорова Л.А.* Духовный мир историков «старой школы»: эмиграция внешняя и внутренняя. 1920-е годы // История и историки. 2003. Историографический вестник. М., 2003. С. 168-192.

³ *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР. 1917-1991 гг. 2-е изд. М., 2009. С. 146.

⁴ Там же. С. 203-204.

и отслеживании крамольных изданий играли спецорганы в лице НКВД, МГБ и КГБ. В их составе всегда существовали особые подразделения, занимавшиеся отслеживанием и контролем интеллектуальной жизни в стране¹. В некоторых случаях система контроля обходилась при помощи властного заступника-патрона (см. очерк).

По наблюдениям Г.Д. Алексеевой, цензура не является исключительно феноменом давления партийно-государственных органов на интеллигенцию. В этом были заинтересованы и «определенные слои самой интеллигенции, обслуживавшей государственный и партийный аппарат. Они находились в привилегированном положении по сравнению со специалистами других сфер культурной деятельности»².

Особым феноменом советской цензуры стал спецхран, куда попадала литература ограниченного пользования, либо вообще запрещенная. Сюда входили как труды отечественных авторов, так и зарубежные издания³. На спецхранении находились и многие архивные документы. Такое положение дела только подкрепляло ситуацию, когда историки вынуждены были вести исследования на ограниченном круге источников. Нередко они могли знакомиться с документами и литературой, но не предавать почерпнутые из них факты и идеи огласке. Все это способствовало депрофессионализации историков: «Надолго сохранялся “облегченный” тип научного творчества, особенно в изучении истории XX в. Даже газеты, доступные всем, хранившиеся в открытых фондах, не привлекали необходимого внимания исследователей, занимавшихся политической историей, ибо в науке господствовало мнение: зачем знать то, что запрещено, не разрешено для публичного оглашения»⁴.

Цензура часто была нелогичной и противоречивой, стремление перестраховаться приводило к произволу отдельно взятых работников и в то же время позволяло добиться отмены некоторых запретов⁵.

Не меньшее внимание уделялось архивам. Большевики быстро поняли, насколько значительную роль может играть архивный документ в политической борьбе. С начала 30-х гг. архивная система оказалась в ведении НКВД, превратившись в узковедомственную.

¹ Подробнее см.: *Зеленов М.В.* Аппарат ЦК РКП (б) — ВКП (б). Цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород, 2000.

² *Алексеева Г.Д.* Историческая наука в России. Идеология. Политика (60—80-е годы XX века). М., 2003. С. 147.

³ Там же. С. 145-185.

⁴ Там же. С. 173.

⁵ *Фирсов Б.М.* История советской социологии. 1950-1980-е годы. СПб., 2012. С. 113-118.

На архивные документы распространялись многочисленные ограничения и запреты¹.

Несмотря на давление властей, у представителей научного сообщества оставались определенные возможности для свободного или относительно свободного научного творчества. Одни уходили в изучение древнейших периодов, где политизированность ощущалась не так остро, как в истории новейших периодов. Другие увлекались вспомогательными историческими дисциплинами, источниковедением, археографией, архивоведением и т.д. Третьи стремились намеренно избежать в своих работах каких-либо обобщений, делая упор на разработку фактической стороны вопросов.

Нередко вставал вопрос об интерпретации цитат классиков, которые были отрывочны, звучали туманно и в отрыве от конкретного материала. Борьба за интерпретацию — еще одна форма «творческого применения» марксизма. Анализируя творческое наследие выдающегося советского медиевиста С.Д. Сказкина, Е.В. Гутнова пришла к выводу: «С помощью... творчески интерпретируемых цитат ученый получал некоторую свободу маневра и возможность развивать свои собственные взгляды, по сути дела, чуждые догматизму и начетничеству»². С.О. Шмидт вспоминал: «Мы быстро осознали то, что цитаты из сочинений классиков, даже ссылки на них, не только обороняют, но и позволяют прикрыть самостоятельность непривычных, новаторских даже, суждений и внедрить их в сознание читателей»³. Более того, высказывания классиков нередко противоречили друг другу, становясь знаменами приверженцев той или иной концепции. Так, в конце 1930-х гг. сторонники теории феодального характера Киевской Руси во главе с Б.Д. Грековым оперировали высказываниями К. Маркса, а приверженцы концепции господства рабовладельческого строя (А.В. Шестаков и Б.И. Сыромятников) — «Кратким курсом истории ВКП (б)», где утверждалось, что все народы проходят одинаковые стадии развития, из чего следовало и то, что Киевская Русь должна была быть государством рабовладельческим⁴.

¹ См. об этом: *Леушин М.А.* Документы ВКП (б) (КПСС) как источник по истории исторической науки: 1945-1955 гг. Дисс. на соиск. к.и.н. Рукопись. М., 2000; *Саввин В.А.* Архивное наследие России. Государственный архивный фонд РСФСР: управление и коммуникации 1918-1941. М., 2009.

² *Гутнова Е.В.* Сергей Данилович Сказкин // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М. — Иерусалим, 2000. С. 205.

³ *Шмидт С.О.* Самый талантливый с нашего курса. С. 33.

⁴ *Горская Н.А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 122-123; *Тихонов В.В.* Жизнь и научная деятельность Б.И. Сыромятникова // История и историки. 2007. Историографический вестник. М., 2009. С. 294-299.

Еще одним элементом властных отношений стал патронат партийных бонз над видными историками. Покровительство того или иного крупного чиновника над деятелем науки или культуры было взаимовыгодным: один получал опору во властных структурах, другой — неформальную, но не менее приятную, славу мецената. Система патроната пронизывала все советское общество¹, естественно, что научно-историческая среда не была исключением. Конечно же, историки не являлись самыми желанными объектами для патронирования — деятели искусства были куда более популярны, но и среди историков это явление наблюдалось. Изучать феномен патроната крайне сложно, поскольку отношения носили неформальный характер и, как правило, не афишировались. Тем не менее, известны некоторые случаи.

Так, историк А.И. Яковлев, выходец из семьи известного чувашского просветителя И.Я. Яковлева, был хорошо знаком с В.И. Лениным и его братом Д.И. Ульяновым еще по симбирской гимназии. После революции он получил неофициальный статус «находящегося под покровительством Ленина». Пользуясь своим положением, он многое сделал для помощи своим коллегам в годы гражданской войны. Так, после ареста некоторых служащих Румянцевского музея, где тогда работал А.И. Яковлев, только его личное ходатайство к Ленину помогло их освободить. Вот как этот случай описывает Ю.В. Готье: «Вчера были, между прочим, арестованы кадеты, собравшиеся в кадетском клубе: в том числе З.Н. Бочкарева и Юрьев, служащие в нашей Румянцевской библиотеке. Сегодня Яковлев был у Ленина для их освобождения и, кажется, добился успеха. Характерен разговор, который, как передал Яковлев, произошел между ними. Ленин: “Мы арестовали людей, которые будут нас вешать”. Яковлев: “Не эти, а другие будут вас вешать”. Ленин: “Кто же?”. Яковлев: “Это я вам скажу, когда будете висеть”»². Он неоднократно решал вопросы материального снабжения Румянцевского музея³, помогал различным деятелям культуры. В частности, ему обязаны: философ И.А. Ильин, которого, благодаря настойчивым просьбам А.И. Яковлева, выпустили из ЧК, а также друг-историк С.В. Бахрушин, освобожденный путем личного ходатайства А.И. Яковлева перед В.И. Лениным⁴. Прихо-

дилось искать защиты и для собственного отца, который сталкивался с неприятностями в Симбирске¹.

О.М. Медушевская вспоминала, что в научной среде ходило своеобразное предание об одном разговоре В.И. Ленина и А.И. Яковлева. Якобы, Владимир Ильич спросил у историка, к какой партии тот принадлежит? Тот ответил, что ни к какой, но ближе всего ему идеи партии кадетов. «Какая жалость, — сказал Ленин, — я-то думал, что вы хотя бы социал-революционер!».

Широко известно, что покровителем академика Е.В. Тарле выступал сам Сталин. Впрочем, не стоит забывать, что нередко «вождь народов» играл со своим «придворным историком» в кошки-мышки. Так, в 1951 г. в журнале «Большевик» была опубликована статья директора Бородинского музея С.И. Кожухова, в которой он утверждал, что Е.В. Тарле принижает роль Кутузова в войне 1812 года. Е.В. Тарле написал Сталину письмо с просьбой посодействовать публикации ответа на обвинения. Сталин помог. В «Большевике» был опубликован ответ, но в редакционной заметке указывалось, что в дальнейшем историк исправит допущенные ошибки. Вероятнее всего, что вся эта история была инициирована самим Сталиным².

В.М. Молотов помог А.И. Яковлеву с публикацией его монографии о холопстве в XVI-XVII вв. На совещании историков в ЦК ВКП (б) в 1944 г. уже упомянутый А.И. Яковлев, старый друг С.Б. Веселовского, которого ругали за его монографию «Холопство и холопы в Московском государстве XVI-XVII вв.», рассказывая об истории этой книги, упомянул следующее: «Книга была представлена в Институт истории в готовом виде в конце 1934 года³, как раз когда начались обвинения против Института истории, что он не дает исследовательских работ. Книга пролежала без всякого движения полностью 1939, 1940 год, причем рецензенты, которых Институт фактически по своему усмотрению выбирал, они высказались за напечатание этой книги. Рецензентами являлись академик Готье и академик Веселовский⁴. Два года пролежала эта работа в шкафу. Когда начался третий год, и я увидел, что она пролежит

¹ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е годы: город. М., 2008. С. 134.

² *Готье Ю.В.* Мои заметки. М., 1997. С. 158.

³ *Коваль Л.М.* Князь В.Д. Голицын и Румянцевский музей. М., 2007. С. 231.

⁴ *Александров Г.А.* Алексей Иванович Яковлев — историк, археограф, педагог // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 154.

¹ *Александров Г.А.* Жизнь и деятельность И.Я. Яковлева в документах архивов и библиотек. 1917-1919 гг. // Отечественные архивы. 2009. № 2. С. 66-70.

² *Троицкий Н.А.* Евгений Викторович Тарле // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 535-536; *Чапкевич Е.И.* Евгений Викторович Тарле // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М.- Иерусалим, 2000. С. 330-331.

³ Явная ошибка — Институт истории появился только в 1936 г.

⁴ С.Б. Веселовский стал академиком только в 1946 г.

3 и 4 года, я написал Вячеславу Михайловичу Молотову письмо. Он просил прислать текст книги. Я текст этой книги послал. Кто читал книгу, я не знаю, но они решили напечатать ее в 1941 году. Когда книга получила апробацию столь высокого источника, она была немедленно отправлена в набор, пройдя соответствующую рецензию при наборе»¹.

Таким образом, отношения патрон-клиент имели место и в среде советских историков середины XX в., являясь частью взаимоотношений номенклатуры и интеллигенции. Феномен патроната в исторической науке требует дальнейшего изучения и анализа.

Но, как уже говорилось выше, властные отношения формировались не только сверху: внутри научного сообщества существовали свои, неформальные, но часто переплетающиеся с официальными, очаги власти. Именно на них и хотелось бы обратить внимание.

Что нужно для получения авторитета в научном сообществе? В первую очередь — исследовательские труды, по той или иной причине получившие широкое признание. Еще один путь — это активная административная деятельность, предполагающая занятие значительного поста, позволяющего контролировать либо финансовые потоки, либо административные назначения. Нахождение во главе крупного научного коллектива помогает развернуть широкомасштабные научные изыскания, влияющие на состояние науки. Высокий административный пост может быть следствием выдающихся научных трудов, а может и наоборот: признание коллег лишь следствие административного статуса. Часто признание работ было связано с занимаемым постом, насколько эти труды действительно выдающиеся — вопрос другой. В обыкновенной ситуации наибольшего влияния ученый достигает тогда, когда научный и административный авторитет друг друга удачно дополняют. В советской исторической науке был ряд особенностей. Главной из них было то, что высшим авторитетом обладали только классики марксизма-ленинизма, в особенности живой классик — И.В. Сталин. Это не позволяло радикально изменить господствующую парадигму, но в конкретных исследовательских проблемах это не отменяло жесткой конкуренции. Кроме того, в советской исторической науке как нигде был силен административный ресурс. Нормальная конкуренция за символический капитал нарушалась регулярным вмешательством властей в ход этой борьбы. Поэтому для успешной

¹ Цит. по: Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 381-382.

реализации своего интеллектуального и административного влияния необходима была поддержка с самого верха. Вышестоящие власти также устраивала ситуация, когда в различных отраслях науки были свои лидеры, естественно в той или иной степени зависящие от режима. Так не только было проще, через лидеров, транслировать идеологические требования в основную массу ученых, но и держать под контролем само сообщество историков. Часто лидеры ревниво опекали свое положение, стремились вытеснить конкурентов, задавить идеи, противоречащие их концепциям.

Таких ученых было немало. В исторической науке 1940-50-х гг. к ним относились Б.Д. Греков, В.П. Волгин, А.М. Панкратова, И.И. Минц, В.В. Струве и др. Они заключили с советской властью своеобразное соглашение, по которому признавали основные правила игры в обмен на поддержку их идей. Господство в различных областях исторического знания главных и зачастую единственных концепций во многом было проекцией господства единственной идеологии и единственного лидера в стране. Впрочем, нередко ситуация менялась, правила радикально пересматривались и те, кто не успевал принять новые, оказывались в жертвах. Так случилось в 1930-е гг. с историками «школы М.Н. Покровского».

Показательна история Бориса Дмитриевича Грекова. Заявив о себе еще в досоветское время, Б.Д. Греков поначалу не принял большевистской власти, даже работал у П.Н. Врангеля¹. Но в дальнейшем ученый пошел на сотрудничество с новой властью. Именно он сформулировал феодальную концепцию социально-экономического строя Киевской Руси, которая постепенно получила официальную поддержку. И хотя в 1930-е гг. шли яростные дискуссии по этому вопросу, Б.Д. Греков сумел не только подстроить свою концепцию под требования марксизма-ленинизма, но и убедить власти в политической целесообразности его идей. Взлет его был стремительным: в 1934 г. его избирают членом-корреспондентом АН, в 1935 г. — академиком, в 1937 г. он становится директором Института истории АН СССР. Его взгляды привлекли немало сторонников, но было немало и противников. Поэтому Б.Д. Греков, заняв ключевое положение в исторической науке, принялся вытеснять своих противников.

С всемогущим «генералом от науки» бороться было трудно: он активно использовал свое положение, в частности, мешал выборам неугодных в АН СССР. Например, С.В. Бахрушин, не согласный

¹ Горская Н.А. Указ. соч. С. 56-57.

с целым рядом положений теории Б.Д. Грекова, в итоге вынужден был отказаться от полемики. Тем не менее, Б.Д. Греков все равно воспрепятствовал его избранию в академики¹. А.И. Яковлев написал книгу о холопах. В ней он формально признавал грековскую схему, но в реальности нарисовал картину значительной роли холопов в социально-экономической сфере древнерусского государства². Это противоречило построениям Б.Д. Грекова. Как уже об этом писалось выше, книга долго не печаталась. Судя по заметкам в дневнике друга историка, академика В.И. Вернадского, рукопись была готова к 1930 г., но из-за «Академического дела» опубликовать ее было невозможно. Более того, по свидетельству Вернадского, «книгой хотели воспользоваться избранные уже [в академики] ком[мунисты] — я [Вернадский — В.Т.] обвинял Грекова и Волгина»³. Книгу удалось отстоять, но долгое время она пролежала в рукописи. В 1942 г. монографию, еще находящуюся в рукописном варианте, затребовали для конкурса на присуждение Сталинской премии. В начале 1943 г. книга была официально удостоена премии второй степени в размере ста тысяч рублей. После этого началась активная критика монографии, в первую очередь историками грековского круга. Вероятнее всего, именно Б.Д. Греков был инициатором критики. 29 марта на заседании Президиума АН СССР он сделал доклад, где указывал, что А.И. Яковлев «проповедовал идеалистические концепции буржуазно-либерального толка, порой сближавшиеся с кадетскими»⁴. Влияние Б.Д. Грекова хорошо передает замечание В.В. Мавродина в частном письме Н.Л. Рубинштейну: «Ты, пожалуй, не умничай. Если что-нибудь... скажет Греков — это будет точка зрения, а если ты, — то это будет ошибка»⁵.

Высшие академические должности, непереносимое участие в редактировании учебников и монографий, множество учеников, поддержка официальных идеологов — все это привело к тому, что концепция Б.Д. Грекова превратилась в «нечто само собой разумеющееся». Ее целиком или с определенными оговорками признавало подавляющее большинство историков-профессионалов. Только

¹ Зимин А.А. Патриархи // Александр Александрович Зимин. М.: РГГУ, 2005. С. 67.

² Тихонов В.В. «В истории так мало незыблемых истин...» (К 130-летию со дня рождения Алексея Ивановича Яковлева) // История и историки. 2008. Историографический вестник. М., 2010. С. 305-311.

³ Вернадский В.И. Дневники. 1935-1941. Кн. 1. М, 2006. С. 166.

⁴ Архив Российской академии наук Ф. 665 (А.И. Яковлев). Оп. 1. Ед.хр. 274. Л. 2

⁵ Цит. по: Шаханов А.Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна // История и историки. Историографический вестник за 2004 г. М., 2005. С. 202.

в 1960-70-е гг. она была серьезно поставлена под сомнение трудами И.Я. Фроянова.

Другой пример — академик Василий Васильевич Струве. Его концепция древневосточного рабства стала, несмотря на свою шаткость и серьезные возражения со стороны авторитетнейших специалистов, официально признанной, поскольку прекрасно ложилась в формационную «пятичленку». За ее создание он был избран академиком АН СССР (1935), стал директором Института востоковедения АН СССР. Его биограф А.О. Большаков пишет о том, что историк не злоупотреблял своим положением¹. Другую характеристику ему дает А.А. Формозов: «Увы, оказавшись в положении официального лидера, он показал себя человеком нетерпимым, подавляющим малейшие попытки самостоятельности у своих коллег. Крайне отрицательную роль сыграл он в судьбе крупнейшего ориенталиста И.М. Дьяконова, мешая его публикациям, не допуская до защиты докторской диссертации. В тени держал он и замечательного египтолога Ю.Я. Перепелкина. Московский египтолог К.К. Зельин, опубликовавший рецензию на учебник Струве, содержащую серьезные замечания, потерял возможность работать по избранной специальности и вынужден был заняться античностью»².

Безмерное влияние В.В. Струве показывает и следующий, анекдотичный случай. «На защите какой-то узбекской диссертации в Дубовом зале Института археологии с разгромными отзывами выступали оппоненты, ругали диссертацию и предлагали отправить на доработку. Председатель Струве, как всегда спал, проснувшись, он сказал: “Ну, вот и хорошо. Замечательная, талантливая работа. Будем голосовать!” Голосование было единогласным — “за”»³.

В научном сообществе традиционно существуют разные группы ученых: школы, направления, сторонники разных концепций, даже представители разных университетов и институтов. Между ними нередко идет борьба за доминирование их научной (или квазинаучной) концепции, престиж в обществе, молодых сторонников, то есть то, что получило название «символический капитал». В советском обществе такая, в общем-то нормальная борьба, осложнялась регулярным вмешательством партийных властей.

¹ Большаков А.О. Василий Васильевич Струве // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М.-Иерусалим, 2000. С. 49-50.

² Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. 2-е изд. М., 2006. С. 166.

³ Стеблин-Каменский И.М. Анекдоты про востоковедов // Scripta Gregoriana. Сборник в честь семидесятилетия академика Г.М. Бонгарда-Левина. М., 2003. С. 480.

И слишком часто победа определялась не качеством и активностью научной и педагогической работы, а поддержкой сверху. В середине XX века в условиях непрекращающихся идеологических кампаний слишком сильным был соблазн устранить конкурента, обвинив его в антипатриотизме, идеологических ошибках и т.д. Классическим примером такой борьбы стал разгром А.Л. Сидоровым и его сторонниками «группы Минца»¹.

В 1940-е гг. И.И. Минц занимал практически монопольное положение в изучении истории советского общества. Он был академиком, возглавлял наиболее крупные исследовательские проекты, авторские коллективы учебных пособий. Его ученики вели занятия по истории советского периода во всех престижных ВУЗах Советского Союза. А.Л. Сидоров стремился занять лидирующие позиции в советской исторической науке, чему мешал, в первую очередь, И.И. Минц. Именно на разгром «команды» И.И. Минца был направлен основной удар критики в ходе кампании по борьбе с «безродным космополитизмом». Примешивались сюда и нотки личной неприязни. В 1947 г. А.Л. Сидоров написал разгромную статью на курс лекций И.И. Минца². В дальнейшем он характеризовал И.И. Минца как «паразитический тип» и признавал своей заслугой то, что «выставил его из университета»³. В своей деятельности А.Л. Сидоров опирался на молодых, идеологически проверенных (партийных) соратников, часто бывших фронтовиков⁴. Разгром «группы Минца» позволял сторонникам А.Л. Сидорова занять лидирующее положение в изучении советской истории, самого престижного направления исторической науки. Антисемитские нотки проходивших проработок прекрасно подходили для этих целей, поскольку сам И.И. Минц был евреем, а среди его учеников много было лиц еврейской национальности.

25 февраля 1949 г. в Институте истории прошла сессия, на которой В.Т. Круть и Х.Г. Аджемян потребовали искоренить антипатриотические настроения в среде советских историков. Главными носителями этих настроений назывались Н.Л. Рубинштейн,

¹ Тихонов В.В. Борьба за власть в советской исторической науке: А.Л. Сидоров и И.И. Минц (1949 г.) // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Научный журнал. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 76-80.

² Сидоров А.Л. Рец. на кн.: Минц И. История СССР (апрель 1917-1925). Лекции в Высшей партийной школе. М., 1947. // Культура и жизнь. 1947. № 33.

³ Сидоров А.Л. Институт красной профессуры // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 1. Омск, 2005. С. 400-401.

⁴ Некрич А.М. Поход против «космополитов» в МГУ // Континент. 1981. № 28. С. 304-305.

И.И. Минц и «их защитник и покровитель» Е.Н. Городецкий¹. Вскоре заседание прошло в Академии общественных наук при ЦК ВКП (б). На нем прозвучал доклад заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации Ф.М. Головенченко «О задачах борьбы против космополитизма на идеологическом фронте»². «Несколько часов подряд высокие чины, а потом и преподаватели в унисон ругали «космополитов», которые «пробрались» в историческую науку, окопались на истфаке МГУ, разлагают молодежь». Особенно досталось И.И. Минцу. Прозвучал призыв «забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его прихвостней — Разгона, Городецкого, Звавича, Зубока...»³.

Центром антикосмополитической борьбы стал исторический факультет МГУ, где главным оратором был А.Л. Сидоров. Именно на разгром «команды» Минца был направлен основной удар критики. 3 марта 1949 г. прошло партийное собрание исторического факультета, где Сидоров выступил с разгромной критикой «группы Минца». В своем докладе он указал на недопустимость проникновения «буржуазного безродного космополитизма» в историческую науку, поскольку «в современной обстановке идеи буржуазного космополитизма в науке... являются идеологическим оружием американского империализма»⁴. В чем же заключался «грех» космополитизма? «Всякое протаскивание идей буржуазного космополитизма в историческую науку, принижение роли русского народа в мировой истории..., стремление ослабить чувство советского патриотизма, принизить достижения советского хозяйства, советской культуры, советской науки — являются проявлением враждебной деятельности против нашей Родины в интересах врагов нашей социалистической страны»⁵, — громко заявил Сидоров. Заметим, что при желании каждый мог быть подведен под эти обвинения. И.И. Минц, по мнению Сидорова, — зримое проявление всех перечисленных пороков, «наиболее типичный выразитель и проводник взглядов буржуазного космополитизма»⁶. Ошибок у Минца слишком много, чтобы это было случайностью: искажение фактов, «смазывание значения октябрьской Социалистической

¹ Дубровский А.М. Историк и власть. С. 548.

² Булыгина Т.А. Общественные науки в СССР 1945-1955 гг. М., 2000. С. 28.

³ Лельчук В.С. Уроки Городецкого (к 90-летию со дня рождения) // Отечественная история. 1997. № 1. С. 122.

⁴ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 632 (А.Л. Сидоров). К. 21. Ед. хр. 2. Л. 151.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 154.

революции, как в исторических судьбах нашего народа, так и в истории всемирной». Были и более страшные преступления: «Важнейшие вопросы, поставленные товарищ Сталиным по истории советского общества, товарищ Минц в своей работе не отразил»¹. И, наконец, касаясь статьи «Ленин и развитие советской исторической науки», Сидоров говорил, что «венцом надругательства над советской наукой, над трудами Ленина и Сталина, является совершенно недопустимое вражеское заявление, что основоположниками по изучению советского периода являются Разгон, Городецкий и др... Ни Ленин, ни Сталин, ни их работы являются основным фундаментом научной истории советского периода, а работы Минца и членов его группы»². Справедливости ради, заметим, что в самой статье всячески выпячивается значение работ Ленина и Сталина, а такие далеко идущие выводы делаются на основе всего двух слов о работах Е.Н. Городецкого, Э.Б. Генкиной, И.М. Разгона, Н.А. Корнатовского, О.А. Шекун, которыми, как написано в тексте, «положено начало» изучению советской истории. Очевидно, что это лишь повод.

«Группа Минца» была обвинена в монополизации изучения и преподавания истории советского периода. Более того, по словам Сидорова, она сознательно тормозила становление молодых кадров специалистов по советской истории. 15 марта в стенгазете исторического факультета появилась статья, где звучал призыв «до конца искоренить космополитизм в исторической науке — Минца, Разгона, Городецкого, Верховеня и др.»³.

А.Л. Сидоров сумел потеснил и влиятельнейшего академика Б.Д. Грекова. В 1950 г. он возглавил комиссию по проверке Института истории, долгое время руководимого Б.Д. Грековым. Заключение было негативным. А работе института было обнаружено множество идеологических и кадровых ошибок⁴. Вскоре А.Л. Сидоров сменил Б.Д. Грекова на посту директора института.

И.И. Минц лишился всех руководящих постов, в качестве ссылки его назначили заведующим кафедрой в Московском педагогическом институте. А.Л. Сидоров стал заведующим кафедрой истории СССР МГУ, в 1953 г. он был назначен директором Института истории АН СССР. Впрочем, на выборах в члены-корреспонденты

¹ Там же. Л. 159.

² Там же. Л. 162-163.

³ Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 3. С. 147.

⁴ НИОР РГБ Ф. 632. К. 80. Ед. хр. 5.

АН СССР его провалили, несмотря на выделенную специально для него вакансию: в научном сообществе признавался не только язык власти, но был и свой «гамбургский счет». И.И. Минц записал в своем дневнике: «Старики не хотят ему простить ликвидации ЛОИИ [Ленинградское отделение Института истории] и, главное, вражды с покойным Грековым»¹. Власть не всегда решала все, точнее власть административная нередко наталкивалась на внутренние законы и традиции научного сообщества. До кончины Сидорова в 1966 г. отношения между двумя историками были напряженными. Сидоров сумел на время оттеснить Минца от академического Олимпа, но самому туда забраться ему так и не удалось.

Таким образом, проблема власти стояла среди советских историков чрезвычайно остро. В советской исторической науке буквально кипела борьба за власть и влияние. Это типичная черта любой научной среды. Но в Советском Союзе была и своя специфика: активное вмешательство контролирующих органов в расклад сил среди историков приводил к тому, что борьба за «символический капитал» проходила с оглядкой или при участии партийных властей. Из историков кто-то был послушным орудием, кто-то жертвой, но кто-то умел использовать ситуацию в своих целях.

В случаях с историками необходимо учитывать и еще одно явление. Дело в том, что историческая наука признавалась важнейшим участком идеологического фронта, а выпускники исторических факультетов часто оказывались на партийной работе. Их охотно использовали в учреждениях, ответственных за идеологию. Часто карьерная траектория менялась и партфункционеры возвращались в науку. Но связи оставались. Поэтому в случае с историками (думаю, мы вправе распространять это наблюдение на все гуманитарные и общественные дисциплины) можно наблюдать феномен «сращивания» профессионального сообщества и партийной элиты. Это явление требует специального изучения и осмысления.

¹ «Из памяти всплыли воспоминания...». Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. М., 2007. С. 83.

Очерк 5

Историк как пропагандист в годы Великой Отечественной войны

Исторические образы занимают важное место в пропаганде патриотизма. Поэтому не случайно, что в годы двух мировых войн апелляция к событиям прошлого в поисках героических примеров для подражания, жизненных уроков, подкрепления образа врага и т.д. приобретает особое значение. Давно замечено, что в критические моменты, когда создается реальная угроза существованию нации или общества, происходит мобилизация исторической памяти.

«Историк и война» — тема до сих пор малоизученная. Несмотря на ряд имеющихся исследований¹, в том числе и монографического характера², многие вопросы остаются не освещенными, документов, введенных в научный оборот явно недостаточно. Между тем, «историк и война» — интересный предмет самостоятельного исследования в силу целого ряда причин. Во-первых, война до предела обостряет чувство истории, и именно исследователь прошлого зачастую оказывается в авангарде осмысления проходящих событий; во-вторых, исторические образы приобретают важность как пропаганда, поэтому историк становится еще и пропагандистом; в-третьих, историки — важнейшее звено в формировании исторического образа войны, сохранения памяти о ней. Специфическая черта человека, имеющего историческое образование или профессионально занимающегося изучением прошлого, — это стремление вписать современные ему события в исторический контекст, выявить их связь с историческими процессами.

Еще в 1930-е гг. в советской пропаганде коммунистические, интернационалистские ценности были существенно потеснены патриотическим дискурсом. В силу ряда причин Советский Союз перестал рассматриваться как исключительно авангард миро-

вой революции. Руководство страны все больше делало акцент на культивировании «советского патриотизма». В оценках прошлого теперь мотивы огульного отрицания сменились поиском положительных черт событий, явлений и действующих лиц¹. Симптоматичным стало следующее событие. В мае 1941 г. И.В. Сталин опубликовал статью, в которой выступал, как уже было сказано выше, против оценки Ф. Энгельсом России как реакционного «жандарма Европы»². Даже военные теоретики и пропагандисты призывали к изучению опыта русской императорской армии и ее полководцев³.

Начавшаяся война многократно усилила указную тенденцию. Тон задавали первые лица страны. 7 ноября 1941 г. И.В. Сталин, обращаясь к красноармейцам, призвал: «Пусть вдохновляет нас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»⁴. Таким образом, война приобрела историко-патриотический контекст, был подчеркнут ее отечественный характер.

Итак, исторический компонент занимал важнейшие позиции в советской военной пропаганде, поэтому для работы лекторами было мобилизовано большое количество профессиональных историков. В 1941 г. было создано Бюро научной пропаганды АН СССР. 14 апреля 1941 г. в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) прошло совещание, посвященное задачам исторической науки, на котором подчеркивалось, что главная задача советских историков — разоблачение фашизма, показ исторического значения отечественной войны. В центре внимания историков должна была оказаться агитационная работа, направленная на формирование образа непобедимой советской армии и развенчание мифа о непобедимости немцев⁵.

Напомним, что в советское время отношения власти и интеллигенции были полны драматических эпизодов, когда многие видные интеллектуалы подвергались репрессиям. Историки не были исключением. Тем не менее, экономические достижения Совет-

¹ Например, *Гордина Е.Д.* Историко-патриотическое воспитание в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 58-71; *Корзун В.П., Колеватов Д.М.* Социальный заказ и историческая память (научное сообщество сибирских историков в годы Великой Отечественной войны) // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 1. Омск, 2005. С. 75-95.

² Например, *Бурдей Г.Д.* Историк и война. Саратов, 1991.; *Кондакова Н.И., Куманев Г.А.* Ученые-гуманитарии в годы Великой Отечественной войны. Документы. Материалы. Комментарии. М., 2004.

¹ *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 170-304.

² Подробнее см.: *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С.222- 226.

³ *Невежин В.А.* «Если завтра в поход...». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х-40-х годах. М., 2007. С. 220, 224 и др.

⁴ *Сталин И.В.* Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года // Правда. 1941. 8 ноября.

⁵ *Бурдей Г.Д.* Указ. соч. С. 16.

ского Союза и особенно общая опасность, а затем и победы в Великой Отечественной войне многих примирили с властью. Кроме того, подавляющее большинство историков, даже если они и были настроены критически к существующему строю (конечно же, в душе), прекрасно понимали, что в данный момент речь идет о сохранении не советского строя, а собственно русского народа. Поэтому они охотно включились в работу. Даже подавляющая часть русской эмиграции заняла (с существенными оговорками) просоветскую позицию¹.

Важным направлением стало написание истории войны, пропаганда и увековечение подвига советских солдат. Партийное руководство достаточно быстро осознало идеологическую и культурную значимость сбора документов по истории Великой Отечественной войны. Такая работа, хотя и не систематически, велась с самого начала боевых действий. Но только к концу 1941 г. были предприняты конкретные шаги по привлечению профессиональных историков к собиранию и исследованию материалов по данной проблематике. Одной из причин такого шага были многочисленные письма, в которых фронтовики и работники тыла призывали к сохранению памяти о текущих событиях.

В конце ноября 1941 г. была создана комиссия по истории обороны Москвы. Первоначальной целью новой организации было написание истории боев за Москву, но вскоре стало очевидным, что нельзя ограничивать комиссию только сбором материалов по обороне Москвы, поскольку масштаб событий требует общесоюзного подхода. 15 января 1942 г. недавно созданная организация была переименована в Комиссию по истории Великой Отечественной войны², целью которой стала деятельность на территории всего Советского Союза. Во главе был поставлен заведующий Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) Г.Ф. Александров, его заместителем стал известный историк, крупный специалист по истории советского общества, член-корреспондент АН СССР И.И. Минц. Кроме того, в комиссию вошли заместитель начальника Главного политического управления РККА А.А. Кузнецов, которого позднее сменил И.В. Шикин, редактор «Правды» П.Н. Поспелов, редактор «Известий» Л.Я. Ровинский, заведующий ОГИЗом П.Ф. Юдин, за-

меститель СНК СССР Р.С. Землячка, секретарь Московского комитета партии Е.И. Леонтьева, секретарь ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлов, академики М.Б. Митин, Е.М. Ярославский и историк Е.Н. Городецкий¹. Рядовыми членами комиссии стали известные историки В.И. Шунков, И.М. Разгон, А.Л. Сидоров, Э.Б. Генкина, Н.С. Трусова, Н.А. Сидорова, П.И. Белецкий, О.Н. Чаадаева и др. Именно на них возлагалась основная работа по сбору и первичной обработке полученных источников.

Первоначально предполагалось собирать источники, которые из-за своей специфичности могли не попасть в архивы². К ним были отнесены воспоминания участников партизанского движения, работников тыла, материалы о Героях Советского Союза, документы, запечатлевшие деятельность ученых, писателей и артистов и т.д. Но вскоре это ограничение было снято и собирание источников приобрело всеобъемлющий характер.

За время работы был собран огромный комплекс документов, отражавший различные стороны жизни страны в военное время. Некоторые из них были использованы в публикациях уже во время войны³. Члены комиссии принимали активное участие в составлении книг, брошюр и сборников документов, показывавших подвиг советских солдат и зверства немецких войск⁴. В этом, несомненно, проявилась и очевидная пропагандистская составляющая их деятельности.

Крупнейшие специалисты-историки отправлялись на фронт для чтения лекций по исторической тематике, вели занятия в тылу, писали историко-патриотические книги и статьи. Работа была трудной. Приходилось читать лекции на разные темы, причем нередко по несколько за день. Например, историк В.И. Шунков, служивший лектором политотдела 40-й армии 2-го Украинского фронта, писал: «Сам я последнее время много читал: на партийных собраниях и активах о годовщине со дня смерти Владимира Ильича, о X сессии Верховного совета, о 26-й годовщине Кр[асной] армии, о приказе т. Сталина № 16; на офицерских собраниях о Суворове, Кутузове, Хмельницком. Сегодня закончил статью о

¹ Там же. С. 120.

² Научный архив ИРИ РАН. Ф. 14. «К». Ед. хр. 2. Л. 6.

³ Архив РАН (Далее — АРАН) Ф. 457. Оп. 1-а/1944. Ед. хр. 66; Герасимов Е. Генерал Доватор. М., 1942; Восемь повешенных в Волоколамске. М., 1942; Михайлов Н. Лиза Чайкина. М., 1942; «Молодая гвардия». Герои-комсомольцы Краснодона. М., 1942.

⁴ Например: Генкина Э. Героический Сталинград. М., 1943; Ясная Поляна. Статьи и документы / Под ред. И.И. Минца и С.А. Толстой-Есениной. М., 1942 и т.д.

¹ Вандалковская М.Г. Вторая мировая война и эмиграция // История и историки. 2008. Историографический вестник. М., 2010. С. 16-49.

² Курносоев А.А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (организация и методика собирания) // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 119.

Хмельницком. Последние полтора месяца целиком выполнял лекторскую работу и был все время в разъездах»¹.

Не менее напряженным был график М.В. Нечкиной. Вот только некоторые темы ее выступлений: «Разгром Наполеона», «Разгром Наполеона и Михаил Кутузов», «Отечественная война», «1812 год», «Крах замыслов мирового господства в истории человечества», «Дмитрий Донской и Куликовская битва», «Минин и Пожарский» и т.д.² Лекций читались и на фронте, и в госпиталях, и на пограничных заставах, на флоте, в детских лагерях, на курсах подготовки секретарей, даже в прачечной. По ее воспоминаниям, «в годы войны огромный интерес вызывала военно-патриотическая тематика. Читались лекции и о знаменитых битвах в давние эпохи — Ледовом побоище, Куликовской битве, Бородинском сражении, и о великих полководцах — Суворове, Кутузове, и на обобщающие темы, например “Мужественный образ наших великих предков”. Привлекала большое внимание и лекция “Крах замыслов мирового господства в истории человечества”. Я часто ее читала»³. Всего по приблизительным подсчетам самой М.В. Нечкиной она прочитала солдатам Красной Армии свыше 300 докладов и лекций⁴. Находясь в эвакуации, М.В. Нечкина вынашивала планы написания монографии «Русский солдат в художественной литературе»⁵.

Е.В. Тарле как всемирно известный историк и великолепный оратор даже получил специальный поезд-вагон, на котором он ездил по разным районам СССР. Историк читал лекции в самых разных аудиториях: перед агитаторами, нефтяниками, металлургами, учеными и т.д.⁶ Агитационным шагом стала и публикация книги Е.В. Тарле «Наполеон» в Англии одновременно с изданием романа Л.Н. Толстого «Война и мир».

В пропаганде заметное место приобрели лекции и работы по истории славян. В них стремились опровергнуть инсинуации нацистских

историков и философов, заявлявших о неполноценности славянских народов. Идеология славянской солидарности оказалась чрезвычайно востребованной. Особенно активно на ниве пропаганды общекультурных и исторических ценностей славянства выступал историк-славист В.И. Пичета. Только за несколько первых месяцев войны он опубликовал в центральных газетах следующие очерки: «Гитлеру не покорить свободолюбивые славянские народы», «Гитлер — лютый враг русского народа», «Славяне никогда не будут рабами», «Исторические судьбы славянства» и т.д. Не менее активным был академик Н.С. Державин¹. Известный историк-юрист Б.И. Сыромятников разработал амбициозную программу по изучению истории славянского права в сравнительно-историческом контексте². Славяноведение станет одной из магистральных направлений советской историографии.

Пропаганда подчеркивала и единство союзников по антигитлеровской коалиции. От историков требовался показ позитивного опыта контактов между союзниками. Так, в «Историческом журнале» неоднократно печатались статьи, посвященные историческим связям России, Англии, Франции и США³. Это потребовало отойти от жесткой антианглийской и антиамериканской риторики предвоенных лет. Наглядно это проявилось в истории создания школьного учебника по Новой истории, авторами которого были В.М. Хвостов, И.С. Галкин, Л.И. Зубок, Ф.И. Нотович. Учебник писался довольно долго, тщательно подбирались каждая оценка или характеристика. В целом текст был закончен еще до войны, но вскоре авторскому коллективу пришлось многое в нем изменить в угоду требованиям пропаганды. Написанный в русле идеологических стандартов довоенного времени, учебник значительное внимание уделял разоблачению колониальной политики «империалистических стран», в первую очередь Англии. Но во время войны, когда «империалистические страны» стали союзниками СССР, от авторов потребовали смягчить риторику. Из текста были убраны

¹ «Я ведь действительно историк...». Письма с фронта В.И. Шункова из Отдела рукописей РГБ. 14 декабря 1943 г. — 9 июня 1945 г. / Публ. В.В. Тихонов // Отечественные архивы. 2012. № 1. С. 97-98.

² Дневники академика М.В. Нечкиной... С. 123-127.

³ *Нечкина М.В.* Лекции в дни войны // В годы войны. Статьи и очерки. М., 1985. С. 35.

⁴ Письмо М.В. Нечкиной И.И. Минцу. 8 мая 1943 г. // «История в человеке» — академик М.В. Нечкина / под ред. Е.Л. Рудницкой и С.В. Мироненко. М., 2011. С. 597.

⁵ *Нечкина М.В.* Русский солдат в художественной литературе. План книги // Там же. С. 250-253.

⁶ *Чапкевич Е.И.* Евгений Викторович Тарле // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М.- Иерусалим, 2000. С. 330.

¹ Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Как феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы). М., 2009. С. 54-55.

² *Тихонов В.В.* Историк «старой школы»: научная биография Б.И. Сыромятникова. Pisa, 2008. С. 36; *Он же.* Жизнь и труды историка Б.И. Сыромятникова // История и историки. 2007. Историографический вестник. М., 2009. С. 304.

³ Например: *Готье Ю., Бахрушин С.* Культурные и политические связи России и Англии в XVI—XVII веках // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 64-70; *Семенов В.* Англо-русские отношения в царствование Петра I // Там же. 1943. № 10. С. 43-50; *Эггерт З.* Отмена рабства в США и отклики в России // Там же. 1943. № 8-9. С. 69-75.

слова «захваты» и «захватническая политика» Великобритании и США¹. Учебник вышел только в 1946 г.²

В агитации активно участвовали и такие известные историки-ученики В.О. Ключевского, как А.И. Яковлев и С.В. Бахрушин. Яковлев несколько раз читал циклы исторических передач на радио, посвященных героическим фактам русской истории³. Кроме того, он организовал выставки в честь Александра Невского⁴, Кутузова⁵, Суворова⁶ и т.д. Им было подготовлено и напечатано «Пособие к изучению боевых приказов и речей товарища И.В. Сталина»⁷. В пособии, между прочим, историк выражает большие надежды на союз со «свободолюбивыми демократическими странами»⁸.

С.В. Бахрушин публиковал историко-патриотические произведения. Среди его работ можно найти: «Дмитрий Донской», «Москва в 1812 и 1941 годах», «Минин и Пожарский», «Разгром Ливонского ордена в Прибалтике», «Героическое прошлое русского народа»⁹ и т.д.

Легко заметить, что центральное место в лекциях занимала военно-патриотическая тематика, целью которой было поднятие боевого духа. На первые два года войны приходится пик лекционной работы историков. Только за 1943 г. было прочитано 6100 лекций. Другим важнейшим направлением являлась публикация брошюр. По подсчетам Г.Д. Алексеевой, Институт истории за 16 месяцев с начала войны выпустил более 50 публикаций по тематике отечественной и всемирной истории. Часто они носили специальный подзаголовок «В помощь политруку»¹⁰.

4 августа 1943 г. прошло заседание Лекционного бюро при Комитете по делам высшей школы, посвященное научной пропаганде, на котором председательствовал А.Я. Вышинский¹¹. На нем известные

историки (Б.Д. Греков, В.И. Пичета, С.Г. Стумилин и др.) предложили наиболее актуальные, с их точки зрения, исторические темы: история славянства, становление русского государства, история развития русской промышленности и т.д. А.Я. Вышинский призвал усилить плановый характер пропагандистской работы.

Как отметил А.М. Дубровский: «Актуальность культа героев отечественной истории в 1941-1943 гг. объясняется тем, что в это время Советская армия вела главным образом оборонительные бои. Материала для воспевания современных побед было мало. Именно на лето 1942 г. (на период наступления фашистских войск на юге страны и канун Сталинградской битвы) пришелся пик военно-исторической пропаганды»¹.

Заметим, что военное время стало периодом относительно ослабления идеологического давления на историческую науку в том смысле, что быстрое изменение идеологии, поворот к традиционным ценностям, который, тем не менее, не отменял коммунистической риторики, привели к некоторой идеологической неопределенности. Многие историки по-своему трактовали сложившуюся ситуацию. Например, Е.В. Тарле прочитал лекцию, в которой утверждал, что нельзя рассматривать завоевания Российской империи с негативной точки зрения, поскольку именно большая территория, приобретенная в ходе экспансии, теперь позволяет успешно воевать советскому государству². В принципе, историк в значительной степени развивал мысли Сталина, высказанные им статье пропив Ф. Энгельса. Но его лекция вызвала протест А.М. Панкратовой, которая усмотрела в этом отход от марксизма.

Апогеем конфликта стало совещание историков в ЦК ВКП (б) в 1944 году. Инициатором встречи была А.М. Панкратова, написавшая письмо в ЦК с просьбой разобраться с возмутительными, по ее мнению, случаями апологетики царской России и неверными трактовками отдельных событий. Она писала, что в исторической науке все громче звучат требования о пересмотре марксистского понимания истории, что эти требования главным образом исходят от представителей «школы Ключевского», которые «теперь открыто гордятся своей принадлежностью к этой школе»³.

¹ Дубровский А.М. Историк и власть. С. 411.

² Тарле Е.В. О роли территориального расширения России в XIX и XX веках. Доклад на Ученом совете Ленинградского университета / публикация Ю.Н. Амиантова // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 3-13.

³ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 48.

¹ АРАН Ф. 1667. Оп. 1. Ед.хр. 512. Л. 4.

² См. очерк 10.

³ Бурдей Г.Д. Историк и война.... С. 78.

⁴ АРАН Ф. 665 (А.И. Яковлев). Оп. 1. Ед.хр. 60.

⁵ Там же. Ед.хр. 71.

⁶ Там же. Ед.хр. 70.

⁷ АРАН Ф. 574 (В.П. Потемкин) Оп. 5. Ед.хр. 25.

⁸ Там же. Л. 32.

⁹ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. I. М., 1952. С. 14-15.

¹⁰ Корзун В.П. Историческая наука СССР в период Великой Отечественной войны // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 503.

¹¹ Стенограмма заседания Лекционного бюро при Комитете по делам высшей школы // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникации убеждения» и мобилизационные механизмы / Авторы-составители А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 2007. С. 463-470.

В ответ на это была сформирована комиссия в составе председателя А.С. Щербакова и секретарей ЦК ВКП (б) А.А. Андреева и Г.М. Маленкова. Совещание началось 29 мая 1944 г. и проводилось с перерывами 1, 5, 10, 22 июня и 8 июля. На совещание были приглашены ведущие историки Советского Союза.

Не будем подробно останавливаться на ходе конференции, тем более, что в исторической науке есть немало исследований на эту тему. Отметим лишь следующее. В ходе дискуссии на конференции сложилось три группы историков: 1) историки-марксисты, в массе своей ученики М.Н. Покровского, которые отстаивали принципы классового подхода к оценке русской истории; 2) историки «старой школы» и примкнувшие к ним ученые, следующие новой конъюнктуре, которые считали, что русское прошлое должно рассматриваться в позитивном ключе и 3) историки, во главе с И.И. Минцем, предложившие придерживаться «золотой середины», что более соответствовало официальной позиции. Последние призывали не искать в истории только негативные черты, но подчеркивать и положительные стороны¹.

Но, несмотря на то, что формально совещание было инициировано историками, главным действующим лицом на нем были представители власти. Для советской идеологической системы проходящая конференция была хорошим поводом вернуть контроль над исторической наукой. Поэтому в резолюциях все эти неофициальные группировки были намеренно нивелированы. Официальным идеологам было выгодно предстать в виде арбитров, указывающих на то, что неправы в той или иной степени все.

После того, как исчезли надежды на мировую революцию, а во внутренней политике начали преобладать патриотические мотивы, советская историческая наука совершила поворот к позитивному (в умеренной форме) освещению русской истории. Но во время войны вновь появились обоснованные надежды на дальнейшее распространение коммунистических идей за пределы СССР, а излишняя патриотическая риторика могла этому помешать. Поэтому нужно было сохранить не только патриотические элементы идеологии,

¹ См. подробнее: *Гордон А.В.* Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009. С. 130-152; *Дубровский А.М.* Историк и власть... С. 467-470; *Корзун В.П.* Совещание историков в ЦК ВКП (б) 1944 года // Очерки истории отечественной исторической науки XX века... С. 507-516; *Сидорова Л.А.* Борьба мнений по проблеме патриотизма на Совещании историков в ЦК ВКП(б) 1944 г. // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX — XXI вв. Липецк, 2009. С. 269-275; *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство... С. 227-484.

которые показали себя крайне эффективно во время войны, но и не отпугнуть воинствующим советским национализмом другие народы. На основании этих соображений и принималась резолюция совещания. Ее авторы не поддержали ни одну из проявившихся на совещании позиций: они выразили недовольство, как излишним принижением русской истории, так и излишней ее героизацией.

Пока в тылу гремели идеологические споры, многие историки продолжали свою пропагандистскую деятельность в Красной Армии, которая вступила в Европу. В личном фонде А.Л. Сидорова сохранились письма другого, не менее известного историка, В.И. Шункова, присланные из европейского похода Красной Армии¹. Конечно, война занимает в них доминирующее место, но нередко рядом проходят и другие сюжеты: в первую очередь историческая наука, жизнь научного сообщества. Особенно подробно историк описывал свои впечатления от похода в Восточную Европу. Внимательное отношение к окружающей действительности было обусловлено не только природной жаждой новых знаний и наблюдательностью, но и тем, что В.И. Шунков старался на лекциях приводить примеры из жизни. Историк не участвовал непосредственно в боях, поэтому война в его письмах не показана напрямую. Зато его письма заполнены подробными описаниями походной жизни, бытовыми зарисовками, в них много любопытных деталей и мыслей.

Письма показывают, что спрос на лекции был по-прежнему чрезвычайно высок. Находясь в Румынии, он писал: «Мы долго стояли и провели огромную работу. Университет за университетом — семинары для самых различных категорий наших работников от партторгов батальонов до начподивов и начпокоров, от командиров батальонов до командиров дивизий и корпусов. Ни одного семинара не прошло без моего доклада или лекции. А я ведь не умею выступать не готовясь. Кроме того, большой спрос на мои лекции со стороны частей»². Описывая стремительный бросок через Восточную Европу, В.И. Шунков подчеркивает героизм советских солдат: «И он не грабит и не мстит. В нем есть месть, но нет мстительности. Он хочет вернуть награбленное родине, но не себе, нет. Он замечательно воюет потому, что страстно хочет справедливости и конца войны»³.

¹ Научно-исследовательский отдел Российской государственной библиотеки Ф. 632 (А.Л. Сидоров). К. 91. Ед.хр. 22.

² «Я ведь действительно историк...». Письма с фронта В.И. Шункова... С. 101-102.

³ Там же. С. 102.

Образ войны 1812 года в советской пропаганде конца 1930-х-начала 1950-х годов

Как историк-пропагандист В.И. Шунков сетует на то, что советский «Исторический журнал» не публикует необходимых для лекций материалов: «Почему я, сидя на фронте, напрягаю свою память и силы, чтобы напомнить людям факты совместной борьбы русских и чехов против немцев, вековые традиции русско-чешской дружбы, антинемецкой борьбы чехословацкого народа, блеск его культуры и т.д. Почему не может помочь мне в этом «Исторический журнал»? Быть может там что-нибудь и готовится? Из Румынии мы ушли, не получив ничего, так же уходим из Венгрии и так же уйдем из Чехословакии. Война требует оперативности от всех, в том числе и от «Исторического журнала»¹. Наблюдая за происходящими событиями, он гордо пишет: «Колесо истории работает в нашу пользу»².

Ни на миг В.И. Шунков не забывает, что он историк. Так, он регулярно спрашивает о ситуации в научных кругах. В усадьбе Иштвана Бетлена, бывшего венгерского премьер-министра, он обнаружил великолепную коллекцию книг, в том числе и средневековых. В письме он сетует на то, что Академия наук СССР не занимается разбором книжных богатств бывших фашистских деятелей: «Они же должны вернуть нам то, что сожгли у нас. Помните харьковские библиотеки? Сенокосилки возвращать, конечно, нужно, но и о культурных ценностях забывать также не стоит»³. Когда закончилась война, автор сожалел лишь об одном: «Привык я к своим слушателям, завоевал их (разве ни приятно получать телеграммы с просьбой приехать или узнать о решениях парторганизаций о приглашении меня к ним на лекцию) и мне жаль с ними расстаться»⁴.

Таким образом, историк-пропагандист стал одной из заметных фигур Великой Отечественной войны. Пропаганда прошлым работала во всю мощь. В этой связи любопытно сравнить опыт двух мировых войн. В Первую мировую войну также наблюдались попытки развернуть широкую историческую пропаганду. Но тогда этого не удалось. Советская власть, с присущим ей опытом в идеологической работе, умением мобилизовать ресурсы на ключевых направлениях, сумела наладить действительно широкую лекторскую работу, способствовавшую поддержке патриотических настроений.

Война 1812 г. — одно из важнейших событий в отечественной истории. Огромное значение для русского исторического самосознания предопределило повышенное внимание к ее интерпретации со стороны ученых, деятелей культуры и властных структур. Отечественная историческая наука всегда отличалась повышенной рефлексией над проблемами научного изучения и трансформации в русской культурно-исторической памяти нашествия Наполеона на Россию.

В области анализа историографической традиции накопилось немало исследований¹. Отличительной чертой этих работ было тесное увязывание научного и идеологического контекста проблемы, выявление культурного фона дискуссий о войне 1812 г. В последние годы, когда тема приобрела особую актуальность в связи с 200-летним юбилеем, наметился повышенный интерес к проблеме использования образа 1812 г. в советской пропаганде². Несмотря на появившиеся работы, приходится констатировать, что тема раскрыта недостаточно, а некоторые выводы исследователей требуют уточнения и дополнения.

В дореволюционное время императорская власть всячески культивировала героический образ борьбы с нашествием Наполеона.

¹ *Абалихин Б.С., Дунаевский В.А.* 1812 год на перекрестке мнений советских историков 1917—1987. М., 1990; *Троицкий Н.А.* Отечественная война 1812 года: история темы. Саратов, 1991; *Шейн И.А.* Сталин и Отечественная война 1812 года: опыт изучения советской историографии 1930-1950- годов // Отечественная история. 2001. № 6. С. 97—108; *Ивченко Л.Л.* Бородинское сражение. История русской версии событий. М., 2009 и др.

² *Будницкий О.В.* Изобретая Отечество: история войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941-1945 годов // Российская история. 2012 № 6. С.157-169; *Дацишина М.В.* Тема Наполеона и войны 1812 г. в советской и нацистской пропаганде в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 149—156; *Сидорова Л.А.* Советская и современная российская историография войны 1812 года (1917-2012 гг.) // Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года / Отв. ред. А.В. Буганов. Тула, 2012. С. 131-189; *Юдин М.В.* Образ М.И. Кутузов в советской пропаганде // Преподавание истории в школе. 2012. № 6. С. 68—73; *Аурова Н.Н., Голубев А.В., Мельникова Л.В., Подмазо А.А., Секиринский С.С.* Отечественная война 1812 года в культурной памяти России. М., 2012. С. 295-312.

¹ Там же. С. 105.

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 107.

⁴ Там же. С. 113.

Война официально носила эпитет Отечественная. В 1912 г. в Российской империи прошли широко и помпезно отмеченные торжества в связи со столетним юбилеем победы над французской армией.

Официальная советская историческая наука 1920-х гг., наоборот, нигилистически смотрела на эту эпоху. Лидер историков-марксистов М.Н. Покровский в своих трудах подчеркивал полководческие таланты Наполеона и отрицал их наличие у Кутузова. При этом ответственность за конфликт была им возложена на Российскую империю.

Ситуация начала меняться с разгромом «школы Покровского» и поворотом к культивированию «советского патриотизма», когда умеренное возвеличивание русского прошлого вновь вошло в обиход политической пропаганды. Важнейшую роль в механизме пропаганды играла центральная партийная пресса, традиционно обозначавшая актуальные идеологические ориентиры. Так, 2 сентября 1937 г. в газете «Правда» появился материал о «героической странице из прошлого нашей страны». 8 сентября в той же газете была опубликована статья Д. Осипова «Героическая поэма о 1812 году», посвященная эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир». В ней утверждалось, что война — это яркая страница русской истории, а из русского народа вышло много исторических личностей, и на первом месте — Ленин и Сталин. Важно отметить, что в статье применялся эпитет «отечественная война», но написано это было с маленькой буквы, что несколько снижало пафос. Вероятно, это вытекало из тезиса о том, что подлинно отечественная война может быть только в социалистическом государстве. В 1938 г. прошла целая серия мероприятий, нацеленных на популяризацию знаний и памяти о 1812 г.¹

В эти же годы постепенно закрепились формулы «Кутузов — великий полководец, ученик и соратник Суворова». Любопытно отметить, что данный пассаж весьма напоминает другой идеологический штамп — «Сталин — ученик и соратник Ленина». Весьма вероятно, что между ними существует прямая стилистическая и семантическая связь. Данное предположение подкрепляется наблюдением Б.С. Илизарова, считающего, что в 1930—40-е гг. появление серии героических образов было обусловлено стремлением обосновать культ личности самого Сталина².

Параллельно идеологической началась и историографическая реабилитация 1812 г. Так, в 1937 г. появилась монография военного

историка М.С. Свечникова, в которой была дана чрезвычайно высокая оценка военного искусства Кутузова¹. В 1938 г. вышла книга знаменитого историка Е.В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию». В ней автор выступил категорически против взглядов Покровского, обвинив его в том, что тот повторял «шаблонную французо-шовинистическую теорию». Война рассматривалась Тарле как империалистическая, вызванная захватническими планами самого Наполеона и интересами французской буржуазии. Первоначально книга подверглась жестокой критике, но благодаря заступничеству Сталина, стала едва ли не канонической².

Еще одним примером историографической реабилитации образа войны 1812 г. стала статья В.И. Пичеты в обозначившем новые историко-идеологические ориентиры сборнике «Против исторической концепции М.Н. Покровского». В работе давалась вполне положительная оценка русского генералитета, в особенности М.И. Кутузова³. Рассматривая концепцию войны 1812 г., предложенную Покровским, автор подчеркивал особую роль Бородинского сражения. Если Покровский считал, что сражение показало неумение Кутузова воевать, то Пичета утверждал: «Бородинское сражение разрушило веру в непобедимость Наполеона. Последний должен был теперь двигаться на Москву в надежде хоть на какой-нибудь успех»⁴. Более того: «Бородинское сражение было победой русской армии, а не поражением...»⁵. Последняя идея стала одной из доминирующих в последующих исследованиях темы. Возражая против распространенного мнения о том, что русские морозы стали главной причиной уничтожения французской армии, Пичета указал на то, что русские войска от сурового климата также понесли значительные потери.

Итак, следует согласиться с мнением ряда исследователей, считающих, что еще до Великой Отечественной войны происходит реабилитация образа войны 1812 г.⁶ Но не стоит забывать и о том, что именно война с Германией сделала этот образ предельно актуальным и распространенным. Трудно сказать, в каком направлении пошла бы дальнейшая эволюция образа, но война 1941—1945 гг. превратила его в культовый. Более того, борьба с нацистским втор-

¹ Свечников М.С. Война 1812 года: Бородино. М., 1937.

² См.: Шейн И.А. Сталин и Отечественная война 1812 года... С. 98—99.

³ Пичета В.И. М.Н. Покровский о войне 1812 года // Против исторической концепции М.Н. Покровского. М., 1939. Ч. 1. С. 276—302

⁴ Там же. С. 287.

⁵ Там же.

⁶ Юдин М.В. Образ М.И. Кутузов в советской пропаганде... С. 69.

¹ Подробнее см.: Юдин М.В. Образ М.И. Кутузов в советской пропаганде... С. 69—70.

² Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. М., 2012.

жением создала предпосылки для возрождения интереса к 1812 г. среди широких слоев образованного населения. Ее образы неоднократно мелькают на страницах дневников тех лет¹. Все это создало необходимые предпосылки для «присвоения» образа истории войны 1812 г. широкими массами.

Борьба с Наполеоном в 1812 г. стала одним из самых популярных исторических тем в антифашистской агитации. Пропагандистов привлекало в этом сюжете всенародное единение перед захватчиками, жертвенность, наличие ярких личностей, наконец, масштабность событий, приведших к победе над величайшей на тот момент военной машиной. Все это должно было вдохновить советских солдат, потомков героев Бородинской битвы. 7 ноября 1941 г. И.В. Сталин, обращаясь к красноармейцам, призвал искать пример в деяниях великих воителей прошлого, в том числе и Кутузова². В Красной армии был учрежден орден Кутузова.

Немаловажно было и то, что образ войны 1812 г. был хорошо знаком за границей, во многом благодаря роману Л.Н. Толстого «Война и мир». Поэтому, сравнивая войну с Германией с наполеоновским нашествием, советская пропаганда давала понять зарубежным врагам и союзникам, что советский народ един перед лицом захватчиков и готов на любые жертвы ради победы.

В первые дни войны нападение Германии на Советский Союз часто, в том числе и в официальных речах, сравнивали с нашествием Наполеона. Конечно же, подразумевалось, что Гитлер закончит так же плачевно, как и Бонапарт. Но не всем такая аналогия пришла по душе.

Тем не менее, во время войны героический образ русских солдат-победителей Наполеона и их полководца Кутузова пользовался чрезвычайной популярностью. 5 сентября 1942 г. на стол начальника Главного политического управления РККА А.С. Щербакова легла записка П.Н. Федосеева, который предлагал в связи с 130-летним юбилеем Бородинского сражения (7 сентября) широко отметить эту дату в печати. Предполагалось осветить целый ряд тем, имеющих отношение к войне 1812 г. Вот полный список: «Героические подвиги русского народа в отечественной войне 1812 г.; великий русский полководец Кутузов и Бородинское сражение; полководцы отечественной войны 1812 г. (Багратион, Раевский и др.); партизаны отечественной войны 1812 г. (Денис Давыдов, Фиг-

¹ Например: *Секиринский С.С.* Две войны — две победы. Наблюдения и мечты одной ровесницы Сталина // *Родина*. 2012. № 6. С. 134—137.

² *Сталин И.В.* Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года // *Правда*. 1941. 8 нояб.

нер, Сеславин, Василиса Кожина и др.); Бородинское сражение — начало разгрома «непобедимой» армии Наполеона; крушение наполеоновских планов мирового господства в результате самоотверженной борьбы русского народа¹. Указанные мероприятия в основном были реализованы.

Агитационным шагом, рассчитанным на союзников по антигитлеровской коалиции, стала, как уже упоминалось, и публикация книги Е.В. Тарле «Наполеон» в Англии одновременно с изданием романа Л.Н. Толстого «Война и мир». По воспоминаниям известного советского посла И.М. Майского: «Обе книги являлись тяжелой артиллерией в борьбе с неверием англичан в непобедимость Советского Союза»². Таким образом, победа в противостоянии с французами должна была служить историческим обоснованием того, что неудачи носят временный характер и нынешняя война тоже закончится поражением противника.

В 1943 г. на экраны вышел фильм «Кутузов». Научным консультантом фильма был Тарле. Полководец, которого сыграл актер А. Дикий, предстает мудрым стратегом, даже по-народному хитрым. Героически представлен Багратион. Барклай де Толли в целом благородный (отказывается интриговать против Кутузова) и неглупый военачальник показан меланхоличным, чопорным и угрюмым. Главный его порок в том, что он не понимает русскую душу, оставаясь чужим для простых солдат.

Важной чертой пропаганды военных лет стали очевидные параллели между двумя отечественными войнами. Так, на плакатах тех лет можно было обнаружить стремление к своеобразной синхронизации войн. На одном был изображен Кутузов и памятник героям Бородинского сражения, которые как бы направляли советских воинов в бой. На другом был нарисован уже упомянутый памятник и бегущие шакалы с нацистской свастикой. Сверху была надпись «Недаром помнит вся Россия про день Бородина...». Плакат Кукрыниксов еще очевиднее обыгрывал параллели между Наполеоном и Гитлером. На переднем плане карикатурного Гитлера били прикладом ружья, а его тень, в которой легко узнавался профиль Наполеона, били рогатиной с цифрами «1812». Сверху была надпись: «Наполеон потерпел поражение. То же будет и с зазнавшимся Гитлером!».

После войны культ Кутузова и героев 1812 г. получил новый импульс. В 1945 г. отмечался 200-летний юбилей со дня рождения

¹ Записка Н.П. Федосеева А.С. Щербакову // *Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны*. М., 2007. С. 368.

² *Майский И.М.* Воспоминания советского посла. М., 1965. С. 188.

военачальника. В ведущих печатных изданиях была опубликована статья, в которой давалась биография и оценка роли Кутузова. Утверждалось, что на Бородинском поле Наполеон потерпел свое первое поражение, а его мастерство оказалось превзойдено полководческим талантом Кутузова¹. В театрах о полководце ставились пьесы, снимались фильмы.

История войны 1812 г. импонировала лично Сталину, поскольку в ней он видел историческое обоснование и, главное, оправдание отступлению советских войск в первые месяцы нападения Германии². После появления письма Сталина полковнику Е.А. Разину в официальной концепции Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. была закреплена доктрина «активной обороны», созданная по аналогии с отступлением русских войск под давлением Наполеона³.

Эволюция концепции войны 1812 г. в научной литературе и идеологии описывалась неоднократно. Традиционно указывается на стремление официальной пропаганды использовать этот образ в целях патриотического воспитания. В целом, это верно. Но исследователи в своих работах не учитывают того, что советская идеологическая машина всегда помнила: если слишком активно внедрять представления о героических достижениях досоветского прошлого, то можно затенить достижения советского строя.

И в первые послевоенные годы ее представителей сильно беспокоило то, что «раскрученные» в годы ВОВ исторические герои имели явно несоветские черты. Более того, граждане СССР могли потерять понимание того, что советский патриотизм существенно отличается от «обычного» патриотизма, забыть, что они живут не в новом воплощении дореволюционной России, а в стране Советов. Особенно опасались за еще неокрепшие умы школьников. Исходя из этих соображений, в печати началась осторожная критика тех, кто чрезмерно выпячивал и героизировал образы дореволюционных деятелей и событий.

Так, в журнале «Большевик» появилась статья Н.Н. Яковлева, посвященная проблемам школьного преподавания истории. В публикации, помимо всего прочего, писалось о том, что учителя «многих школ ряда областей проводили полную аналогию между патриотизмом русского народа в войне 1812 г. и патриотизмом людей Великой отечественной войны против гитлеровской Германии;

¹ Михаил Илларионович Кутузов (К 200-летию годовщины со дня рождения) // Большевик. 1945. № 16. С. 13—30.

² Дубровский А.М. Историк и власть. С. 513—515.

³ Шейн И.А. Сталин и Отечественная война 1812 года: опыт изучения советской историографии 1930-1950- годов. С. 100.

они не показали качественного отличия советского патриотизма от патриотизма времен войны с Наполеоном»¹.

В связи с этим в педагогической печати прошла дискуссия о современности в школьном преподавании истории. По поводу войны 1812 г. вновь подчеркивалось, что нельзя проводить полной аналогии между этими событиями и Великой Отечественной войной 1941—1945 гг.² Подразумевалось, что подлинный патриотизм мог появиться только в социалистической стране, где нет классовой разобщенности.

Несмотря на определенную корректировку, фигура Кутузова продолжала играть заметную роль в формировании советского патриотизма на основе образов прошлого. Более того, в годы послевоенных идеологических кампаний неправильная трактовка событий 1812 г. вошла в обиход опасных идеологических просчетов.

Одним из тяжелейших обвинений в ходе проработок был антипатриотизм. В 1951 г. в официальном идеологическом рупоре, журнале «Большевик», появилась статья директора Бородинского музея С.И. Кожухова, в которой он указывал: Тарле в своей книге «Нашествие Наполеона» не показал того, что именно французы сожгли Москву, а также того, что Кутузов сознательно использовал стратегию «активной обороны» и т.д. Все это позволяло рецензенту сделать вывод о том, что книга Тарле не способствует воспитанию патриотизма, принижает и фальсифицирует отечественную историю³. Знаменитый историк вынужден был оправдываться. Долгое время ему не давали возможности опубликовать ответ. Наконец, с разрешения Сталина ответить разрешили все в том же «Большевике», но в итоге редакция все равно заняла позицию С.И. Кожухова⁴. Дискуссия вокруг книг Тарле показала, что от историков теперь требуется предельно патриотическое описание войны 1812 г.

Критика Тарле активизировала в среде историков дальнейшие дискуссии, которые носили ярко выраженный идеологический характер. Они проходили на фоне кампании по борьбе с «безродным космополитизмом», направленной на борьбу против любых попыток «принижения» русской истории. Началась охота за теми, кто непатриотично освещал войну 1812 г. 9 октября 1951 г. в Институте

¹ Яковлев Н.Н. Советская школа — важнейшее орудие коммунистического воспитания молодежи // Большевик. 1947. № 11. С. 14.

² Бернадский В.Н. Современность в школьном преподавании истории // Преподавание истории в школе. 1948. № 1. С. 48.

³ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 46-47.

⁴ Чапкевич Е.И. Евгений Викторович Тарле // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М., Иерусалим, 2000. С. 331; Шейн И.А. Сталин и Отечественная война 1812 года... 102-105.

Борьба с «космополитизмом» и советская историческая наука

истории АН СССР прошло обсуждение статей Кожухова и Тарле. Основной доклад представил военный историк Л.Г. Бескровный, который резко осудил сочинения классика военной литературы Клаузевица, написавшего, по его словам, «злостный пасквиль на Кутузова и на русский народ»¹. Тарле, подчеркнул он, чрезмерно следовал за Клаузевицем, что привело к забвению русского материала и исказило героические страницы русской истории. Более того, по мнению выступавшего там же Кожухова, Тарле создал целую «наполеоновскую легенду», которая мешала адекватной оценке величия Кутузова². Он «исказил и принизил образ великого русского полководца и не показал всего величия и глубины стратегии Кутузова»³.

В центре дискуссий оказались такие вопросы, как московский пожар и разгром французов на реке Березина. Того же Тарле обвинили в том, что он недооценил гениального плана Кутузова в «березинской операции». М.В. Нечкиной в вину вменялось то, что в вузовском учебнике она утверждала о том, что московский пожар устроили сами жители. Если ранее это считалось показателем патриотизма, то теперь рассматривалось как клевета. Нечкина оправдывалась: «В этой связи надо признать неправильной ту точку зрения, которая развивалась мною в моей работе о 1812 г. Я думала, что пожар Москвы, — и не я одна выставляла эту точку зрения, она была широко известна в литературе, — является формой народной войны. Я хочу заверить товарищей, что я с самым глубоким чистосердечием согласна отказаться от ложных выводов и заменить их правильными»⁴. Впрочем, при этом она призывала не только выдвигать «верные» оценки и выводы, но и доказывать их. В итоговом решении собрания критика Тарле и других историков была признана правильной и необходимой. Вскоре в официальной печати появилась статья Н.К. Фортунатова, в которой вновь было обращено внимание на указанные ошибки⁵.

Таким образом, в военное и послевоенное время образ войны 1812 г. играл важную пропагандистскую роль. Военная угроза позволила окончательно легитимировать героический дискурс в описании войны с французами. Тем не менее, официальные идеологи пресекали любые попытки хоть как-то заслонить героями Бородину войну с гитлеровской Германией.

¹ Архив Российской академии наук. Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 274. Л. 4.

² Там же. Л. 19.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 43—44.

⁵ *Фортунатов П.К.* Военные вопросы в освещении советских общесоветских трудов по истории СССР // Вопросы истории. 1952. № 10. С. 103—118.

Развитие советской исторической науки в условиях послевоенных идеологических кампаний — проблема до сих пор изученная недостаточно, несмотря на повышенный интерес к теме в последнее время со стороны научно-исторического сообщества¹. Остаются в значительной степени невыясненными не только последствия для советской историографии череды агрессивных идеологических проработок, но и их влияние на судьбы конкретных историков.

Послевоенное время, т.н. «поздний сталинизм» (1945–1953), традиционно связывают со стабилизацией советской системы, изменением международного статуса СССР, ставшего сверхдержавой. Эти два фактора, в особенности международный, определяли вектор развития советской внутренней политики². Первое послевоенное десятилетие отличалось очень высокой «плотностью» идеологических кампаний. Причину этого исследователи видят в стремлении вождя и выращенной им номенклатуры мобилизовать общество в условиях не только международной напряженности, но и роста внутреннего свободомыслия, спровоцированного победой в войне³. Еще одной задачей, которую преследовали кампании, было стремление руководства «выпустить пар», накопившийся в советском обществе вследствие острых социальных противоречий.

В отношении науки и культуры главной целью было установление идеологического контроля над учеными и деятелями культуры. Особенно это было актуальным в ситуации, когда значение интеллектуальных ресурсов в условиях «холодной войны» становилось все весомее.

¹ См.: *Дубровский А.М.* Историк и власть. Брянск, 2005; *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений историков. М., 2008; Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х — середина 1950-х гг. М., 2011; *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011 и др.

² *Костырченко Г.В.* Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009. С. 117; *Наджафов Д.Г.* Введение // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы. М., 2005 и др.

³ *Сонин А.С.* Борьба с космополитизмом в советской науке. М., 2011.

В советское время для контроля за наукой были применены, наверное, все возможные способы: от идеологического давления, цензуры и гонений до различных видов поощрений и социальных предпочтений. Надо отметить, что репрессивные методы показали свою эффективность: моральная травля, а иногда и физическая расправа над человеком приводили к тому, что в дальнейшем он (если оставался жив) становился гораздо более податливым в отношении новых идеологических установок и требований.

После войны предполагалось реализовать амбициозный проект по восстановлению и модернизации страны на основе мобилизационных механизмов. Специфика сталинской модернизации заключалась в том, что ее идеологическая база была в значительной степени консервативна. Она была нацелена на развитие высоких технологий с сохранением сложившейся социальной структуры, консервации партийно-политических институтов, апелляции к традиционным ценностям. Ключевыми составляющими концепции идеологической пропаганды послевоенных лет стали советский патриотизм, изоляционизм, образ врага (как внешнего, так и внутреннего). На основе этих концептов в интеллектуальную элиту транслировался новый образ советской науки: основанной на патриотизме, динамичной, осознающей свое глобальное превосходство, утилитарной и милитаризированной¹.

История играла ключевую роль в пропаганде этих ценностей, поскольку образы прошлого способствовали поддержке патриотических настроений. Поэтому идеологические органы властно вмешивались в дискуссии историков, направляя их в нужное русло. Особенно заметным было вмешательство в подготовку вузовских и школьных учебников. Показателен пример с учебником по Новой истории под редакцией В.М. Хвостова, который неоднократно переписывался авторским коллективом в зависимости от идеологических требований. Первая версия учебника была подготовлена еще до войны и в ней крайне негативно оценивалась история США и Англии. В годы войны, когда указанные державы стали частью антигитлеровской коалиции, у авторов потребовали резко смягчить критику. Из текста были убраны слова «захваты» и «захватническая политика» Великобритании и США.

Но уже после начала холодной войны в адрес создателей учебника прозвучала критика именно в том, что они не показали «хищ-

ническую политику Англии и США». Более того, по мнению ряда рецензентов, в учебнике намеренно не была продемонстрирована выдающаяся роль русских ученых в XIX — начале XX вв. Книгу снова переделали. В нее добавлялись антиамериканские и антианглийские мотивы. Кардинально, а главное идеологически верно, поменялся раздел о техническом развитии в последней трети XIX в. Если в первом издании рассказывалось об открытиях Дизеля, Рентгена, Маркони и т.д., то теперь провозглашался приоритет русских изобретателей: П.Н. Яблочкова, А.Н. Ладыгина, И.Ф. Усагина, А.С. Попова¹.

Наиболее агрессивной идеологической кампанией послевоенного времени традиционно считается кампания по борьбе с «безродным космополитизмом». Одной из целей кампании было создание образа врага. «Особенностью идеологемы врага является то, что она используется не только как инструмент уничтожения или запугивания врагов или “неудобных” для режима лиц, но и как обиденный инструмент реализации политического контроля, управления массами»².

Спецификой борьбы с космополитизмом было то, что каждый, в независимости от ранга или заслуг, мог оказаться под огнем критики. Часто под ударом оказывались известные ученые, академики, люди, как правило, преданные партии. Делалось это для того, чтобы: во-первых, в очередной раз припугнуть «зазнавшихся»; во-вторых, чтобы другим, менее значимым фигурам, показать всю силу системы.

Еще одной причиной, отнюдь немаловажной, являлось стремление партии и правительства «выпустить пар», накопившийся в сфере социальных отношений. Несмотря на все пропагандистские лозунги, жизнь в стране принципиально не улучшалась. Поэтому борьба с внутренним врагом — это апробированная модель переключения внимания населения с реальных проблем на идеологические. Простые граждане со злорадством восприняли разгром представителей интеллигенции, которые стояли на социальной лестнице заметно выше и, следовательно, жили лучше³. Существо-

¹ Подробнее см.: *Тихонов В.В.* Школьный учебник истории в контексте идеологических кампаний послевоенного времени (на примере «Новой истории» под редакцией В.М. Хвостова) // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов и докладов участников конференции молодых ученых и специалистов в РГАСПИ «Клио-2011». М., 2011. С. 136-139

² *Володина Н.А.* Советская система политического контроля 1945-1953 гг. // Преподавание истории в школе. 2008. № 3. С. 41.

³ *Лейбович О. Л.* В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. 2-е изд. М., 2008.

¹ Подробнее см.: Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х — середина 1950-х гг.

вал латентный конфликт и внутри интеллигенции: те, кто находился на академических вершинах получали отдельные квартиры, хорошие зарплаты и все блага советской цивилизации, в то время как рядовые работники «интеллектуального фронта» продолжали ютиться в коммуналках и жить от зарплаты к зарплате.

Частота идеологических кампаний, видимо, связана и с тем, что власть прекратила широкомасштабные репрессии, сопровождавшиеся арестами и расстрелами. Их применяли дозированно, гораздо реже, чем еще десятилетие назад. Несмотря на имеющееся недовольство в стране, Сталин и партаппарат как никогда твердо стояли у власти. Аресты заменили суды чести, а расстрелы — критика коллег.

Особый «интерес» проявлялся к лицам еврейской национальности, в чем проявился личный антисемитизм «отца народов», подогреваемый внешнеполитическими промахами (например, образование неподконтрольного Израиля), и традиционные антисемитские настроения среди широких слоев общества.

Кампания по борьбе с космополитами имеет предысторию. Сразу после войны прошла череда идеологических процессов (критика журналов «Звезда» и «Ленинград», «разоблачение» вредительской деятельности Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскина, борьба с «буржуазным объективизмом» и т.д.), сформировавших чрезвычайно напряженный общественный фон, непосредственным образом сказавшись на исторической науке.

В 1948 г. ситуация еще более осложнилась. 15 марта на Ученом совете Института истории С.Д. Сказкин сделал доклад «О патриотическом долге советского ученого», где прозвучал призыв «борьбы с буржуазной историографией, особенно с англо-американской»¹. В июле того же года прошла конференция, посвященная 30-летию архивного дела в СССР. На ней крупнейшие и официально признанные советские историки Е.В. Тарле и А.Д. Удальцов требовали разоблачения «антинаучных концепций буржуазных историков» и четкого размежевания советской и дореволюционной буржуазной историографии². Таким образом, последовала официальная «отмашка» на интенсификацию историографических исследований в русле борьбы с «несоветской идеологией».

Но прошедшие кампании еще не были борьбой с космополитизмом, хотя там и зачастую звучала схожая риторика. Сама кампа-

ния против «космополитов» в центральной прессе была достаточно скоротечной: она проходила всего несколько месяцев, с зимы по весну 1949 г. Уже начиная с лета, главным врагом были объявлены «Тито и его клика»¹. Но инерция антикосмополитической борьбы была достаточно велика. При этом надо добавить, что начало новой кампании не отменяло предыдущих, продолжавших действовать, сливаясь с вновь начавшейся. Кампании никогда не завершались в том смысле, что их идеологические установки продолжали действовать, тесно переплетаясь с последующими акциями. Например, в риторику борьбы с «космополитизмом» органично влились идеологемы мероприятий по «борьбе за советский патриотизм», «борьбе с буржуазным объективизмом», «борьбе за критику и самокритику» и т.д. В свою очередь основные клише космополитических погромов оказались составной частью дискурса последующих кампаний.

В современной литературе нередко встречаешь мнение, что идеологические кампании послевоенного времени следует рассматривать как монолит, не делая между ними принципиальной разницы. В исследованиях часто так и указывается «кампания по борьбе с “буржуазным объективизмом” и “космополитизмом”». Так, А.С. Сонин смешивает все кампании в одну — антикосмополитическую, утверждая, что они подчинялись схожим идеологическим установкам и реализовывались одними и теми же методами². Это не так. Кампании действительно превращались в своеобразный снежный ком, который вбирал в себя идеологемы предыдущих, но акценты в них все же смещались. Если этого не учитывать, то можно сделать ошибку, схожую с той, которую совершил А.С. Сонин, который описывал критику работ А.И. Яковлева и С.Б. Веселовского как борьбу с космополитизмом. Между тем, надо подчеркнуть, указанным историкам ни разу не вменялись космополитические ошибки, их работы громили за «буржуазный объективизм»³.

Механизм прохождения антикосмополитической кампании был следующим. Решения принимались в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП (б). Видимо, активное участие в них принимал И.В. Сталин, всегда живо интересовавшийся (а в послевоенное время особенно) вопросами идеологии. По советской традиции тех лет

¹ Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. М., 1999. С. 119.

² Сонин А.С. Указ. соч.

³ Тихонов В.В. Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М., 2012. С. 302-317.

сигнал к началу проработок давался в одной из центральных газет (в то время главными идеологическими рупорами стали газеты «Правда», «Культура и жизнь» и «Литературная газета»). 28 января 1949 г. в «Правде» появилась статья «Об одной антипатриотической группе театралных критиков», давшая начало общесоюзной кампании. Основной удар пришелся на представителей интеллигенции еврейского происхождения. Причем предпочтение отдавалось поиску групп «космополитов», исходя из большей тяжести коллективных преступлений. В исторической науке главной мишенью стала «группа Минца-Разгона», куда были зачислены многие историки еврейского происхождения, занимавшиеся советской историей.

После официального старта развитие ситуации во многом зависело от конкретного положения дел в той или иной научной области. В советской исторической науке в послевоенное десятилетие сложилась крайне запутанная, потенциально конфликтная ситуация. Во-первых, тлело противостояние между представителями т.н. «старой школы» (историками, сложившимися в дореволюционное время) и первым поколением историков-марксистов, как правило, учениками М.Н. Покровского. После разгрома «школы Покровского» (1930-е гг.) многие представители дореволюционной академической исторической науки вернулись в университеты и академические институты, потеснив молодых историков-марксистов. Последние не могли смириться со сложившимся положением, продолжая рассматривать «незваных гостей» как представителей чуждой идеологии и методологии. Во-вторых, после войны подросло новое поколение историков, окончивших университеты незадолго до войны, во время или несколько после. Зачастую они являлись учениками как историков «старой школы», так и историков-марксистов¹. Многие из них были искренне преданы своим учителям, но карьерные амбиции других также не стоит недооценивать. Академические должности и звания сулили немалый материальный достаток и почет в обществе, и хотя в провинции существовал острый кадровый голод преподавателей ВУЗов, в столицах все «теплые места» были заняты, поэтому кампания по дискредитации одних, помогала другим занять их должности. По свидетельству А.М. Некрича, особенно активной была группа учеников А.Л. Сидорова: «Многие из учеников А.Л. Сидорова были бывшими фронтовиками... По сравнению со своими “зелеными” товарища-

¹ См. подробнее: *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений.

ми, не прошедшими школы войны, они обладали значительным жизненным опытом и твердо знали, чего хотят. Большинство из них были членами партии. Очень быстро фронтовики заполнили почти все выборные партийные, комсомольские и профсоюзные должности, а также аспирантуру. Они хотели учиться и получать знания, но они считали себя по праву первыми претендентами на освободившиеся вакансии. Вакансий же было немного...»¹. Впрочем, заметим, что поколенческий конфликт скорее подливал масла в огонь, но не являлся главной причиной острой борьбы в среде историков.

Кроме конфликта поколений налицо был и более традиционный конфликт сторонников разных концепций, школ, групп, институциональных центров. Сообщество историков представляло собой очень неоднородную массу, где были разные группы, боровшиеся за научное и административное влияние. В советской науке буквально кипела борьба за «символический и административный капитал».

Проявлялось и противостояние университетских школ: на проработочных заседаниях неоднократно всплывал конфликт московской и петербургской исторических школ, хотя об их существовании в то время нужно говорить с известной долей условности. Не стоит отбрасывать и личностные противоречия, замешанные на научных и карьерных амбициях. В таком сообществе, окутанном массой противоречий, корпоративных и личных, всегда существовал соблазн разрешить их при помощи административного ресурса.

Таким образом, если общую концепцию кампаний готовили наверху, то ход проработок зависел от ситуации в конкретной области науки. Борьба между «группировками» историков (например, Минц-Сидоров), карьерные амбиции, столкновения школ и т.д. направляли ход кампаний в советской исторической науке. Партийным властям такая ситуация была крайне выгодна, поскольку они оказывались в роли третейского судьи.

В ходе кампании использовались два мощных инструмента: печать и коллективные (в том числе и партийные) собрания. Особую роль играла пресса. Сначала разгромные статьи печатались в центральных СМИ, а затем схожие материалы появлялись в региональных и отраслевых органах и даже в стенгазетах. Но последние не только копировали лозунги, идущие сверху: их задачей было

¹ *Некрич А.М.* Поход против «космополитов» в МГУ // *Континент.* 1981. № 28. С. 304-305.

разоблачение неблагонадежных людей на местах. Именно упоминание в официальной печати становилось самым страшным клеймом, сразу указывая на объект всеобщей критики. Исходя из вышесказанного, становится понятным, почему с таким трепетом историки (как и другие представители «интеллектуальных профессий») ожидали выхода очередного номера официальных изданий. Например, С.С. Дмитриев в своем дневнике фиксирует, с каким напряжением ждали публикации мартовских номеров газеты «Культура и жизнь», где по слухам, один из номеров должен был быть целиком посвящен историкам¹. К счастью, такого специального номера так и не появилось.

Не менее важным компонентом кампаний являлись «проработочные» собрания. Хотя импульс в проведении кампании всегда шел сверху, дирижирование на местах (в конкретной области науки или искусства) всегда ложилось на одного или двух человек. В исторической науке таким дирижером стал А.Л. Сидоров. А.Л. Сидоров стремился занять лидирующие позиции в советской исторической науке, чему мешал, в первую очередь, И.И. Минц. Именно на разгром «команды» И.И. Минца был направлен основной удар критики².

Коллективные дискуссии, с обязательной критикой и признанием ошибок, — это элемент партийной культуры того времени. Из партийной среды они перекочевали во все сферы жизни советского общества. Именно они были призваны подавить стремление жертв к сопротивлению. Причем, чем упорнее не признавал своей вины обвиняемый, тем сильнее было на него давление. Внешне собрания проходили в демократической обстановке: инициатива их проведения исходила от коллектива, каждому желающему давалась возможность выступить. Но в реальности они превращались в заранее спланированный спектакль.

Наиболее острые столкновения проходили во время заседаний в Академии общественных наук при ЦК ВКП (б), МГУ им. М.В. Ломоносова и в Институте истории АН СССР. Институт истории, как центральное научно-историческое учреждение, оказался в эпицентре кампании. 24, 25 и 29 марта 1949 г. в институте прошли за-

¹ Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 3. С. 149.

² См. подробнее: *Тихонов В.В.* Борьба за власть в советской исторической науке: А.Л. Сидоров и И.И. Минц (1949 г.) // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Научный журнал. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 76-80.

седания Ученого совета, где повесткой дня стала борьба с космополитизмом¹. Эти заседания показательны с точки зрения тех схем, по которым проходили такие собрания. Начиналось все с выступления главы института Б.Д. Грекова, который призвал к борьбе за патриотизм, мягко уйдя от «космополитических обвинений». Но тон на заседании задавали другие, в частности, А.Д. Удадьцов и А.Л. Сидоров. Они указали на необходимость активной критики и самокритики, требовали разоблачить антипатриотические группы «космополитов» и т.д. Затем их почин подхватывали партийные историки А.П. Кучкин, А.М. Панкратова, после которых слово давалось тем, кто попал под обвинения. На следующий день все повторялось заново. Начинали заседание партийные активисты: В.Т. Пашуто, Л. Сухомлин. Затем опять следовало выступление критикуемых. Причем во время выступления каждый должен был сначала подвергнуть себя самокритике, а затем раскритиковать своих коллег. Если выступавший пытался увильнуть от этих «обязанностей», то критика только усиливалась. К такому же эффекту приводило и стремление опровергнуть критику. Если накал критики начинал постепенно спадать, то слово брал кто-то из молодых коммунистов, вновь возвращавший заседание в русло «борьбы с космополитизмом».

Такие собрания, кроме давления на человека, преследовали и другую цель. В ходе взаимных обвинений неизбежно портились и межличностные отношения, тем самым раскалывая сообщество историков, делая его более разобщенным и управляемым. Последствия таких личностных обид сказывались на протяжении долгого времени. Так, по свидетельству Н.И. Павленко, М.Н. Тихомиров всячески препятствовал выбору Л.В. Черепнина в академики, памятуя о его критике во время кампаний С.Б. Веселовского и самого М.Н. Тихомирова².

Проходящие процессы должны были укрепить молодое поколение в верности советскому строю, показать, как было показано до этого старшему поколению, что все зависит от власти. Достигли ли они своей цели? Как показывают источники, скорее нет. Именно борьба с «космополитами» у многих развеяла существовавшие иллюзии. По меткому замечанию А.Я. Гуревича: «...Кампания имела для нас в той или иной форме — это зависело от восприятия — воспитательное значение»³. Кто-то видел в них всеислие системы, а

¹ АРАН Ф. 1577. Оп. 2. Ед.хр. 207-209.

² *Павленко Н.И.* Воспоминания историка // Родина. 2010. № 10. С. 24.

³ *Гуревич А.Я.* История историка. М., 2004. С. 41.

Советские историки и переосмысление национальных историй в последнее сталинское десятилетие

кто-то ее пороки. Многие именно после проработок разочаровались если не в советском строе, то, во всяком случае, в Сталине. Например, Е.Н. Городецкий. Если в 30-е гг. он верил в Сталина и его политику, то затем постепенно перешел на антисталинские позиции¹.

Кампания по борьбе с космополитизмом (как элемент общей череды идеологических мероприятий) сыграла заметную роль в институциональной трансформации советской исторической науки. Например, после идеологических погромов в Институте истории АН СССР были приняты постановления, в которых звучали требования усилить изучение истории советского общества и историографии². Если идеологическая значимость истории советского периода очевидна, то изучение историографии расценивалось как борьба с буржуазной исторической наукой.

В заключении отметим, что идеологические кампании стали важной формой контроля и управления исторической наукой. Опираясь на низменные человеческие чувства (страх, карьеризм, зависть и т.д.), они позволяли эффективно насаждать в академической среде властные предписания. Но, несмотря на свою силу, к счастью, они не смогли окончательно подавить свободу творчества и достоинство личности. Антикосмополитическая кампания оказала колоссальное влияние не только на сообщество историков, но и способствовала формированию концепционного облика советской историографии, определив вектор ее развития на многие годы вперед.

Разработка истории народов СССР была заявлена действующей властью как одна из центральных задач советских историков. Партия—государство руководила многонациональной страной, где межэтнические отношения в условиях радикальных социальных преобразований 1920—1940-х гг. приобрели особую остроту. Естественно, что она требовала от историков создания таких текстов, которые соответствовали бы переменчивому идеологическому контексту и способствовали межэтнической консолидации. Особую остроту приобрела проблема истории взаимоотношения русских с представителями других народов.

В 1920-е гг. создание национальных нарративов в условиях борьбы с «великорусским шовинизмом» строилось по нехитрой схеме: национальная политика Российской империи — априорное зло, а любые выступления «националов» против царского режима — борьба с колониализмом, которую необходимо оценивать исключительно положительно. Повороты внутренней и внешней политики конца 1920-х — начала 1930-х гг. потребовали концептуального перевооружения. На смену борьбе с «великорусским шовинизмом» пришла идеология «дружбы народов», составной частью которой стало признание того, что русские — первые среди равных в иерархии народов СССР¹.

В идеологическое и историографическое пространство в ходе конкурса на школьные учебники по истории была введена формула «наименьшего зла», закреплённая в «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» за авторством И.В. Сталина, А.А. Жданова и С.М. Кирова. Указывалось, что вхождение

¹ См.: *Tillett L.* The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel-Hill, 1969; *Бранденбергер Д.Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956). СПб., 2009. Глава. 2-3; *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860-1940. М., 2010. С. 148-184; *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М., 2011, и др.

¹ *Покровский А.С., Лавров В.М.* Диалог об учителе (Памяти Е.Н. Городецкого) // Кентавр. 1993. № 6. С. 113.

² О работе Института истории АН СССР за 1945-1949 гг. // Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ. Ф. 632 (А.Л. Сидоров). К. 80. Ед.хр. 5.

в состав России Украины и Грузии было меньшим злом, чем если бы они оказались в составе Польши или Турции¹. Но новые указания только вызвали очередной конфликт интерпретаций. Поскольку формула «наименьшего зла» в постановлении касалась только Украины и Грузии, то у историков возникло своеобразное пространство для маневра. Было не до конца ясно, можно ли ее применять к истории других народов, насколько это корректно с научной и идеологической точки зрения. Появилась известная свобода научного творчества, возможность обсуждения проблематики присоединения нерусских народов к России. При этом официально «колониальная политика» России не считалась положительным явлением. Все это создавало ситуацию неопределенности.

Крупные проекты по написанию новых национальных историй были запущены еще в довоенное время. Необходимо подчеркнуть, что создание многотомных национальных историй — процесс унификации исторической памяти. Эти издания должны были задавать стандарт для местных историков в интерпретации их собственной истории. Писать или научно курировать многотомники должен был Институт истории АН СССР — центральное научно-историческое учреждение страны, сотрудники которого составляли костяк авторских коллективов. Тем самым формировалась отчетливая «вертикаль власти», в которой местные историки выступали в роли младших коллег. Их задачей было, как правило, написание отдельных, не самых значительных разделов. Именно столичные ученые должны были определять концептуальные рамки, естественно в пределах актуального идеологического дискурса.

Но рассматривать авторские коллективы как пассивных исполнителей новых идеологических директив было бы серьезным упрощением реальности. Даже в рядах сотрудников Института истории не было единства мнений. Одни придерживались классового подхода, другие старались уловить новые идеологические веяния, воплотившиеся в идеях советского патриотизма. Можно сказать, что историческая наука оказалась между Сциллой классового подхода и Харибдой «дружбы народов». И то, и другое являлось неотъемлемым компонентом официальной идеологии. Поэтому одни историки продолжали рассматривать процесс включения нерусских народов как национальное угнетение, другие — как «наименьшее зло».

¹ Постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР // К изучению истории. М., 1946. С. 37.

Написание многотомников по национальным историям не было завершено в связи с началом Великой Отечественной войны. Эти годы стали периодом актуализации героического прошлого. Причем это касается не только русской истории, но и истории других народов. Например, в 1942—1943 гг., несмотря на акцентирование героических событий русского прошлого, украинская патриотическая пропаганда не была свернута, а, наоборот, усилилась¹. А едва ли не самой растиражированной фигурой казахской истории становится хан Кенесары Касымов. С его именем казахские солдаты шли в атаку². Неоднозначность ситуации заключалась в том, что Касымов возглавил в середине XIX в. антироссийское восстание.

В условиях военного времени под руководством А.М. Панкратовой было создано первое крупное издание по национальной истории — «История Казахской ССР» (1943). В ее авторский коллектив вошли известные столичные специалисты, находившиеся в эвакуации, а также местные историки. В ходе реализации этого проекта ярко проявилась неопределенность существовавшего идеологического канона. Перед авторами встал вопрос о целесообразности применения формулы «наименьшее зло». После продолжительных дебатов было решено от нее отказаться³. Антицаристские движения оценивались как прогрессивные.

Вышедшая в 1943 г. книга вызывала скандал: начальник Агитпропа ЦК Г.Ф. Александров назвал ее «антирусской», а секретарь ЦК А.А. Жданов поддержал ее авторов⁴. Видно, что в руководстве идеологической сферой не было единства. Но власть, очевидно, беспокоили издания, которые не только не служили делу скрепления «дружбы народов», а наоборот, потенциально, могли ее разрушить.

Для прояснения позиции историков, в том числе и по вопросам национальных историй, было созвано совещание в ЦК ВКП(б), прошедшее весной-летом 1944 г. Там стало ясно, что позиции остаются полярными: одни (С.К. Бушуев, А.И. Яковлев) призывали поставить в центр исторических нарративов русские национальные интересы, другие (А.М. Панкратова) — остаться на позициях классового подхода, где важнее классовая позиция, а не национальное

¹ Екельчик С. Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. Київ, 2008. С. 59.

² Бекмаханова Н.Е. Историки М.П. Вяткин и Е.Б. Бекмаханов // М.П. Вяткин. Страницы жизни и работы: (К 110-летию со дня рождения). 2-е изд. СПб., 2006. С. 59.

³ Научный архив Института российской истории РАН. (Далее — НА ИРИ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 191. Л. 10-13.

⁴ Бранденбергер Д.Л. Указ. соч. С. 155.

происхождение. Группа историков во главе с И.И. Минцем призывали придерживаться «золотой середины». Позиция главных идеологов также не была четкой, поэтому в данном случае совещание можно рассматривать как своего рода диалог, целью которого являлась дальнейшая оптимизация исторической политики.

Для прощупывания почвы на совещание пригласили совершенно неизвестного в научных кругах Х.Г. Аджемьяна, который призвал рассматривать антицаристские движения как подтачивающие мощь государства, в котором он видел едва ли не главную ценность в истории. Такая позиция была чересчур радикальным разрывом с классовым подходом. Но, несмотря на протесты научно-исторического сообщества, Аджемьян еще неоднократно появлялся на различных совещаниях, эпатируя публику своими заявлениями¹.

По итогам совещания были осуждены все крайние точки зрения, а историкам фактически рекомендовалось пользоваться формулой «меньшее зло» в конструировании национальных историй. Проблема в том, что решения не были обнародованы — власть, по сути, не смогла четко сформулировать новые требования. К тому же, главный вдохновитель проекта, А.М. Панкратова, не спешила сдаваться. Она стремилась отстоять книгу, доказывая, что авторы придерживались теории «меньшего зла»². Но вскоре стало ясно, что исправленного издания не избежать.

Публикации, появившиеся в печати после войны, пытались примирить формулу «меньшего зла» и идею прогрессивности антицаристских движений³. Но более определенно идеологические координаты задал Г.Ф. Александров, опубликовав статью в центральном идеологическом органе, журнале «Большевик». Упомянув ошибки в написании национальных историй, он подчеркнул: «В работах по истории отдельных народов СССР при всестороннем, исторически верном изложении материала необходимо выяснить, что объединяло народы многонациональной России в их борьбе с внешними и внутренними врагами... Наши историки нередко описывают только то, что разъединяло народы... Но история народов

¹ Тихонов В.В. Как «маленькие люди» делали большую историю: феномен «маленького человека» и его роль в послевоенных идеологических кампаниях в советской исторической науке // История и историки: историографический ежегодник за 2011-2012. М., 2013. С. 108-124.

² Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Ф. 211. Оп. 2. Ед.хр. 5. Л. 79-79 об.

³ Морозов М. Об «Истории Казахской ССР» // Большевик. 1945. № 6. С. 80.

России есть история преодоления этой вражды и постепенное их сплочение вокруг русского народа»¹.

Итак, демонстрация братства народов во главе с русским должна была стать актуальной задачей историков. Ясно, что антиросийские движения становились «неудобным» материалом, который не рекомендовалось выпячивать. Публикация новых директив заметно изменила идеологический ландшафт советской исторической науки — теперь историки оказались в более определенных концептуальных рамках. В условиях холодной войны руководство страны взяло курс на идеологическую консолидацию советского общества. Главным врагом был объявлен местный «буржуазный национализм».

И все же многочисленные «недоразумения» не прекращались. Внедрение новых идеологических норм осложнялось состоянием самой исторической науки. Среда историков была полна внутренних конфликтов. В случае с созданием национальных нарративов самую заметную роль играли следующие противоречия. Во-первых, противостояние сторонников классового подхода (преимущественно это было первое поколение советских историков, бывших учеников М.Н. Покровского) и «историков—патриотов». Среда последних была сложной по составу: сюда попадали как осколки «старой школы», так и молодая поросль исторической науки, а также эпатажные фигуры вроде Х.Г. Аджемьяна.

Стоит заметить, что как сторонники классового подхода, так и «патриоты» использовали схожую риторику и не могли отрицать идейные позиции друг друга, поскольку те являлись частью официального идеологического дискурса. Вопрос заключался в том, какой компонент будет преобладающим и как далеко можно зайти в его утверждении. От концепции «абсолютного зла» не спешили отказываться и «национальные» историки. Она подпитывалась и воспитанием предыдущих десятилетий, и даже латентным местным национализмом.

Во-вторых, со всей отчетливостью, как уже говорилось, проявилось противостояние между столичными и «национальными» историками. Дело в том, что в республиках к тому времени уже сложились, либо активно складывались местные научные и преподавательские кадры. Кто-то из них стремился влиться в общесоюзную элиту исторической науки, а кто-то демонстративно

¹ Александров Г. О некоторых задачах общественных наук в современных условиях // Большевик. 1945. № 14. С. 17.

ориентировался на местные интеллектуальные и партийные круги. Местные партийные структуры поддерживали своих историков по разным причинам, в том числе из-за того, что были заинтересованы в положительном имидже республик. Например, в 1946—1947 гг. между историком из Института истории А.П. Кучкиным и казахскими историками прошла дискуссия о советизации казахского аула в 1920-х гг. Столичный исследователь усомнился в том, что казахский аул тех лет советизировался. Это вызвало резкое неприятие казахских историков, которые нашли поддержку у местных властей, заинтересованных в том, чтобы их республика была показана в «передовиках» процесса советизации¹.

В-третьих, заметным явлением стала и борьба внутри самих национальных кадров. Например, один из авторов «Истории Казахской ССР», Е.Б. Бекмаханов, несмотря на поддержку местных партийных властей, был подвергнут репрессиям из-за непрекращающихся доносов недругов из среды казахских историков². Нельзя забывать и о том, что «руководители Среднеазиатских республик и Казахстана поддерживали своих историков в их намерении доказывать преимущественное значение своей нации в развитии региона, сделать свою национальную историю более древней и культурно продвинутой, чем национальная история соседей»³. Все эти факторы создавали сложную, даже нервную обстановку вокруг проектов по национальным историям. Авторы боялись ошибиться, совершить фатальную идеологическую ошибку и, тем самым, дать недругам повод.

Показательна судьба «Очерков по истории Башкирии», работа над которыми началась еще до войны. Первоначально книга готовилась в Институте истории АН СССР, но после разгрома «Истории Казахской ССР» и постановления по ошибкам Башкирской партийной организации⁴ подготовку книги передали Башкирскому научно-исследовательскому институту языка, литературы

и истории им. М. Гафури при Совнаркомом Башкирской АССР. За Институтом истории оставили координирующую роль и научную помощь. Функции были распределены следующим образом: «Разделы, посвященные общей истории Башкирии, перерабатывались в Москве под общим руководством Башкирской комиссии Института истории АН СССР, разделы по истории культуры Башкирии перерабатывались в Уфе под общим руководством Дирекции Башкирского института»¹. После многочисленных обсуждений и скандалов Институт истории с явным облегчением отказался от издания, оставив за собой лишь консультирование².

Многое изменилось в 1950 г. Этот год стал во многом поворотным. Так, Сталинской премии была скандально лишена книга «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане в XIX в.» авторства Г. Гусейнова. Причина — идеализация движения Шамиля, которое было названо «народным» и «прогрессивным». Справедливости ради, стоит заметить, что этого движения автор коснулся вскользь, а сам сюжет был для него явно периферийным. Тем не менее, событие имело последствия для всей исторической науки. Если ранее в интерпретации национальных историй еще были недомолвки и неясности, то теперь все было поставлено на свои места. Стало окончательно ясно, что историки должны показывать только те исторические события, которые объединяли бы народы. Антирусские же восстания и движения, вне зависимости от их содержания, объявлялись реакционными. Сделано это было при помощи нехитрого трюка: социальной базой всех движений объявлялись феодальные элементы, мешающие объединению братских народов.

На следующий год в журнале «Вопросы истории» появилась статья М.В. Нечкиной, в которой она, не ретушируя всех сложностей, призвала отказаться от формулы «меньшее зло» и предлагала рассматривать присоединение нерусских народов как «абсолютное благо»³. Скорее всего, Нечкина и редакция журнала, пытаясь уловить актуальные идеологические веяния, публиковали статью на свой страх и риск. Они как бы забежали вперед. Во всяком случае, спустя некоторое время в официальном партийном органе «Большевик» появилась статья, осуждающая сам факт дискуссии по вопросу, якобы давно решенному⁴. А формула «меньшее зло» окончательно исчезла из лексикона исторической науки.

¹ Зомбе Е. В секторе истории советского общества Института истории Академии наук СССР // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 144-150; Докладная записка Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) секретарю ЦК ВКП (б) М.А. Сулову о спорных вопросах в освещении истории народов Средней Азии // Советская национальная политика: идеология и практики 1945-1953. М., 2013. С. 199-205; НА ИРИ РАН. Оп. 1. Д. 454-455.

² Сарсеке М. Бекмаханов. М., 2010. С. 171.

³ Советская национальная политика: идеология и практики 1945-1953. М., 2013. С. 14.

⁴ О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации // Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП (б). М., 1947. С. 480.

¹ НА ИРИ РАН. Оп. 1. Д. 776. Л. 21.

² Там же. Л. 24.

³ Дубровский А.М. Историк и власть. С. 588-598.

⁴ Екельчик С. Указ. соч. С. 170-171.

«Тут явно сквозит дух объективизма...»: создание «Очерков по истории Башкирии» в 1940-е-начале 50-х гг.

Казалось бы, все сомнения о том, как описывать взаимоотношения русских и нерусских народов, должны отпасть. Но сводки, поступившие в Отдел агитации и пропаганды, свидетельствуют об обратном. Так, на волне развенчания «культы» имама Шамиля прошли очередные мероприятия по разоблачению «буржуазного национализма». В Узбекистане организовали разоблачительную «дискуссию» по оценке Андижанского восстания 1898 г., которое было направлено против российского присутствия. Если ранее оно считалось проявлением национально-классовой борьбы против колониализма, то теперь рекомендовалось признать его реакционную сущность. Судя по сообщению корреспондента «Правды» по Узбекской ССР Ал. Шмакова, местные историки восприняли такой поворот негативно. Несмотря на официальную позицию ЦК Узбекской компартии, газеты отказывались печатать материалы, разоблачающие восстание и его героев, а на специально организованной конференции «тов. Житов, выступавший... с критикой прежней оценки этого восстания, как прогрессивного, подвергся резким нападкам за то, что доказал участникам конференции реакционность Андижанского восстания»¹. Интересно, что выражать официальную точку зрения выдвинули не узбека, а русского.

Итак, какова же роль профессиональных историков в создании новых национальных нарративов? Совершенно очевидно, что их нельзя рассматривать в качестве инициаторов описанного выше процесса. В то же время, наблюдалось специфическое сотворчество идеологов и историков — конечно же, при доминировании первых. Идеологи, не всегда понимая в каком направлении идти, обращались за консультациями к ученым — хотя форма такого обращения была, как правило, весьма своеобразной.

Состояние корпорации советских историков делало процесс написания национальных историй непростым, конфликтным и запутанным. Однако к концу сталинского правления новая концепция историй народов Советского Союза была в общих чертах сформулирована. Она стала фундаментом теории советской нации, которая легла в основу национальной политики последующих десятилетий.

В 1920-е гг. описание истории нерусских народов строилось по незатейливой схеме: национальная политика Российской империи — априорное зло, а любые выступления «националов» против царского режима — борьба с колониализмом, которую необходимо оценивать исключительно положительно. В следующем десятилетии происходит постепенный отказ от такой точки зрения¹. Так, во время конкурса на новый учебник жюри в составе И.В. Сталина, А.А. Жданова и С.М. Кирова в оценке присоединения к России национальных окраин ввела в историко-идеологический дискурс формулу «наименьшего зла»². Данная идея заставила историков по-новому рассмотреть историю национальных окраин.

В таких условиях развернулось написание обобщающих трудов по истории национальных республик, задачей которых было стать основой для конкретно-исторической разработки специалистами отдельных сюжетов и ориентиром в преподавании местной истории в вузах и школах. Среди многочисленных проектов, запущенных в конце 30-х гг. были и «Очерки по истории Башкирии».

Для написания книги был создан авторский коллектив под руководством Ш.И. Типиева. Авторы подбирались из разных научных центров: Москвы, Ленинграда, Уфы. Основным учреждением, выполняющим функцию координации и контроля, стал Институт истории АН СССР. Параллельно с написанием текста шло издание «Материалов по истории Башкирии», которые готовил Р.М. Раимов³. Книга была написана еще до войны, а уже после возвращения Института из эвакуации текст был набран, сверстан и представлен в аппарат ЦК ВКП (б) на экспертизу⁴.

¹ Подробнее: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М., 2011.

² Постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР // К изучению истории. М., 1946. С. 37.

³ В Отдел экономических и исторических наук и вузов КПСС. О работе над «Очерками по истории Башкирии» // Научный архив ИРИ РАН (Далее — НА ИРИ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 11.

⁴ Там же. Д. 776. Л. 19.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 133. Д. 4. Л. 14.

Такая предосторожность была не случайной. Критики «Истории Казахской ССР», изданной под редакцией А.М. Панкратовой заставила с предельной осторожностью подойти к написанию истории Башкирии.

Конечно же, авторы «Очерков по истории Башкирии», имея перед глазами печальный пример, решили не рисковать. И не зря. Работники аппарата ЦК обнаружили в тексте серьезные ошибки, связанные с нарушением новых идеологических ориентиров в освещении истории нерусских народов. Вышло специальное постановление ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в башкирской партийной организации». По мнению идеологов, авторы идеализировали историю башкир до их присоединения к России: «В подготовленных к печати “Очерках по истории Башкирии”, в литературных произведениях “Идукай и Мурадым”, “Эпос о богатырях” не проводится разграничения между подлинными национально-освободительными движениями башкирского народа и разбойничьими набегами башкирских феодалов на соседние народы, недостаточно показывается угнетение трудящихся башкир татарскими и башкирскими феодалами, идеализируются патриархально-феодалное прошлое башкир»¹. Правда, в других произведениях ошибки оказались еще страшнее: «В пьесе “Кахым-Тура” извращается история участия башкир в Отечественной войне 1812 года, противопоставляются друг другу русские и башкирские воины...»². Итоговое требование было следующим: «Считать важной задачей научных работников и писателей Башкирии создание произведений, правдиво отображающих историю башкирского народа, его лучшие национальные традиции, совместную с русским народом борьбу против царизма и иноземных поработителей, достижения башкирского народа за годы советской власти...»³. Попутно заметим, что появление данного постановления не было единичным примером: несколько ранее появилось схожее по Татарстану. От историков требовалась радикальная ревизия концепций национальных историй.

Дальнейшую переработку книги поручили Башкирскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории им. М. Гафури работавшему при Совнарком Башкирской АССР. За Институтом истории АН СССР оставили координирующую роль и помощь в написании текстов и их обсуждении. Для этого 14 июня

¹ О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации // Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП (б). М., 1947. С. 480.

² Там же.

³ Там же. С. 481-482.

1945 г. была сформирована специальная комиссия по оказанию помощи в составе: В.И. Лебедева, специалиста по истории Кавказа, ставшего председателем; Н.В. Устюгова, занимавшегося тогда исследованием Башкирских восстаний XVII и XVIII в.; Р.М. Раимова, докторанта Института и специалиста по новейшей истории Башкирии. В марте 1946 г. в состав комиссии вошли А.П. Кучкин, специалист по истории Казахстана, и Ш.И. Типеев¹. В силу нехватки кадров к работе были привлечены молодые историки: Г.Е. Грюндберг, Е.И. Каменцева, Ю.А. Красовский, А.П. Николаенко и др. В феврале 1946 г. было созвано специальное совещание авторов. На нем критически был рассмотрен старый текст и намечен план переработки². Функции были распределены следующим образом: «Разделы, посвященные общей истории Башкирии, перерабатывались в Москве под общим руководством Башкирской комиссии Института истории АН СССР, разделы по истории культуры Башкирии перерабатывались в Уфе под общим руководством Дирекции Башкирского института»³.

В июле 1947 г. в Уфе прошла научная сессия, посвященная истории Башкирии, на которой историки продемонстрировали понимание новых идеологических ориентиров. Ключевую роль играл доклад директора Башкирского научно-исследовательского института А.Н. Усманова. В духе яфетической теории Н.Я. Марра в нем подчеркивалась, что в этногенезе башкир приняли участие не только тюркские и угро-финские племена, но и «древнейшие племенные объединения, населявшие Башкирию и находившиеся на яфетической стадии развития»⁴. Утверждалось, что к XV-XVI вв. «Башкирия представляла собой уже типичную феодально-раздробленную кочевую страну, разделенную на феодальные владения, с собственной феодальной знатью»⁵. Особый акцент делался на «добровольном» присоединении к Московскому государству. Докладчик подверг критике мнение тех историков, которые говорили о русском завоевании Башкирии, он обосновывал положительное влияние на экономику и культуру башкир их присоединением к Москве⁶.

Не менее важным и показательным являлись доклады московского историка Н.В. Устюгова, крупнейшего специалиста по отече-

¹ НА ИРИ РАН. Оп. 1. Д. 776. Л. 20.

² Там же.

³ Там же. Л. 21.

⁴ *Гузаирова Т.* Научная сессия, посвященная вопросам истории Башкирии и истории культуры башкирского народа // Вопросы истории. 1947. № 11. С. 141.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 142.

ственной истории XVII в. Всего им было сделано два доклада: один был посвящен башкирскому восстанию 1662-1664 гг., второй — восстанию 1737-1739 гг. Новым в них стало признание того, что в восстаниях были как прогрессивные, так и реакционные стороны. Так, борьба против гнета московского правительства — прогрессивная черта, а отказ от московского подданства являлся «шагом назад и в экономическом, и в политическом, и культурном отношениях»¹, поскольку отторгал башкирский народ от русского.

В выступлении Устюгова заметно, что советская историография все еще находилась на перепутье: отказа от концепции антиколониальной борьбы против царского правительства еще не произошло, но присоединение к России уже признавалось безусловно прогрессивным. Любопытно отметить и тот факт, что все еще находились историки, которые продолжали придерживаться того мнения, что восстания — абсолютно прогрессивные явления. Такую позицию занял П.Ф. Ищериков², жестко раскритикованный другими выступавшими. Более того, очевидно, что в опубликованном отчете не нашлось места выступлениям сторонников П.Ф. Ищерикова, которых было немало, поскольку впоследствии Н.В. Устюгов признался в 1952 г.: «...Многие товарищи, в особенности в Уфе, подчеркивали безусловную прогрессивность этих движений и закрывали глаза на реакционные моменты в башкирских восстаниях»³.

Сессия, без сомнения, подстегнула написание очерков. Продолжилась работа над главами и публикация отдельных документов. Разделы и главы, по мере их написания, рецензировались членами Башкирской комиссии и обсуждались на заседаниях, после чего поступали на доработку авторам. К 1949 г. значительная часть очерков были написаны. Тем не менее, трудности вызвали разделы, посвященные XIX в. Главы, написанные С.Н. Нигматуллиним и Ш.И. Типеевым, были признаны неудовлетворительными. Судя по всему, столкновения вновь произошли из-за оценки политики царского правительства. Неясно было, в какой мере ее необходимо считать прогрессивной, а в какой реакционной.

Было принято решение отредактировать имеющиеся статьи и выпустить первую часть очерков. Для этого определили состав редакционной коллегии первого тома в составе В.И. Лебедева (ответ-

¹ Там же.

² О нем см.: *Нигматуллина И.В.* Петр Федорович Ищериков — 120 лет со дня рождения // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. 2012. № 2. С. 179-182.

³ НА ИРИ РАН Ф. 1. Оп. 1. Д. 800. Л. 8.

ственный редактор), А.П. Смирнова, А.Н. Усманова и Н.В. Устюгова¹. Впрочем, обстановка не способствовала работе: в стране проходила кампания по борьбе с «безродным космополитизмом», менялись сложившиеся исторические представления. Тем не менее, был собран материал объемом 30 а.л. В феврале 1950 г. в Уфе прошло обсуждение первого тома, книга была одобрена. Были получены положительные отзывы А.А. Новосельского и Л.В. Черепнина. Но очередной идеологический поворот вновь спутал все карты.

В 1950 г. прошла дискуссия по вопросам языкознания, в ходе которой было разгромлено учение Н.Я. Марра о языках и генезисе этносов. Учитывая то, что авторы очерков в описании древнейших периодов башкирской истории опирались именно на учение Н.Я. Марра, пришлось по-новому переписывать эти страницы. Кроме того, в журнале «Большевик» вышла статья близкого к Л.П. Берии Д.М. Багирова «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля», в которой антирусское движение Шамиля оценивалось как реакционное². Было очевидно, что появление этой публикации носит директивный характер и является ориентиром в пересмотре всей истории взаимоотношения между Россией и нерусскими национальностями. От предшествующих непоследовательных оценок требовалось отказаться. Редакция очерков обратилась в Дирекцию Института истории АН СССР с просьбой «возвратить ей текст Очерков для нового пересмотра и уточнения вопроса о башкирских восстаниях»³. Итак, именно оценка восстаний стала очередным камнем преткновения. Разные позиции оказались у московских и уфимских авторов. Показательной является совместное обсуждение, состоявшееся 19 апреля 1952 г. в московском Институте истории.

На нем председательствовал Л.В. Черепнин. В качестве основного докладчика выступил В.И. Лебедев. Он кратко осветил историю создания очерков, подчеркнув, что главная трудность на очередном этапе создания книги заключается в описании башкирских восстаний. Докладчик указывал: «Несколько сложнее дело обстоит с оценкой башкирских восстаний в III и IV главах: восстание 1662-1664 гг., Сейтовское восстание, восстание Алдар-Кусюма, Карасакала и восстание Батырши. Несмотря на большую убедительность конкретного материала в главах, посвященных этим восстаниям, не мобилизован еще достаточный материал, показывающий про-

¹ Там же. Д. 776. Л. 22.

² *Багиров Д.М.* К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // Большевик. 1950. № 13. С. 21-37.

³ НА ИРИ РАН. Ф.1. Оп. 1. Д. 776. Л. 23.

грессивное значение выступлений народных масс. Приводятся материалы, относящиеся к башкирским феодалам, которые стремились выйти из подданства России, имели связи с соседними народами, в частности, эти восстания шли из Крыма и из Турции и преследовали цель отторжения от России... Нужно показать, что в этих восстаниях были и некоторые черты прогрессивности народных масс в их борьбе против русских помещиков, а также против своих местных угнетателей-феодалов, тарханов. Последний материал об участии народных масс недостаточно у нас мобилизован...»¹. Таким образом, автор все еще признавал концепцию переплетения в восстаниях прогрессивных и реакционных черт.

Следом выступил Н.В. Устюгов. Он кратко обозначил суть возникших разногласий между московскими и башкирскими историками. Так, в вопросе о характере зависимости башкир от Москвы сотрудники московского Института истории настаивали на вассалитете, башкирские же коллеги максимум на что соглашались — это признание зависимости в форме «свободного вассалитета», когда вассал может разорвать свои зависимые отношения². Многие историки вообще считали, что вопрос подданства необходимо решать не через призму вопроса о вассалитете, а сделать акцент на то, что «характер башкирского подданства нужно рисовать так, что вот башкиры оценили преимущества централизованного государства и добровольно пошли к нему в подданство и, так сказать, старались войти как полноправные члены и целиком слиться с Россией»³. При этом докладчик язвительно заметил: «Но какими материалами это можно было бы аргументировать — товарищи не указали»⁴. Коснулся Устюгов и вопроса о башкирских восстаниях. Он напомнил: «Мы пытались встать на точку зрения, чтобы расценить эти восстания как движения феодальные, как движения антирусские. Конкретных материалов на эту тему сколько угодно. Следовательно, это движения, где реакционная сторона преобладала...»⁵. Но многие башкирские историки встретили в штыки такой подход. С ними частично солидизировался В.И. Лебедев, продолжавший отмечать прогрессивную сторону восстаний. По мнению самого Устюгова, прогрессивные черты можно обнаружить только в XVIII в., с восстания 1747 г. Докладчик вынужден был признать: «Таким образом, вопрос об оценке

¹ Там же. Д. 800. Л. 3-4.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 8.

башкирских восстаний продолжает оставаться спорным, он остается спорным даже внутри самой редакции»¹.

Следом выступил директор Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР М.Я. Янгиров. Он указал, что книга требует дальнейшей переработки уже с учетом публикаций И.В. Сталина по вопросам языкознания. Кроме того, в разделе, посвященном истории башкир под властью Золотой Орды, необходимо показать реакционную сущность татаро-монгольского ига. Страшным упущением является то, что «не показана борьба башкирского народа против этих завоевателей, не подчеркнута ведущая роль русского народа в разгроме татаро-монгольского ига...»². М.Я. Янгиров напомнил и об идеологической важности оценки башкирского эпоса «Идукай и Мырадым»: «... Авторы ограничились только констатацией этого эпоса. Между тем, всем известно, что в свое время ЦК партии справедливо и резко осудил ошибки некоторых писателей и историков Татарии, которые идеализировали буржуазный эпос и патриархально-буржуазное прошлое. Уже это одно обязывало авторов и редакторов тома дать исчерпывающую политическую оценку этому эпосу, что усилило бы воспитательное значение нашей работы»³. Выступил он и против теории «свободного вассалитета»: «Эта теория дает неправильное представление широкому читателю о расстановке классовых сил внутри башкирской общины..., наводит тень на прогрессивный характер присоединения башкир к русскому государству»⁴. В духе борьбы с буржуазным объективизмом выступавший заявил: «Авторы в плену архивных документов, вместо того, чтобы по партийному критически на основе марксистско-ленинской методологии подходить к оценке этих документов. Тут явно сквозит дух объективизма, который веет аполитичным подходом...»⁵. Почему же концепция «свободного вассалитета» не устраивала? Ответ находим ниже: «Присоединение башкир к русскому государству имело, как известно, глубоко прогрессивное значение. Об этом правильно указывается в «Очерках», но это получается несколько декларативно... Здесь не показываются истоки складывающейся дружбы башкирского народа с великим русским народом. А теория свободного вассалитета не помогает раскрытию

¹ Там же. Л. 9.

² Там же. Л. 28.

³ Там же. Л. 28 об.

⁴ Там же. Л. 29.

⁵ Там же. Л. 29-29 об.

процесса складывания этой дружбы (участие башкирских полков в иноземных походах, в ополчениях Минина и Пожарского...). Вместо этого том пестрит примерами борьбы башкир против русских. Свободный вассалитет служит оправданием политической борьбы башкирских феодалов против русского государства...»¹. Итак, задача авторов заключалась во всяческом подчеркивании связи русского и башкирского народов, а теория «свободного вассалитета» этому только мешала. М.Я. Янгиров остановился и на необходимости описания реакционности ислама и мусульманского духовенства. Но, также как и предыдущие выступавшие, коснулся он и царской политики, назвав ее колониальной и потребовав, чтобы авторы не мазали ее розовой краской².

Итак, совещание вновь не показало единства мнений среди историков. Складывается устойчивое ощущение, что новые идеологические ориентиры понимались по-разному, либо вообще не понимались. Работа авторского коллектива проходила на фоне постоянных разногласий и страха сделать фатальную ошибку.

После этого обсуждения рукопись вновь была направлена на переработку. Два исследовательских центра (Москва и Уфа) постоянно перенаправляли друг другу многострадальный текст, раз за разом находя многочисленные ошибки и несоответствия текущей политике на «историческом фронте». Наконец, в ноябре 1952 г. Дирекция Института истории АН СССР окончательно отказалась от подготовки очерков, гриф института был снят. Теперь это издание должно было стать головной болью только Башкирского филиала АН. За собой Институт истории оставил только консультирование³.

«Очерки по истории Башкирии» так и не увидели света в том виде, в котором они были подготовлены в 1940-е-начале 50-х гг. Смерть Сталина и очередная скорая смена идеологических координат потребовали иначе взглянуть на тему. В истории с изданием очерков, помимо самого сюжета, наглядно показывающего кухню создания обобщающих трудов в годы «позднего сталинизма», нам важно подчеркнуть, что идеологические директивы носили неопределенный характер, позволяя историкам по-разному глядеть на вопросы. Современный исследователь А.Л. Юрганов назвал это «метафизикой» сталинизма: «Метафизика обладает одним универсальным свойством: она никогда не позволяет уз-

¹ Там же. Л. 30 об.

² Там же. Л. 34.

³ Там же. Д. 776. Л. 24.

нать истину до конца, но допускает бесконечное приближение к ней, и на пути этого приближения всегда остается неопределенность»¹. В данном случае конфликт интерпретаций возник по нескольким причинам. Во-первых, из-за историографической инерции в вопросе оценки восстаний. Специалисты, особенно башкирские, не спешили с отказом от концепции прогрессивности антирусских восстаний. А во-вторых, из-за частых смен руководящих идей, неопределенных и вносящих сумятицу в научно-историческое сообщество.

¹ Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 677.

Очерк 10

Идеология и школьный учебник истории

Школьный учебник по истории выполняет разнообразные функции. Первоочередной является предоставление информации исторического характера. Одной из важнейших познавательных и воспитательных задач школьного учебника по истории является формирование представлений у школьника о мире в исторической перспективе. Определяющую роль в этом играет курс всеобщей истории, где особую актуальность в силу приближенности событий к современности приобретает история нового и новейшего времени. Поскольку в Советском Союзе историческое знание признавалось одним из важнейших компонентов идеологии, то и школьный учебник, как главный транслятор официально признанной концепции, приобретал огромное значение.

В 1934 г. был объявлен конкурс на написание учебников для общеобразовательной школы. Конкурс показал, что единого, а главное — удовлетворяющего требованиям идеологии взгляда на историю среди советских ученых не было. Причиной тому было и то, что для авторов отсутствовали четкие идейные ориентиры в написании пособий. За создание таких ориентиров взялось лично высшее партийное руководство — в лице Сталина, Кирова и Жданова.

В 1936 г. вышли «Замечания к проектам школьных учебников по истории», в которых была обнародована новая концепция всемирной и отечественной истории, на многие годы ставшая для советских историков основополагающей. По-прежнему в качестве судьбоносных вех рассматривались революции, но теперь грань между буржуазными и социалистическими революциями проводилась еще отчетливее. Была уточнена периодизация всемирной истории нового периода. Теперь первый временной отрезок начинался французской буржуазной революцией (которая теряла статус Великой, чтобы не принижать Октябрьскую) и заканчивался Парижской коммуной. Второй начинался с франко-прусской войны 1870-1871 гг. и Парижской коммуны и заканчивался победой Октябрьской революцией и окончанием Первой мировой войны.

Данное время рассматривалось как период упадка капитализма. Третий период — от конца 1918 до конца 1934 гг. — трактовался как «период послевоенного империализма в капиталистических странах, экономического и политического кризиса, период фашизма...»¹.

На основе данных указаний был запущен проект по написанию школьного учебника под руководством В.М. Хвостова. В авторский коллектив входили известные специалисты по Новой истории из Института истории АН СССР и МГУ: И.С. Галкин, Л.И. Зубок, Ф.И. Нотович.

Школьный учебник писался довольно долго, каждая оценка или характеристика тщательно подбирались. В целом он был закончен еще до войны. Написанный в русле идеологических стандартов того времени, учебник значительное внимание уделял разоблачению колониальной политики «империалистических стран», в первую очередь Англии. Но во время войны, когда «империалистические страны» стали союзниками СССР, у авторов потребовали смягчить риторику. Из текста были убраны слова «захваты» и «захватническая политика» Великобритании и США². Военное время актуализировало и усилило целый ряд идеологических концептов, внедрявшихся еще в довоенное время: возвеличивание русской истории и культуры, антигерманизм, пропаганда славянской солидарности. Все это должно было найти воплощение в учебном издании.

Наконец, в 1946 г. издание увидело свет под грифом Института истории и Министерства образования. Вскоре в газете «Культура и жизнь» (официальный орган Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)) появилась статья Н.Н. Яковлева об учебниках по истории³, значительное внимание в которой было уделено «Новой истории». В статье авторы книги критиковались за использование термина «объединение» Германии, хотя рекомендовалось использовать «воссоединение». Казалось бы, незначительный нюанс, но он имел заметное политическое значение. В 1936 г. это объяснялось следующим образом: «...может получиться впечатление, что речь идет не о борьбе за воссоединение таких ранее раздробленных государств, как Германия и Италия, а об объединении этих госу-

¹ Сталин И., Киров С., Жданов А. Замечания о конспекте учебника Новой истории // К изучению истории. М., 1946. С. 25.

² АРАН Ф. 1667. Оп. 1. Ед.хр. 512. Л. 4.

³ Яковлев Н. О школьных учебниках по истории // Культура и жизнь. 1946. 30 ноября (16)

дарств в одно государство»¹. Намек, конечно же, тогда относился к союзу фашистской Италии и нацистской Германии. В послевоенное время предпочтение термина «воссоединение», вероятно, было обусловлено видами на оккупированную Германию, где боролись интересы СССР, США и Англии. Еще одним замечанием стал упрек в том, что в учебнике не использованы по отношению к английскому колониализму такие эпитеты, как «захватнический», «агрессивный» и т.д. Кроме того, по мнению автора статьи, характеристики многих исторических деятелей оказались очень непоследовательны.

Прозвучавшие замечания в идеологических ошибках могли дорого стоить авторам учебника. Поэтому Л.И. Зубок и В.М. Хвостов незамедлительно послали письмо главе Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Г.А. Александрову. В нем они объясняли, что термин «объединение» использовался в «Истории дипломатии», удостоенной Сталинской премии, поэтому они сочли возможным его применить. Отсутствие уничижительных эпитетов в отношении английского и американского колониализма объяснили следующим образом: «Все эти и гораздо более резкие выражения имелись в учебнике, подготовленном еще до войны. Однако, когда во время войны учебник перерабатывался перед сдачей рукописи в набор, нам было предложено директивными органами смягчить тон в отношении Англии и США и наши формулировки были соответственно изменены»².

В 1947 г. вышло второе издание. Следуя предписаниям «Замечаний о конспектах школьных учебниках», авторы начинали учебник с франко-прусской войны и Парижской коммуны. Они в целом соблюли предъявленные к ним требования. Важным элементом текста были цитаты классиков марксизма-ленинизма (с преобладанием сталинских). В учебнике всячески подчеркивались признаки «кризиса капитализма», огромное внимание уделялось революционному и рабочему движению. Последнее отражалось даже в иллюстративном ряде. Так, 6 иллюстраций были посвящены революциям, стачкам и столкновениям с полицией и войсками. 16 — портреты революционных деятелей (в том числе молодого Сталина). Для сравнения карт было только 13, картин войны — 1, выборов в Англии — 1, достижений науки и техники — 3.

¹ Сталин И., Киров С., Жданов А. Указ. соч. С. 26.

² АРАН Ф. 1667. Оп. 1. Ед.хр. 512. Л. 4.

Любопытно проанализировать образ зарубежных стран, представленный в исторической перспективе. Так, в негативном свете выставляется Германия. Показывалось, что Германская империя возникла на волне шовинистических настроений и реакционной идеологии: «Немецкий народ воспитывался в преклонении перед насилием... Со школьной скамьи немцу внушалась мысль, что сила выше права. Школа и печать неустанно пропагандировали превосходство всего немецкого, учили, будто немцы являются «избранным народом», призванным к владычеству над миром, и будто все остальные народы — прежде всего славянские — должны быть в подчинении у «высшей» немецкой расы»¹. Школьнику внушалось, что немцы изначально таили агрессию против славян. Быстрый экономический рост Германии в конце XIX — начале XX в. объяснялся ограблением Франции.

Франция в учебнике представляла страной Французской революции (без приставки Великой, поскольку Великой теперь могла быть только Октябрьская), Парижской коммуны. Впрочем, авторы не забыли отметить внутреннюю слабость французского государства, явно намекая на причины быстрого поражения в 1940 г.

Несмотря на удаление ряда негативных эпитетов по отношению к Англии, все же подчеркивалось, что «британский империализм был величайшим эксплуататором колониальных народов» (С. 46). В то же время показывались и демократические традиции англичан, а также помощь мецената Тома Манна (давался даже его портрет) К. Марксу.

Особая роль в новой истории отводилась России как выразительнице интересов славянства. Так, подробно описывается война 1877–1878 гг. «Русские солдаты своей кровью добыли свободу болгарскому народу» (С. 111). Подчеркивалось коварство Англии на Берлинском конгрессе.

Заметный поворот произошел в оценке Первой мировой войны. Она все еще признавалась империалистической, а в ее развязывание вина ложилась на империалистов всех стран, но «все-таки непосредственно начали войну немцы» (147). Особо подчеркивались успехи русских войск в мировой войне. «Русские солдаты храбро сражались, но им приходилось воевать в неимоверно тяжелых условиях: без достаточного количества боеприпасов, без тяжелой артиллерии... Гнилой царский режим показал свою неспособность вести войну» (С. 158).

¹ Галкин И.С., Зубок Л.И., Нотович Ф.И., Хвостов В.М. Новая история 1870–1918. Учебник для 9 класса средней школы. 2-е изд. М., 1947. С. 26.

Особый акцент делался на невыполнении союзниками их долга: «Когда русская армия, истекая кровью, приняла на себя удар главных сил австро-германской армии, командование союзников решительно сопротивлялось отправке в Россию боевого снаряжения. Вместе с тем оно не сделало серьезных попыток оттянуть силы Германии от Восточного фронта и облегчить положение русских» (С. 158-159). Очевидно, что учащиеся должны были увидеть параллель между поведением западных держав в годы Первой мировой войны и затягиванием открытия Второго фронта во Второй. Большое внимание уделялось интервенции Антанты во время Гражданской войны.

Итак, в новой редакции учебника внушалось, что Германия — извечный агрессор, а западные державы — коварны и стремятся к сдерживанию, а в перспективе и уничтожению России (СССР). Данная концепция органично вписывалась в идеологические координаты холодной войны. Но не все устраивало идеологов. Высокая динамика смены идеологических ориентиров не позволяла авторам учебника поспевать за ними.

Учитывая то, что учебник был предназначен для 9 класса общеобразовательной школы, Министерство просвещения организовало его широкое обсуждение, проходившее на фоне кампаний «за критику и самокритику», «борьбы с буржуазным объективизмом», а затем и «безродным космополитизмом». Впрочем, пока шло обсуждение, успели выпустить еще два, несколько измененных издания. Наиболее активному обсуждению было подвергнуто третье издание 1948 г. Показательными являются две рецензии: В.М. Турока и А.Я. Манусевича.

В.М. Турок, известный специалист по новой истории Австрии и Германии, написал обстоятельный и по возможности доброжелательный отзыв, датированный 28 октября 1948 г. Он признавал, что авторы «относительно успешно справились со своей задачей»¹. В то же время он отмечал, что «одним из крупных недостатков учебника является некоторая бесстрастность изложения». Это был типичный упрек для кампании по борьбе с «буржуазным объективизмом». Рецензент напомнил: «Идея непримиримой классовой борьбы пролетариата против всех его врагов должна пронизывать все изложение учебника. В результате изучения новой истории советский школьник должен проникнуться ненавистью к капитализму и его политическим деятелям, должен почувство-

вать презрение и отвращение к социал-демократическим лакеям капитализма»¹. Таким образом, традиционно для большевистской идеологии врагами объявлялись не только капиталисты, но и социал-реформистские партии. Исходя из этого, рецензент предлагал показать, что верхушка социал-демократической партии Германии «не в августе 1914 г., а гораздо раньше...стала неотъемлемой составной частью германского империализма и перешла на сторону врагов германского пролетариата»². Кроме этого, В.М. Турок призывал акцентировать внимание авторов на характеристиках, данных политическим партиям и отдельным деятелям в работах В.И. Ленина и И.В. Сталина, а также подчеркнуть роль Октябрьской революции в мировой истории. Была отмечена и необходимость включения отдельных глав, посвященных истории Австро-Венгрии и балканских стран. Последнее становилось особенно актуально в связи с активным проникновением СССР в данный регион.

Отзыв А.Я. Манусевича был насыщен конкретными замечаниями по истории Парижской коммуны. В конце он остановился на проблеме соотношения глав, посвященных Октябрьской революции и окончанию Первой мировой войны. Его возмутило то, что глава о революции стоит перед главой «Разгром Германии и ее союзников»: «...Такое построение учебника толкает к выводу, будто именно разгром Германии кладет конец новой истории и открывает период новейшей, чем умалется значение Великой Октябрьской социалистической революции»³. Другие отзывы изобиловали замечаниями и предложениями в основном методического характера.

Наконец, учебник прошел обсуждение 18 марта 1948 г. в Московском городском институте усовершенствования учителей на кафедре истории. Вердикт ее сотрудников был уничижителен: «1. Учебник отличается объективизмом...3. Очень часты в учебнике декларации, общие слова без фактического материала... 10. Учебник сух, схематичен и тяжел...»⁴.

Итак, в адрес авторов, кроме нередко вполне уместных замечаний методического характера, прозвучала серия и политических обвинений, главным из которых стало типичное для того времени обвинение в объективизме. Подобный поток критики привел

¹ Там же. Л. 11.

² Там же. Л. 12.

³ Там же. Л. 33.

⁴ Там же. Л. 285.

¹ АРАН Ф. 1667. Оп. 1. Ед.хр. 512. Л. 10.

к тому, что учебник необходимо было постоянно переписывать. Для наглядности сравним первое и четвертое издания, последнее как раз появилось после массовой кампании по обсуждению книги.

В четвертом издании к уже имевшимся четырем авторам добавились А.Я. Манусевич, как автор по истории южных и западных славян, и А.А. Зворыкин, которому было поручено написать раздел «Техника в последней трети XIX в.». Имя Л.И. Зубока как редактора книги было убрано. Дело в том, что Л.И. Зубок был еврей русского происхождения, эмигрировавший в начале XX в. в Америку, а затем вернувшийся, — личность в условиях антиеврейских и антиамериканских кампаний крайне подозрительная.

В первом издании было 25 глав. Четвертое, следуя призыву упростить текст, вмещало всего 19. Были объединены главы, посвященные разным периодам истории Франции, Англии, Германии, Японии и США. Убрали специальную главу об Австро-Венгрии. Вместо нее появилась политически более актуальная глава о славянах. Были изменены названия глав. Так, глава «Империализм как высшая стадия капитализма», получила важное пропагандистское дополнение и стала называться «Империализм как высшая и последняя стадия капитализма». Глава «Разгром Германии и ее союзников» получила название «Конец первой мировой войны».

Кардинально, а главное идеологически верно, поменялся раздел о техническом развитии в последней трети XIX в. Если в первом издании рассказывалось об открытиях Дизеля, Рентгена, Маркони и т.д. То теперь провозглашался приоритет русских изобретателей. Иностранные фамилии исчезли вовсе: из текста складывалось впечатление, что только русские ученые и изобретали что-то в то время. Раздел был наполнен описаниями работ П.Н. Яблочкова, А.Н. Ладыгина, И.Ф. Усагина, А.С. Попова и т.д. (С. 161-162).

По отношению к капиталистическим державам и их внешней и внутренней политики вернулись и усилились негативные оценки. Особенно «досталось» представителям американской политической элиты. Например, об Эндру Джонсоне в первом издании было написано: «Происходя из бедной семьи, он вынужден был с ранних лет работать в портяжной мастерской. Не имея возможности посещать школу, Джонсон самоучкой выучился читать и писать» (С. 77). В четвертом издании этот комплиментарный отрывок был убран, зато добавлен другой: «Во время гражданской войны Джонсон выступил против плантаторов. Но по окончании гражданской войны он занял по отношению к южанам примири-

тельную позицию» (С. 96). Характеристика президента Гранта в первом издании также была довольно доброжелательной: «Президентом был избран генерал Грант, известный со времен гражданской войны как храбрый и талантливый главнокомандующий» (С.78). А вот что говорилось о нем в четвертом издании: «Президентом был избран генерал Грант, который во время гражданской войны был главнокомандующим северян. На посту президента Грант проявил себя в качестве беззащитного представителя американских капиталистов» (С. 97). Досталось и президенту Теодору Рузвельту. В первом издании: «Рузвельт вел активную политику на Дальнем Востоке» (С. 90). В четвертом: «Рузвельт вел империалистическую политику на Дальнем Востоке» (С. 113). И таких примеров множество.

В учебнике всячески подчеркивалась роль рабочего движения в истории. Новой чертой, характерной для пропаганды «советского патриотизма», стало выпячивание значения русского рабочего движения и лично роли его вождей — В.И. Ленина и И.В. Сталина. Так, утверждалось, что после смерти Ф. Энгельса в 1895 г. «знамя борьбы за диктатуру пролетариата поднимают Ленин и Сталин» (С.126). При этом Сталин в духе «Краткого курса ВКП (б)» изображается как равный Ленину идейный и организационный лидер партии. Заканчивалась книга констатацией, что на смену капиталистической системе приходит новая, социалистическая, нашедшая выражение в СССР.

Таким образом, под давлением изменившейся конъюнктуры в учебнике были изменены многие характеристики и смещены акценты. В таком виде он показался идеологам более приемлемым, что снизило накал критики. Успокоению страстей вокруг книги способствовали также смерть Сталина и скорое затухание идеологических кампаний. В рецензии на готовящееся 5-е издание, датированной 21 ноября 1953 г., редактор издательства «Просвещение» А. Филиппов нашел лишь один политический недочет — исключение XV главы, носящей название «Крах II Интернационала». Автор отзыва посчитал эту тему очень важной с политической точки зрения¹. Отметим, что автор этой главы, Ф.И. Нотович, настаивал на ее снятии, видимо, опасаясь дальнейших критических выпадов. Остальные замечания носили методический характер.

Дальнейшее прохождение по инстанциям оказалось, в целом, благоприятным. 8 февраля 1955 г. учебник обсудили на кафедре

¹ Там же. Л. 43.

новой истории Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Заключение было положительным. 24 ноября 1955 г. учебник одобрил Учебно-методический совет Министерства просвещения.

Но на этом переработка книги не завершилась. Через некоторое время, после XX съезда КПСС, из текста были удалены все цитаты Сталина. В таком виде учебник пользовался спросом даже за границей, в частности, в Чехословакии. И, несмотря на то, что в дальнейшем он был заменен новым стереотипным изданием (вновь под редакцией В.М. Хвостова), ему суждено было стать прообразом для всех советских учебных пособий по новой истории. Именно в этом учебнике были апробированы периодизация, оценки событий и личностей, приемы изложения, ставшие позднее классическими и продержавшиеся в учебной литературе вплоть до распада СССР.

Не столь драматичной была судьба учебника по Новой истории А.В. Ефимова для 8-го класса общеобразовательной школы. В 1940 г. вышло его первое издание, а в 1949 г. — уже 8-е, тираж которого составил 200 тыс. экземпляров. Текст его нес на себе явные следы влияния идей славянофильства: «В истории человечества славянские народы сыграли огромную роль. Славянские народы близки друг к другу по своему языку и своей культуре. Они издавна имели общих врагов, общие исторические задачи» (с. 27). Общими врагами назывались турки и немцы. В ситуации складывания зоны влияния СССР, преимущественно славянской по национальному составу, возрождение умеренного панславизма только приветствовалось. Но в семью славянских народов, к сожалению, входили и польские паны, которые «жесточайшим образом угнетали белорусов и украинцев, живших на территории польско-литовского государства, и неоднократно нападали на соседнее Русское государство» (С. 28). Конечно, этот выпад в сторону поляков был связан с непростыми отношениями советского государства с Польшей. Кроме того, исторически обосновывалось возвращение Западной Украины и Белоруссии в 1939 г.

Но главный негатив, естественно, вылился на немцев. Указывалось, что Пруссия возникла на исконно славянской территории (что обосновывало послевоенное присоединения к СССР Кёнигсберга — Калининградской области) и расширялась путем «разбойничьих захватов земли» (С. 31).

В учебнике всячески выпячивалась роль России в мировой истории. Глава 4 так и называлась: «Возросшая роль России в мировой истории в XVII-XVIII веках». Любопытно отметить, что рост

мощи русского государства теперь не связывался непосредственно с Петром I, а с присоединением Сибири и Дальнего Востока, освоение которых ставилось в один ряд с Великими географическими открытиями. Заметим, что А.В. Ефимов был одним из главных пропагандистов концепции «Великих русских географических открытий»¹, органично вписывавшейся в послевоенную идеологию державного патриотизма.

Подчеркивание мощи русского государства («В конце XVIII в. тремя наиболее могущественными державами мира были Англия, Франция и Россия» (С. 39)), впрочем, сопровождалось признанием, что по сравнению с передовыми странами Запада оно оставалось отсталым, хотя и ни в чем не уступавшей Пруссии и Австрии. Причиной этому являлось крепостничество. Именно укрепление крепостничества усиливало отставание России. Символом могущества России в учебнике оказывается М.В. Ломоносов, а тем, что крепостничество мешало развитию — И.И. Ползунов, чьи изобретения не нашли применения. Акцентирование внимания на фигурах ученых, особенно Ломоносова, являлось частью поворота советской пропаганды к культивированию образа патриотического ученого, делающего прорывные открытия в области теории и практики и помогающего тем самым обогнать западные страны. Особая, двадцать седьмая, глава выделялась для темы «Роль русской культуры в XVIII-XIX веках».

Французская революция неизбежно занимала одно из ключевых мест в учебнике. Следуя за официальной идеологией, автор особый акцент сделал на коренном отличие буржуазной революции от социалистической. Буржуазная революция не ломает «эксплуататорский, феодально-абсолютистский государственный аппарат, а приспособливает его к созревшей в известной степени буржуазной экономике». Только пролетарская, социалистическая революция способна уничтожить эксплуатацию (С. 101).

Войне 1812 года была посвящена специальная часть главы о наполеоновских войнах. Читатель из него узнавал: «Наполеон боялся мощной России» (С. 127). Он стремился добиться мирового господства. Любопытно и то, что в описании армии Наполеона, вторгшейся в Россию, акцентировалось, что в ее состав входили немцы, итальянцы и поляки. Это была явная аллюзия на события 1920-40-х гг. Следуя официальной концепции войны 1812 года,

¹ См.: *Ефимов А.В.* Великие русские географические открытия (В XVII и первой половине XVIII в.). Стенограмма публичной лекции. М., 1949.

А.Е. Ефимов писал: «Патриотический порыв русского народа был повсеместным» (С. 128). Бородинское сражение оценивалось как «страшный удар» по наполеоновской армии, и «оказалось началом ее полного разгрома» (С. 127).

Учебник продолжал меняться, более или менее оперативно реагируя на смену внутренней и особенно внешней политики. В 1949 г. свершилась китайская революция, победила коммунистическая партия. Китай стал важнейшим союзником СССР. Так, в 11 издании (1952 года) появилась глава «Китай в XVII–XIX веках», в которой в первую очередь показывались исторические корни дружбы России и Китая. В частности, указывалось, что русско-китайский Нерчинский договор 1689 г. был «равноправным» и дружественным. Подводя учащихся к выводу о неизбежности китайской революции, писалось: «История показала, что китайские феодалы предавали страну иностранцам. Освободить Китай могла только народная революция» (С. 201).

В этом же издании, в ответ на дальнейшее усиление культа войны 1812 года, появился специальный параграф, посвященный этому. В нем мы находим следующий пассаж: «Величайший полководец нашего времени товарищ Сталин указал, что... Кутузов загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления» (С. 103). Концепция контрнаступления оправдывала отступление советских войск в 1941 г. и преподносилась как гениальная, исторически апробированная стратегия.

Итак, учебники по новой истории являлись важным орудием в пропаганде требуемого образа внешнего мира. Вечными союзниками «младшими братьями» представлялись славяне. Германия представала как изначально враждебная по отношению к славянству сила. Франция, Англия и США — в целом успешные, но, как правило, враждебные страны, лидеры уходящего с исторической сцены буржуазного мира, на смену которому придет социалистический во главе с СССР. Всячески подчеркивалось ведущее место Советского Союза в мире, внушалась уверенность в его мощи и особой исторической миссии, во многом органично связанной с миссией России.

Содержание учебников оперативно менялось в угоду требованиям политического момента. Абстрактные клише официальной идеологии наполнялись вполне конкретными историческими фактами и оценками, ненавязчиво формирующими правильную картину мира, в которой история как предмет оказывалась одной из важнейших координат. Учебник истории выполнял важнейшую

функцию придания идеологическим директивам исторической перспективы, подкрепления и обоснования их примерами из прошлого. И, конечно, он служил для советских школьников важнейшим источником информации о союзниках и врагах — национальных и классовых.

Очерк 11

Историк и власть: казус С.А. Фейгиной

Софья Ароновна Фейгина не входит в когорту классиков советской исторической литературы, хотя ее работы фундированы и представляют несомненный интерес для современных историков. Это имя известно только узкому кругу специалистов по истории международных отношений времен Петра I. Исследователи истории исторической науки вспоминают ее в связи с разгромом сборника «Петр Великий» (М.; Л., 1947), где ей принадлежала статья о западноевропейской историографии петровских реформ. Книга оказалась в центре идеологических проработок во время борьбы с «буржуазным объективизмом». Имя Софьи Ароновны регулярно всплывало на страницах пропагандистских и научных изданий, на партийных собраниях и заседаниях Ученых советов. До и после этих событий ее биография в поле зрения профессиональных историографов практически не попадает, хотя историк отметилась крупной монографией и рядом интересных статей. Почему же судьба не самого крупного ученого, оказавшегося в моховике проработок, может представлять интерес? Ответ прост. Истории выдающихся исследователей, ставших жертвами идеологических кампаний, более или менее известны. Стало очевидным, что в их отношении, несмотря на все обвинения, гонители преследовали цель скорее запугать, чем устранить физически. Поэтому увольняли их крайне редко, иногда отправляли в почетную ссылку на менее важные должности и в менее престижные университеты: все-таки ценные кадры, которыми нельзя разбрасываться. Были, конечно, и другие примеры (Н.Л. Рубинштейн, С.Я. Лурье и т.д.), но это был крайний случай. А вот что стало с фигурантами менее значительными — часто остается под вопросом. Между тем, изучение их биографий в контексте идеологических кампаний позволяет подробнее, зачастую по-новому, на микроуровне взглянуть на события.

Микроисторический ракурс нередко позволяет отказаться от сложившихся стереотипов, переосмыслить многие аспекты проблемы. В свое время подобный подход, получивший название «микроистория», концептуализировал К. Гинзбург, который считал,

что история начинается с реконструкции индивидуальных случаев на основе следов в источниках¹. В центре такого исследования оказываются индивидуальные стратегии в конкретных жизненных ситуациях². В указанном смысле случай С.А. Фейгиной — идеальный предмет анализа.

В личном деле, сохранившемся в архиве Института российской истории РАН, можно обнаружить подробности ее биографии³. Она родилась 1 июля 1897 г. в Петербурге в еврейской семье. Ее отец был инженером, почетным гражданином города. В 1902 г. семья переехала в Москву, где Фейгина окончила с золотой медалью 7 классов женской гимназии, а в 1916 г. сдала на полный аттестат о среднем образовании в 4-ой Московской мужской гимназии. В школе отличалась способностями к языкам. После поступила на Историко-филологический факультет Высших женских курсов. Большевицкая реформа высшего образования преобразовала курсы в полноценное учебное заведение, получившее название II — ой Московский государственный университет, который Фейгина окончила в 1921 г. Во время учебы в непростое и насыщенное событиями время работала библиотекарем Московского студенческого кооператива, а также Инспектором детских учреждений Наркома просвещения.

Любопытный и немаловажный факт: родная сестра-близнец Софьи, Любовь, также студентка Высших женских курсов состояла в студенческой фракции партии кадетов. В 1918 г., занимая пост секретаря Совета старост курсов, она вместе с товарищем председательницы Совета направила в ВЧК ходатайство об освобождении профессора А.А. Кизеветтера из Бутырской тюрьмы. В этом же году она подвергалась кратковременному аресту⁴. В дальнейшем она стала специалистом по истории международных отношений, автором классического исследования «Бьёркское соглашение» (М., 1929).

Дипломная работа на тему «Торговля Новгорода с Западом» была написана Софьей Ароновной под руководством С.В. Бахру-

¹ Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. М., 2000. С. 200.

² См.: Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. 2-е изд. М., 2008; Журавлев С.В. История повседневности — новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 3-27.

³ Научный архив Института российской истории РАН (Далее — НА ИРИ РАН). Ед.хр. 46. Личное дело С.А. Фейгиной.

⁴ Просим освободить из тюремного заключения. Письма в защиту репрессированных. М., 1998. С. 20-21.

шина, который рекомендовал способную ученицу в аспирантуру. Затем почти четыре года в анкете пробел. Где могла находиться и работать молодая девушка — загадка. Активная научно-исследовательская деятельность отступает на задний план. В 1925 г. она становится редактором иностранного отдела Центрального статистического управления, где числится с января по июнь, перейдя затем в Госплан СССР и задержавшись там до 1932 г. В Госплане занималась подготовкой аналитических записок об экономическом развитии европейских стран. В 1932 — 1941 гг. — сотрудник Народного комиссариата промышленности. При этом Фейгина не порывала с научными исследованиями: 19 июня 1939 г. она защитила в МИФЛИ кандидатскую диссертацию по теме «Борьба Московского государства за выход к балтийскому морю во II-ой половине XVII века и роль в ней канцлера Ордина-Нащекина». Наконец, с сентября 1940 г. она докторант Института истории АН СССР, где работает над диссертацией, посвященной внешней политике Петра I. Научным руководителем стал крупный специалист по источниковедению А.И. Андреев¹. Возвращение в науку состоялось.

В годы войны Фейгина вела преподавательскую деятельность в 1941-1942 гг. в Техникуме резиновой промышленности, в 1943-44 гг. — в Краснознаменной ордена Ленина Военной академии им. Фрунзе, «получила благодарность начальника Академии с занесением в трудовой список». «Вела активную общественную работу»². В 1946 г. историка пригласили преподавать в престижный Московский институт международных отношений, где она проработала до 1949 г.

На фоне идущей в гору карьеры Софьи Ароновны дела у ее сестры явно не ладилась. В самом начале войны 8 июля 1941 г. ее, видимо, припомнив и кадетское прошлое, арестовали за «антисоветскую агитацию» и осудили на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Но уже в мае 1944 г. досрочно освободили³. Можно предположить, что наличие осужденного родственника компрометировало Софью Ароновну в глазах спецслужб и партии.

Тем не менее, в 1949 г. она становится сотрудником Института истории, где вскоре занимает должность секретаря группы по изучению эпохи Петра I. В 1947 г. Фейгина получила звание доцента, а 29 мая 1948 г. стала старшим научным сотрудником, хотя такую должность должен был занимать доктор наук, кандидатам это позволялось в исключительных случаях в виду особых заслуг или

¹ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел Ю-811. Оп. 2 а. Д. 35. Л. 105.

² Там же. Ед. хр. 46. Личное дело С.А. Фейгиной. Л. 35.

³ Просим освободить из тюремного заключения... С. 21.

сложности работы. Очевидно, что у Фейгиной были и влиятельные в Институте покровители: член-корреспондент АН СССР С.В. Бахрушин и А.И. Андреев.

Загруженность административными делами, неурядицы эвакуации Института в годы войны, а также сложность темы, которая требовала знания нескольких иностранных языков и работы с внушительным комплексом архивных документов, не позволили закончить диссертацию в срок. Несмотря на это, в институте Фейгину ценили. Давая отзыв о ее научной работе, С.В. Бахрушин отмечал: «Прекрасное знание иностранной литературы и источников и широкая эрудированность в русских архивных материалах позволяет считать С.А. Фейгину ценным специалистом в избранной ею области»¹. Несмотря на все академические успехи, дальнейшая судьба историка оказалась связана с злополучным сборником «Петр Великий».

Книга готовилась в группе под руководством известного историка А.И. Андреева. Статьи формировались из докладов, прозвучавших на заседаниях группы. Основной текст был готов к концу 1945 г. 20 июля 1946 г. книга была подписана к печати. Сигнальный экземпляр был получен в феврале 1947 г., а 9 июня издание поступило в продажу².

Тематика эпохи Петра I была в то время чрезвычайно актуальна. Общий крен советской идеологии в сторону патриотизма способствовал возрождению интереса к выдающимся государственным деятелям прошлого. Особенно возросло внимание к таким фигурам, как Иван Грозный и Петр Великий. Их жизнью и деятельностью живо интересовался сам Сталин, любивший проводить параллели между ними и собой. Это неизбежно приводило к тому, что история их правления оказывалась под пристальным вниманием официальных идеологов. Таким образом, сложность написания такой работы, которая бы удовлетворила пропагандистов и при этом соответствовала строго научному подходу, была очевидна. Беда (и в то же время мужество авторов сборника) была в том, что они изначально поставили во главу угла строго научные принципы, отказавшись следовать за быстро меняющейся конъюнктурой. Статьи, посвященные в значительной степени частным проблемам, носили ярко выраженный конкретный характер, избегали широких обобщений. Тем не менее, именно этому сборнику сужде-

¹ НА ИРИ РАН. Ед.хр. 46. Личное дело С.А. Фейгиной. Л. 47.

² Отчет о работе группы по изучению эпохи Петра Великого. 1947 г. // НА ИРИ РАН

но было оказаться в центре разворачивающейся кампании по борьбе с «объективизмом». И именно такая нарочитая конкретность и бесстрастность стала одной из причин критики. Фейгиной в сборнике принадлежала статья «Иностранная литература о Петре Великом за последнюю четверть века».

После разгромной рецензии военного историка А.А. Строкова¹, в которой статья Фейгиной еще не затрагивалась, было собрано заседание сектора истории СССР до XIX в., где прошло обсуждение сборника. На заседании возникла попытка со стороны В.И. Лебедева подвергнуть критике и не отмеченную в рецензии статью С.А. Фейгиной. Несмотря на желание В.И. Лебедева разоблачить «политическую вредность» работы С.А. Фейгиной, остальные приняли сторону авторов сборника.

В 1948 г. до исторической науки докатилась кампания по борьбе «буржуазным объективизмом». В «Вопросах истории» была опубликована рецензия доцента МГУ Г.Н. Анпилогова на сборник «Петр Великий». Он писал: «Рецензируемый сборник нельзя признать вполне удачным, несмотря на наличие в нем отдельных статей, имеющих серьезное познавательное значение. Многие статьи имеют значительные недостатки, многие страдают отсутствием обобщений, а статьи А.И. Андреева и С.А. Фейгиной содержат серьезные принципиальные ошибки»². Последнюю рецензент обвинял в преклонении перед западной исторической наукой, найдя в ее статье как «преклонение перед иностранщиной», так и «объективистские» ошибки. «Статья С.А. Фейгиной наряду с полной методологической беспомощностью и аполитичностью, преподнесенных под маркой академического объективизма, является худшим образцом преклонения перед иностранщиной, перед буржуазной реакционной наукой»³, — заключал автор.

В разгар кампании в «Литературной газете» вышла заметка А. Кротова, посвященная положению дел в Институте истории АН СССР. Касаясь «неудовлетворительного качества» печатной продукции Института истории, он среди прочих называл и «Петра Великого». Конкретно он коснулся работ А.И. Андреева и С.А. Фейгиной. Статья А.И. Андреева «Петр Великий в Англии в 1698 г.», по словам автора заметки, «фальсифицирует историю нашей родины,

¹ *Строков А.* О сборнике статей «Петр Великий» // Военная мысль. 1947. № 10. С.84-87.

² *Анпилогов Г.* Рец. на кн.: Петр Великий. Ч. I. Сб. ст. / под ред. А.И. Андреева. М.-Л., 1947 // Вопросы истории. 1948. № 4. С. 120.

³ Там же. С. 122.

пропитана низкопоклонством перед иностранщиной». Причиной тому было, что, якобы, в статье Петр I показан как ученик англичан. Далее утверждалось, что статья С.А. Фейгиной «Иностранная литература о Петре Великом за последнюю четверть века» «пропагандирует антинаучные взгляды буржуазных, в том числе и фашистских историков, обильно цитируя их грязную клевету на великий русский народ и приводя их лживые теории русского исторического процесса»¹.

6 октября 1948 г. на сессии Отделения истории и философии и Отделения литературы и языка АН СССР, посвященной десятилетнему юбилею «Краткого курса», от историков выступила академик А.М. Панкратова. Кроме признания основополагающего значения этой книги А.М. Панкратова значительное внимание уделила тому, что советская историческая наука находится в состоянии постоянной борьбы с немарксистской наукой. «Вся история развития советской исторической науки — это история борьбы марксизма с идеализмом и его пережитками»², — говорила она. При этом она напомнила, что «никогда еще фальсификация истории в целях защиты империализма и его политики не принимала таких размеров, как в настоящий момент»³. Поэтому, с ее точки зрения, особенно вопиющими выглядели попытки некоторых советских историков потакать фальсификаторам истории. В качестве примера были названы А.И. Андреев и С.А. Фейгина, «которые не только не разоблачили подобного рода антисоветские тенденции в буржуазных исторических трудах, но фактически подняли их на щит»⁴. В чем же, с точки зрения выступавшей, заключалась их вина? «Развивая... мысль о том, что петровские преобразования были результатом не исторически сложившихся условий, правильно понятых Петром, а следствием заимствований и влияния высокой английской культуры, т.т. Фейгина и Андреев послушно следуют за своими буржуазными источниками»⁵. Причем Фейгина, по словам А.М. Панкратовой, в этом шла еще дальше, чем А.И. Андреев. Выступавшая упрекнула ее в том, что для нее научность заключается «в богатстве фактического и документального материала»⁶. Таким об-

¹ *Кротов А.* Примиренчество и самоуспокоенность // Литературная газета. 1948. 9 сентября

² Архив Российской академии наук (Далее — АРАН) Ф. 457. Оп. 1/48 г. Ед.хр. 105. Л. 88.

³ Там же. Л. 64.

⁴ Там же. Л. 68.

⁵ Там же. Л. 69.

⁶ Там же. Л. 71.

разом, Фейгина отступала от одного из главных постулатов советской исторической науки — примата принципа партийности над принципом объективности. На заседаниях, посвященных борьбе с «буржуазным объективизмом», проходивших в стенах Института истории, Фейгиной пришлось признать все критические замечания, высказанные в адрес ее работы. Особенно неприятным моментом стало то, что против нее был вынужден выступить ее учитель С.В. Бахрушин. Как руководитель сектора истории СССР до XIX в., в который и входила группа А.И. Андреева, он обязан был показать, что в его отделении идет беспощадная борьба с ошибками. Перед мэтром исторической науки стояла непростая задача: с одной стороны, от него требовалось признание ошибок, а с другой — он должен был покаяться таким образом, чтобы его покаяние не навредило еще больше уже раскритикованному, и при этом не задело тех, кто еще не попал под пристальное око контролирующих органов. В основном ему это удалось: он критиковал только уже умерших авторов, либо тех, кто был подвергнут разбору в опубликованных рецензиях.

Касательно А.И. Андреева выступавший не сказал ничего нового, лишь повторив то, что тот скатывается на идеалистическое понимание реформ Петра как заимствованных с Запада. Правда, здесь маститый историк находился в щекотливой ситуации, поскольку именно он дал положительную рецензию на статью о поездке Петра в Англию.

О статье Фейгиной было сказано более резко. С.В. Бахрушин обвинил ее в «немарксистском» подходе к критике работ зарубежных историков: «статья С.А. Фейгиной не только явилась в этом отношении слишком академичной, но поскольку она критиковала иностранных и враждебных нам писателей, результаты ее работы должны быть признаны резко вредными, поскольку такой академический подход к чужим и враждебным работам в значительной степени затушевывает ту политическую борьбу, которая скрывается за этими работами»¹.

В декабрьском номере «Вопросов истории» вышла редакционная статья с говорящим названием «Против объективизма в исторической науке», где подводились итоги прошедшим обсуждениям. Трех авторов сборника — А.И. Андреева, С.А. Фейгину и Б.Б. Кафенгауза, обвинили в преклонении перед буржуазной исторической наукой. В статье, помимо всего прочего, писалось: «Грубейшие ан-

тимарксистские ошибки содержатся в ряде статей сборника “Петр Великий”... С.А. Фейгина вместо разоблачения зарубежной буржуазной литературы... стала выискивать в ней “ценное” и “полезное”, превратившись, таким образом,... в апологета этой литературы... Некритическое отношение к источнику и к зарубежной литературе привело Андреева к извращению важнейших событий»¹.

И вот тут началась настоящая эпопея с участием Софьи Ароновны. Перед публикацией статьи в злополучном сборнике она готовилась защищать докторскую диссертацию по теме «Внешняя политика России в конце Северной войны. Аландский конгресс», но произошедшие события существенно осложнили ей эту задачу. В 1949 г. стартовала еще более агрессивная кампания по борьбе с «безродным космополитизмом». В особенности от нее пострадали деятели культуры и ученые еврейского происхождения. 1 марта 1949 г., незадолго до громких заседаний в МГУ, ЛГУ, Академии общественных наук при ЦК ВКП (б) и Институте истории АН СССР, Фейгина была уволена из института «за допущенные методологические ошибки в научной работе и ввиду неутверждения ее президиумом АН СССР в должности старшего научного сотрудника»². Когда основные погромы прошли и страсти немного утихли, Софья Ароновна вновь была взята директором Института истории Б.Д. Грековым на работу в июне 1949 г., но только на должность младшего научного сотрудника сектора истории СССР до XIX века. Очевидно, что не обошлось без заступничества Бахрушина. Впрочем, Б.Д. Грекову это вскоре аукнулось: в 1950 г. проходила проверка института, в отчете было указано, что дирекция берет на работу идейно сомнительных элементов³.

Еще одна напасть: в конце года была вновь арестована сестра Любовь, которую 17 февраля 1951 г. по постановлению МГБ приговорили к ссылке на 10 лет в Казахстан как «социально опасный элемент»⁴. Только после XX съезда она была реабилитирована.

Тем не менее, Фейгину не уволили, даже более того, на следующий год состоялась долгожданная защита диссертации. Работа была готова уже к середине 1948 г., труд разросся до 1125 страниц, но С.В. Бахрушин, учитывая негативный резонанс от сборника «Петр Великий», предпочел выдержать паузу и не выводить Софью Ароновну на защиту.

¹ Против объективизма в исторической науке // Вопросы истории. 1948. № 12. С. 7.

² НА ИРИ РАН. Ед.хр. 46. Личное дело С.А. Фейгиной. Л. 50.

³ НИОР РГБ. Ф. 632. (А.Л. Сидоров). К. 80. Ед.хр. 5. Л. 31.

⁴ Просим освободить из тюремного заключения... С. 21.

¹ АРАН Ф. 1577. Оп. 2. Ед.хр. 192. Л. 10.

Теперь, когда борьба против «буржуазных объективистов» и «безродных космополитов» несколько поутихла, а идеологи ринулись громить марризм, этим решили воспользоваться и провести защиту. Она состоялась 11 июня 1951 г. Одним из оппонентов выступил академик Е.В. Тарле, давший очень хороший отзыв, попеняв в нем только на недостаточное использование шведской литературы. Прекрасно понимая специфику времени, он подчеркнул: «Исследование Фейгиной сослужит науке большую службу, так как оно опровергает и обезвреживает столь характерные для историков Англии, Германии, Франции попытки преуменьшить роль и значение России уже в начале XVIII столетия»¹. Защита оказалась успешной: «...Работа прошла единогласно, с овациями»². В овациях была, видимо, и немалая доля моральной поддержки коллег за пережитые трудности. На следующий год Фейгина вновь была утверждена Президиумом АН СССР в качестве старшего научного сотрудника. Но все опять закончилось катастрофой.

В конце 1952 г. ВАК отказался утверждать докторскую степень. Под разными предлогами диссертацию перенаправляли на повторные рецензирования. Наконец, когда работу направили на отзыв к С.И. Архангельскому, за нее вступился Е.В. Тарле. Сохранилось его письмо, в котором академик просит рецензента дать положительное заключение: «Работа Фейгиной — марксистская работа и ученая работа, и патриотическая работа... Все ошибки Фейгиной исправлены полностью...»³. Но даже это не помогло.

Положение Софьи Ароновны осложнилось тем, что в качестве заместителя директора в Институте появился активный борец против «буржуазных объективистов» и «безродных космополитов» А.Л. Сидоров. Защитников у нее теперь не было: С.В. Бахрушин умер, А.И. Андреев переехал в Ленинград, директор Б.Д. Греков болел и находился при смерти. А вот А.Л. Сидоров обладал реальной властью. Для того, чтобы показать свою решимость бороться за реализацию идеологических директив, он начал удалять из Института сотрудников, отмеченных критикой в ходе кампаний.

Под предлогом того, что Фейгина «обнаружила методологическую слабость и не дала ни одной ценной научной работы», ее было решено уволить в связи с сокращением объема работы в секторе. 11 апреля 1953 г. ей было сообщено об этом решении. 17

¹ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел Ю-800. Оп. 1. Д. 24. Л. 14.

² Тарле Е.В. Письмо С.И. Архангельскому. 5 августа 1952 г. // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981. С. 267.

³ Там же.

апреля Софья Ароновна подала в дирекцию заявление с просьбой продлить ее работу до 4 мая, а с 4 мая предоставить двухмесячный очередной отпуск, так как с июля 1953 г. она получает право на пенсию. Дирекция проявила гуманность: просьбу удовлетворили. Но Фейгина попыталась бороться. Она написала заявление в Президиум АН СССР, который вынужден был создать комиссию по выяснению обстоятельств дела. «Специально назначенная комиссия Президиума под председательством проф. В.О. Светлова рассматривала в присутствии С.А. Фейгиной ее заявление и признала необходимым согласиться с отчислением в связи с сокращением штатов»¹. Приказом № 201 Фейгина была отчислена из Института с 27 июля 1953 г. На этом в деле можно поставить точку. Фейгина впоследствии все-таки смогла вернуться в науку, издала монографию и ряд ценных статей. Участвовала она и в работе института. Она умерла в 1983 г.²

Что дает нам непростая и полная жизненных зигзагов биография Софьи Ароновны Фейгиной в понимании чрезвычайно запутанной истории идеологических кампаний послевоенного времени? Кроме всего прочего, перипетии неоднократных увольнений и возвращений Фейгиной позволяют сделать вывод о том, что критика, даже в центральных идеологических и научных органах печати, не обязательно приводила немедленно к изоляции даже не самого известного и выдающегося ученого, к тому же отягощенного порочащими родственными связями. В этих условиях начинали работать и другие механизмы, сформировавшиеся вне командно-административной системы: корпоративная солидарность, человеческие и деловые связи, поддержка известных историков и т.д. Они позволяли смягчить последствия гонений. Корпорация историков, во всяком случае, ее часть, причем очень авторитетная и влиятельная, не спешила выполнять требования идеологов, понимая, что неповоротливая бюрократическая система всегда даст новый шанс жертве.

¹ НА ИРИ РАН. Ед.хр. 46. Личное дело С.А. Фейгиной. Л. 50.

² Дата смерти взята: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле: историк и время. СПб., 2014. С. 299.

Очерк 12

Историки и государственная власть во второй половине 1940-х-начале 1950-х гг.

Послевоенное время традиционно связывают со стабилизацией советской системы, а также изменением международного статуса СССР, ставшего сверхдержавой. Эти два фактора определяли вектор развития советской внутренней политики, который отличала высокая «плотность» идеологических кампаний. Эти кампании оказали большое влияние на историческую науку. Послевоенное время часто называют «апогеем сталинизма», когда авторитет Сталина достиг в советском обществе максимума.

В 1947–1948 гг. прошла кампания по борьбе с «буржуазным объективизмом», начавшаяся с дискуссии о книге Г.А. Александрова «История западной философии». В исторической науке разгромной критике подверглись книга Н.Л. Рубинштейна «Русская историография», монография С.Б. Веселовского «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси», сборник «Петр Первый» и т.д. Их осуждали, как было показано в предыдущих очерках, за отступление от принципа партийности в изучении истории, выразившегося в «объективизме» исторических оценок, преклонении перед буржуазной наукой. Еще агрессивнее была кампания по борьбе с «безродным космополитизмом». Ее жертвами в основном стали историки еврейского происхождения: Н.Л. Рубинштейн, Е.Н. Городецкий, И.И. Минц, Е.В. Тарле, С.Я. Лурье, Л.И. Зубок и др. Их обвиняли в антипатриотизме и преклонении перед Западом, стремлении сознательно извратить и принизить отечественную историю.

Кампании стали действенной формой регуляции интеллектуальной жизни страны. Причину их активизации исследователи видят в стремлении вождя и выращенной им номенклатуры мобилизовать общество в условиях не только международной напряженности, но и роста внутреннего свободомыслия, обусловленного победой в Великой Отечественной войне¹.

¹ Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009. С. 117; Наджафов Д.Г. Введение // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы. М., 2005; Сонин А.С. Борьба с космополитизмом в советской науке. М., 2011. и др.

Особенно властей беспокоила интеллигенция. На нее обрушились самые сильные удары, поскольку стояла задача поставить ее под контроль власти. Причем зачастую били по самым авторитетным представителям науки и культуры: знаменитым писателям, выдающимся ученым. Во-первых, для запугивания самих лидеров, во-вторых, чтобы продемонстрировать всю силу системы основной массе населения.

Еще одной немаловажной причиной являлось стремление партии и правительства «выпустить пар», накопившийся в сфере социальных отношений. Несмотря на все пропагандистские лозунги, жизнь в стране принципиально не улучшалась. В этих условиях борьба с внутренним врагом — апробированная модель переключения внимания населения с реальных проблем на идеологические. Многие со злорадством восприняли разгром представителей интеллигенции, которые стояли на социальной лестнице заметно выше и, следовательно, жили лучше¹. Существовал и латентный конфликт и внутри интеллигенции: те, кто находился на вершине, получили отдельные квартиры, хорошие зарплаты и все блага советской цивилизации, в то время как рядовые работники «интеллектуального фронта» продолжали ютиться в коммуналках и жить от зарплаты к зарплате.

Важную роль играл внешнеполитический фактор². От сотрудничества со странами-союзницами по антигитлеровской коалиции СССР перешел к конфронтации. Уже прозвучала знаменитая речь У. Черчилля в Фултоне, последовал на нее советский ответ. Мир все больше втягивался в «холодную войну». Если в военные годы историки искали в прошлом корни дружбы с союзниками, то по мере нарастания холодной войны история превращалась в орудие борьбы за советские внешнеполитические приоритеты. Так, в США и Англии был опубликован сборник документов «Нацистско-советские отношения 1939–1941 гг.». В ответ советская сторона выпустила брошюру «Фальсификаторы истории (историческая справка)» (1948), в которой оправдывалась внешняя политика СССР накануне войны и осуждалась политика Англии, Франции и США.

Новая мировая конфигурация сил толкала власти к очередной «мобилизации интеллекта» в военных нуждах. Не успев «отой-

¹ Лейбович О. Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. 2-е изд. М., 2008.

² Сидорова Л.А. Внешнеполитический фактор развития советской исторической науки в середине XX века // Раздвигая горизонты науки. К 90-летию академика С.Л.Тихвинского. М., 2008.

ти» от накала пропаганды времен Великой Отечественной войны, советские ученые и деятели культуры вновь были «призваны» государством и партией на идеологический фронт. Внешнеполитические факторы все отчетливее проявлялись и во внутренней политике: прошла критика журналов «Звезда» и «Ленинград», была «разоблачена» вредительская деятельность Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскина и т.д.

13 августа 1947 г. в «Правде» вышла статья «Советский патриотизм» первого заместителя начальника (а затем и начальника) Управления пропаганды и агитации ЦК КПСС Д.Т. Шипилова. Он утверждал, что СССР уже не догоняет развитые западные страны, а «странам буржуазных демократий, по своему политическому строю отставшим от СССР на целую историческую эпоху, придется догнать первую страну подлинного народовластия»¹. Такое заявление прямо подводило к выводу о самодостаточности советской и русской истории и культуры. Это и стало лейтмотивом кампаний.

В современной литературе можно встретить мнение, что идеологические кампании послевоенного времени следует рассматривать как монолит, не делая между ними принципиальной разницы. В исследованиях часто так и указывается «кампания по борьбе с “буржуазным объективизмом” и “космополитизмом”». Так, А.С. Сонин смешивает все кампании в одну — антикосмополитическую, исходя из того, что они подчинялись схожим идеологическим установкам и реализовывались одними и теми же методами². Это не так. Кампании действительно превращались в своеобразный снежный ком, который вбирал в себя идеологемы предыдущих, но акценты в них все же смещались. Это необходимо учитывать, иначе можно сделать ту же ошибку, что и Сонин, который описывал критику работ А.И. Яковлева и С.Б. Веселовского как борьбу с космополитизмом. Между тем, указанным историкам ни разу не ставились в вину космополитические ошибки — их работы громили за «буржуазный объективизм»³.

История, чья пропагандистская эффективность наглядно показала себя в годы войны, окончательно превратилась в «участок идеологического фронта». По всей стране открывались исторические факультеты, на которых обучалось больше студентов, чем на

остальных специальностях. Особое внимание уделялось изучению истории советского периода, как наиболее идеологически важного участка. В 1946 г. вышла вызвавшая широкий резонанс статья Э.Б. Генкиной, где говорилось о необходимости расширения проблематики изучения советского периода, а не замыкаться на истории революции и Гражданской войны. Но историки шли на это неохотно. Частые колебания политики партии делали занятие советской историей небезопасным: в любой момент исследователь мог быть обвинен не в научных, а политических ошибках.

Заметное влияние на исторические исследования оказали и дискуссии по вопросам языкознания (1951) и политэкономии (1951). В них И.В. Сталин выступил в качестве главного арбитра. В ходе первой он подчеркнул несостоятельность теорий Н.Я. Марра о стадийном развитии языка от первоначального яфетического до высшего, индоевропейского, путем революционных скачков, а также классовой обусловленности языка. Сталин признал важную роль миграций народов в этногенезе. Разгром марризма позволил отказаться от постулата об автохтонном характере развития народов, показать процессы миграции, взаимовлияния культур и т.д. Дискуссия о политэкономии и публикация в 1952 г. работы И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» спровоцировали поиск историками «основных экономических законов» в прошлом.

Идеологические кампании и дискуссии не были только лишь формой давления власти на научно-историческое сообщество. В значительной степени их ход направлялся состоянием самого сообщества историков. Многие принимали в них участие с целью устранения конкурентов, утверждения своих концепций, захвата административных должностей и т.д. Например, как уже упоминалось, А.Л. Сидоров направил все свои усилия на разгром И.И. Минца и его учеников, чтобы утвердить собственное лидерство в советской науке¹.

Роль идеологических кампаний в развитии советской исторической науки, безусловно, отрицательна. Однако, как ни странно, можно выделить и некоторые положительные аспекты. Так, разгром марризма позволил повернуть исследования древнейших периодов в строго научное русло. Активная борьба с отечественной и зарубежной буржуазной историографией, инициированная идео-

¹ Шепилов В.Т. Советский патриотизм // Правда. 1947. 13 августа.

² Сонин А.С. Борьба с космополитизмом в советской науке. М., 2011.

³ Тихонов В.В. Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М., 2012. С. 302-317.

¹ См.: Тихонов В.В. «...Забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его прихвостней»: разгром «группы» историка И.И. Минца в годы идеологических кампаний «позднего сталинизма» // «NB: Исторические исследования». Электронный журнал. 2013 № 2. // http://e-notabene.ru/hr/article_701.html

логами, дала импульс развитию историографических исследований в СССР, способствовала институционализации историографии как особого направления исследований, увеличению численности историографов. Схожие процессы наблюдались и в изучении советской истории, где также заметен быстрый рост кадров, научных институтов, изданий, конференций и т.д.

По свидетельству А.М. Некрича, агрессивность и широта идеологических погромов стали неожиданностью для самих идеологов: «В ЦК было созвано совещание, и последовал сигнал отбой. Сразу же пошли разговоры о перегибах и о том, что очень видный руководящий товарищ, осуждая перегибы, будто бы сказал: “Мы здесь в Центральном Комитете партии, сказали предостерегающее “Эй!...”, а на местах аукнулось “Бей!”»¹. Все указанное свидетельствует, что неверно рассматривать советскую идеологическую систему как четко отлаженный механизм, безоговорочно проводящий в жизнь приказы сверху. Более того, очевиден высокий потенциал ее «саморегуляции». Освоив механизмы работы репрессивной машины, историки сами были готовы искать виноватых, порой даже опережая пожелания вышестоящих органов.

Особенностью послевоенного времени стало появление в исторической науке нового поколения ученых. Выросшие уже при советской власти, они почти не знали другой жизни, были воспитаны на идеалах социализма и верности советскому строю. Многие из них критически смотрели на происходящее вокруг, но все же предпочитали приспособливаться к существующим реалиям. Война способствовала оформлению нового поколения.

Для понимания сути этих трансформаций обратимся к работам признанного специалиста в области военно-исторической антропологии Е.С. Сеньявской. Одним из следствий военной реальности становится «фронтный максимализм», когда в «конфликтах мирного времени трудно сдерживать себя, проявлять гибкость, уступчивость, идти на компромиссы. Непримируемость в большинстве случаев становится одной из отличительных черт характера»².

Война формировала и амбивалентное социальное поведение. С одной стороны, в армии приучали к исполнительности, с другой — «формируется сильный независимый характер, волевая личность, способная принимать решения, независимые от авторитетов»³.

¹ Некрич А.М. Отрешись от страха. Воспоминания историка. Лондон, 1979. С. 63.

² Сеньявская Е.С. 1941-1945: Фронтное поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995. С. 31.

³ Там же.

С этой двойственностью в психологии военного поколения приходится постоянно сталкиваться при изучении их роли в послевоенной исторической науке. Еще одно важное наблюдение специалиста: «... Культурные настроения во время войны усилились»¹.

Война оказала и другие воздействия социального плана, которые необходимо учитывать в изучении послевоенной реальности. «Место формального контроля (который ранее был преобладающим) занял самоконтроль и неформальный контроль со стороны малых социальных групп...»². Это создавало предпосылки для еще большей фрагментации научно-исторического сообщества: усилилось стремление историков «разбрестись» по своим узким группам и жить их интересами.

«Новой формацией» Е.В. Гутнова окрестила особый типаж студентов и ученых, который возникает в конце 30-х и оформляется в послевоенное время³. Восстановление исторических факультетов и рост престижа вузовского образования привел к тому, что туда хлынула волна абитуриентов, для которых образование было не целью, а средством достижения материальных благ, социальным лифтом и драйвером в карьере. Новый социальный тип отличался как от дореволюционной интеллигенции, так и от поколения Октябрьской революции.

Дореволюционная интеллигенция рассматривала высшее образование как обязательный элемент саморазвития и слежения науке и обществу. Романтики и догматики 20-х гг., готовые служить строительству нового общества бескорыстно, оказались сметены волной репрессий 30-х гг. Уцелели те, кто лучше лавировал и приспособивался. В это же время заметно и перерождение партии. Все большую роль начинают играть те социальные привилегии, которые давало членство в ней. Поколение, вступившее во взрослую жизнь в 30-х гг. иной, несоветской, действительности почти не знало, поэтому стремилось встроиться в новую социальную иерархию, занять в ней как можно более высокое положение.

Уровень образования многих желал лучшего, поэтому они предпочитали ориентироваться на историю советского общества, а еще лучше партии. Здесь не требовалось учить древние или иностранные языки, осваивать множество томов исследований и докумен-

¹ Там же. С. 133.

² Зубкова Е.Ю. Послевоенное общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 1999. С. 22.

³ Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001. С. 259. Автор использует этот термин, но не дает его развернутой характеристики

тов. Даже публиковаться почти не требовалось, поскольку постоянная смена идеологических акцентов не позволяла поспевать за конъюнктурой. Отсюда низкая научная продуктивность, о которой постоянно твердилось, и которая даже не скрывалась, хотя формально и осуждалась. Слой «партийных» историков «новой формации», воспитанных на догмах «Краткого курса», начал формироваться еще в конце 30-х гг. Его представителей отличали догматизм и активность в поиске идеологических ошибок.

Некоторые представители «интеллигентов новой формации» пытались максимально заполнить имеющиеся пробелы в образовании. Они стали квалифицированными, даже выдающимися, учеными, преподавателями. Но основная масса, как уже говорилось, была нацелена на карьеру. Их социальной средой было крестьянство и городской пролетариат. Правильное происхождение позволяло легко пройти сито отбора в университеты и аспирантуру, где зачастую происходило соревнование не ума и таланта, а анкетных данных. Многие были из провинции, а провинциалы, как известно, народ цепкий.

Война, смешавшая отдельные судьбы, людские массы, социальные типы, явила стране новый общественный феномен — «фронтовиков». Среди них представителей «новой формации» было еще больше. Вернувшись с войны, они считали, что теперь им должно воздаться. Общественно активные люди, уже немалодые по сравнению со вчерашними школьниками, они стремились наверстать в жизни то, что отобрало у них военное время.

В науку и высшее образование оказались направлены крупные финансовые средства. Быть ученым, преподавателем вуза стало очень престижно. Резко выросли должностные оклады, особенно у тех, кто занимал верхние ярусы пирамиды. Интеллектуальный труд давал возможность выбраться в элиту советского общества¹. Фактически складывалась особая страта советского общества. Как следствие, стремление студентов не только получить диплом, но и защитить диссертацию получило зримые стимулы. Для власти же внимание к науке имело еще один аспект: блага способствовали росту лояльности научного сообщества, причем не показной, а реальной.

Естественно, что все это сказывалось на качестве исследовательской продукции, приводя к ее усреднению и массовизации. В целом этот процесс необходимо рассматривать как неизбежный,

¹ Подробнее: *Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. М., 2012. С. 211-244.

отвечающий тенденции к превращению производства научного знания в массовый труд. Тем не менее, в СССР, где в общественных и гуманитарных науках влияние идеологии было чрезвычайно велико, это часто превращалось в процесс штамповки однотипных сочинений с заранее заданными выводами. В послевоенное время широкое хождение в научных кругах получила шутка: «... “Год великого перелома” в истории нашей страны имел место дважды — в 1930-м году середняк пошел в колхоз, а теперь “середняк пошел в докторантуру”»¹. Как пишет А.Я. Гуревич: «Стало выгодным защитить докторскую диссертацию любой ценой, ибо это открывало возможность занять профессорское место, дававшее известные привилегии и регалии»².

Впрочем, «кузницей кадров» для данной научно-общественной категории были отнюдь не центральные университеты и педагогические институты. Дело в том, что люди такого склада ума стремились сделать карьеру прежде всего в партийных и идеологических структурах. Для повышения качества партийных кадров и их идейной подготовки в 1946 г. была создана Академия общественных наук (АОН) при ЦК ВКП(б)³. В ее состав входила и кафедра истории, при которой существовала аспирантура. Здесь готовились специалисты по новейшим периодам истории. Несмотря на то, что в Академии преподавали ведущие ученые-обществоведы СССР, ее выпускники пользовались плохой репутацией. В систему партийного образования входили и многочисленные Высшие партийные школы (ВПШ). По свидетельству Л.Ю. Слезкина, «развилось целое искусство делать карьеру, “руководствуясь линией партии”». В институте [Институте истории АН СССР — *В.Т.*] это искусство особенно культивировали пришедшие туда выпускники Высшей партийной школы и Академии общественных наук»⁴. Выпускников АОН продвигали на высшие посты в науке, они занимали ключевые партийные должности в партиячках институтов и вузов.

Рассадниками таких «партийных историков» были многочисленные кафедры истории партии, частично истории СССР и нового и новейшего времени. Студент послевоенного истфака МГУ А.А. Формозов вспоминал: «Наряду с обломками старины... и та-

¹ *Гуревич А.Я.* История историка. М., 2004. С. 35.

² Там же.

³ *Чернобаев А.А.* Кафедра истории СССР АОН при ЦК ВКП (б) в 1946-1953 гг. (по документам РГАСПИ) // Вестник архивиста. 2007. № 2. С. 192.

⁴ *Слезкин Л.Ю.* Памяти друга // Отрешившийся от страха. Памяти А.М. Некрича. М., 1996. С. 13.

лантливими сорокалетними профессорами... на факультете преподавали совершенные ничтожества и отпетая сволочь... Подобной публикой изобиловали кафедры истории партии, истории СССР периода социализма, новой и новейшей истории... В годы “борьбы с антипатриотами”, решений ЦК о литературе и искусстве, биологической и лингвистической “дискуссий” вся эта нечисть чрезвычайно оживилась. При мне в МГУ распоряжалась именно она»¹.

Заметную роль в этой среде играли не только партийные деятели, но бывшие военные и сотрудники спецслужб: «Кадры историков в 50-е годы были более неоднородными, чем сейчас, особенно в области изучения новейшей истории... Значительную прослойку составляли здесь люди, которые попали в науку не по призванию, а по причине каприза судьбы и крушения чиновничьей карьеры... В академические гуманитарные институты шел поток отставных офицеров, бывших дипломатических работников, бывших сотрудников государственной безопасности»².

Итак, молодое поколение стало важным актором процессов, развернувшихся в сфере взаимодействия власти и научно-исторического сообщества. По мнению некоторых специалистов, именно в послевоенное время оформляется симбиоз между советской властью и наукой, схожий с уже описанным феноменом «мандаринов»³. Высокое социальное положение практически гарантировало лояльность действующей власти. Но не только корыстные интересы двигали учеными. «...Они чувствовали, что служат своей стране и ее культуре, а сам их тесный симбиоз с государством был выведен за пределы их сознания»⁴.

Отход от ортодоксии начался практически сразу вслед за смертью Сталина¹. В 1955 г. советские историки впервые за многие годы приехали на Международный конгресс исторических наук, проходивший тогда в Риме. Определенное воздействие оказали и волнения в странах социалистического лагеря. «После... венгерских событий на многое уже смотрел другими глазами»², — вспоминал историк Фр. Фирсов. Однако наиболее серьезно изменил интеллектуальную атмосферу в стране XX съезд партии. По мнению социолога В. Воронкова, это событие буквально разорвало единомыслие советского общества, создав предпосылки для активизации инакомыслия и разномыслия³. Данное утверждение представляется сильно преувеличенным, поскольку разномыслие/инакомыслие существовало на всем протяжении советской истории. Но тот факт, что XX съезд мощно стимулировал процессы рефлексии, осмысления окружающей действительности, оспорить невозможно.

Здесь уместно подробнее остановиться на понятии «разномыслие», поскольку оно наиболее точно отражает отношение советской интеллигенции (в том числе и историков) к действующей власти. Данное понятие было введено в научный оборот социологом Б.М. Фирсовым, указавшим, что абсолютное большинство граждан СССР принимали советский строй, хотя и не соглашаясь с официальной идеологией по многим вопросам⁴.

¹ Сидорова Л.А. Феномен «санкционированной свободы»: «Вопросы истории» академика А.М. Панкратовой // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 532-537; Юрганов Ю.Л. Первый шаг в десталинизации исторической науки // Историкографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева. Сб. ст. Т. I. М., 2013. С. 295-306.

² Фирсов Фр. 34 года в Институте Марксизма-ленинизма. Воспоминания историка. М., 2013. С.52.

³ Воронков В. 25 февраля 1956 года — начало «разномыслия» в СССР // Разномыслие в СССР и России (1945-2008) / Под. общ. ред. Б.М. Фирсова. СПб., 2010. С. 28-36.

⁴ Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы. История, теория и практики. СПб., 2008.

¹ Формозов А.А. Записки русского археолога. (1940-1970-е годы). М., 2011. С. 44.

² Некрич А.М. Отрешись от страха. С. 162. Это замечание верно и для 40-х гг.

³ Александров Д.А. Немецкие мандарины и уроки сравнительной истории // Рингер Фр. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890-1933. М., 2008. С. 627-630.

⁴ Там же. С. 630.

Об этом свидетельствуют и воспоминания об атмосфере 60—70-х гг. историка Б.Г. Тартаковского, работавшего в самом ортодоксальном научно-историческом учреждении СССР — Институте Маркса, Энгельса и Ленина. «Надо честно сказать, что и наши сомнения, и наши оценки “нового” руководства не выходили за рамки дружеских разговоров. Мы возмущались и гонениями на художников, и “делом Пастернака”, и преследованием Бродского..., и процессами диссидентов, но не помню, чтобы кому-то в нашей среде приходило в голову делать какие-то серьезные обобщения. Сомнения в возможности — пусть в некое отдаленное время — смены капитализма новым, более передовым социалистическим общественным строем у меня тогда не возникало... То, что происходило в стране, мы старались объяснить и сложностью исторического перехода к новой общественно-политической формации, и персональными качествами Сталина, и сложившейся при нем системе партийно-государственного управления. И хотя развитие событий усиливало из года в год критическое отношение к советской действительности, это как-то уживалось с сохранением уверенности в прогрессивности исторического развития»¹. Для среды советской интеллигенции именно разномыслие являлось типичной формой критического осмысления окружающей действительности. В рамки этого феномена укладываются практически все события непростой и малоизученной истории отношения власти и научно-исторического сообщества в последние десятилетия существования СССР.

Процессы либерализации после XX съезда интеллектуальной жизни дали заметные плоды и в исторической науке. Частью научно-исторического сообщества был взят курс на десталинизацию исторического знания. Этот путь носил противоречивый характер. Широко известна история критики и разгрома журнала «Вопросы истории», возглавляемого академиком А.М. Панкратовой. Редакция, не ставя под сомнение общую концепцию Октябрьской революции, взяла курс на переоценку некоторых ее элементов. Даже такая робкая попытка вызвала цепную реакцию, включавшую сигналы бдительных читателей и конкурентов, завершившуюся постановлением ЦК от 9 марта 1957 г. и расформированием редколлегии². Вместе с тем параллельно с разгромом «Вопросов истории» проис-

¹ Тартаковский Б.Г. Все это было... Воспоминания об исчезающем поколении. М., 2005. С. 389.

² Подробнее см.: Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997. 109-162.

ходит расширение сети научно-исторической периодики¹. Данный феномен пока не получил адекватного объяснения. Не меньший резонанс получили события вокруг книги А.А. Зимина, посвященной доказательству подложности «Слова о полку Игореве». Активную роль в организации критики сыграл отдел науки ЦК².

Отмеченные события недвусмысленно сигнализировали: существует ряд вопросов истории, которые лежат вне «чистой науки», являясь частью идеологии.

Подробнее стоит остановиться на т.н. «даниловском парткоме». Суть событий вкратце такова. В ноябре 1964 г. в Институте истории АН СССР прошли выборы в местный партком. Неожиданно старый партком практически весь забаллотировали и выбрали новый состав во главе с историком-аграрником В.П. Даниловым. Новое руководство не ограничилось исключительно внутренней жизнью коллектива института, начав делать острые по тем временам заявления и последовательно выступая против реабилитации сталинизма³. Данный эпизод показателен тем, что источник беспокойства для идеологов возник не в результате появления внесистемного интеллектуального центра, а вследствие самостоятельных действий партийных структур, пускай и локальных — то есть элементов самой системы. Деятельность парткома натолкнулась на противодействие занявшего в 1965 г. должность заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК С.П. Трапезникова. События в Чехословакии в 1968 г. породили у руководства страны опасение, что местные, пусть и умеренные, вольнодумцы станут источником дестабилизации страны. Прекратить деятельность беспокойного парткома удалось только при помощи реорганизации в 1968 г. Института истории и разделения его на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории.

¹ Степанов Б. Инерция реформы: советская культурная политика 1950-1960-х годов в зеркале исторической периодики // Время, вперед! Культурная политика в СССР. М., 2013. С. 148-160.

² Базанов С.Н. Идеологический отдел ЦК КПСС и монография А.А. Зимина «Слово о полку Игореве» // История и историки: историографический вестник. 2011-2012. М., 2013. С. 198-205.

³ Дробкин Я.С. «Даниловский партком» и «дело Некрича» // Отрешившийся от страха. М., 1996. С. 88-94; Поликарпов В.В. «Новое направление» 50-70-х годов: последняя дискуссия советских историков // Советская историческая наука. М., 1996. С. 349-388; Есаков В.Д. Историки в эпоху войн, революций и советского строя // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011. С. 43-51; Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями. 1966-1968 гг. // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 44-80; № 1. С. 61-95; № 2. С. 44-83.

Свертывание «оттепельных» процессов проявилось и в деле А.М. Некрича, выпустившего в 1965 г. научно-популярную книгу, в которой доказывалось, что вина за поражения первых месяцев в годы Великой Отечественной войны лежит на Сталине. Комиссия партийного контроля признала книгу вредной, на нее появилась разгромная рецензия в журнале «Вопросы истории КПСС». Автора вскоре перестали печатать и он эмигрировал.

Перечисленные случаи не отменяют факта либерализации советского режима. После смерти Сталина партия и государство перешли от авторитарной модели личной власти к сложной системе иерархической бюрократии. Это также давало определенное пространство для маневра. Именно тогда появилась шутка о том, что в Советском Союзе власть хоть и однопартийная, но многоподъездная. Работникам интеллектуального труда можно было активнее и эффективнее играть на противоречиях разных ведомств. При этом происходит заметная трансформация самого партийно-бюрократического аппарата, в ряды которого проникает новая генерация партийных деятелей. Их условно можно назвать реформистами-партийцами. Несмотря на высокие должности, им не было чуждо разномыслие и даже инакомыслие. Они понимали абсурдность многих запретов и иногда с сочувствием относились к гонимым¹. Противоречивость партаппарата, его идейная неоднородность не остались незамеченными для наблюдателей. «...Смутно угадывалось и другое: определенное идеологическое расслоение, формирование в аппарате ЦК либерально-коммунистических настроений, тайные грезы по НЭПу, “позднему” Ленину, Бухарину, особенно в среде тех, кто представлял «мозговые центры» отделов ЦК и Совмина и, напротив, консолидация железобетонных партийцев, сторонников сильной сталинской руки в партии и государстве»², — вспоминал А.Н. Сахаров.

В постсталинском СССР наглядно проявилась и еще одна важнейшая тенденция — процесс сращивания партийной и научно-преподавательской элиты. Еще в послевоенное время в среду ученых стали «ссылать» проштрафившихся партийцев. Были среди них и крупные фигуры, например, Б.Г. Гафуров. Академическими званиями были отмечены и видные партийные деятели Б.Н. Поно-

¹ См.: Буббайер Ф. Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. М., 2010. С. 240-266.

² Сахаров А.Н. Трудный путь в науке // Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004. С. 917.

марев и П.Н. Поспелов¹. Их появление привело к ряду негативных явлений (уж точно, мало способствовало развитию науки). Однако, в то же время, обладая широким кругом связей в «верхах», они превратились в своеобразный мостик между научными учреждениями и властью. Многие вопросы помогал решать именно их бывлой партийный статус.

В 1970-е гг. начало набирать силу еще одно явление. В среде партфункционеров стало модным получать научную степень. «В чем тут было дело? По-видимому, именно тогда среди партийных функционеров стало заметно больше желающих обзавестись в дополнение к должностям учеными степенями и званиям», — размышлял И.С. Розенталь². С точки зрения Б.М. Фирсова, в номенклатурной среде возник своеобразный феномен, когда «партийно-государственная элита хотела равенства, но не с народом, а с той интеллектуальной элитой, которая жила самостоятельно, окутанная особой аурой, и тем более притягательной, чем недоступнее она рисовалась сознанию не только рядового человека, но и представителей партийно-государственной номенклатуры»³. Представляется, что такое «лиричное» объяснение явно недостаточно. В послевоенное время в ряды партии рекрутировали в основном людей с высшим образованием, прошедших обучение в вузах, а, следовательно, могущих претендовать на отнесение если не к научной, то к интеллектуальной элите. Таким образом, они имели представление об университетских ценностях, и для них социальная роль профессора, его влияния на студенчество было не пустым звуком, а частью их жизненного опыта. Многие способные к научным изысканиям молодые выпускники попадали на партработу, однако не оставляли грез об ученых регалиях. Немаловажно и другое. Партийная карьера — штука капризная. Личная ошибка, падение патрона и т.д. могли ее прервать или прекратить вовсе. Ученая степень играла роль своеобразной «подушки безопасности»: в случае краха бюрократической карьеры можно было устроиться в вуз или академический институт. Интересно, что удачнее всего феномен «бюрократа со степенью» и его мотивацию описал писатель Ю. Поляков в повести «Апофегей».

Связь высшей бюрократии с научной средой обеспечивалась еще и детьми чиновников, которые, не имея склонности к партий-

¹ Поляков Ю.А. Минувшее. Фрагменты. М., 2011. С. 120-121.

² Розенталь И.С. За синей птицей. М., 2012. С. 188.

³ Фирсов Б.М. История советской социологии. С. 106-107.

но-бюрократической работе, пополняли собой академические институты в качестве научных сотрудников.

Итак, XX съезд стал гарантией для общества (и партбюрократии), что массовые репрессии отошли в прошлое, а физическое устранение инакомыслящих и просто неугодных было заменено более изощренными методами контроля и наказания. Например, замеченному в нелояльности могли отказать в командировке за рубеж, перестать печатать, уволить с работы (учитывая, что все научные учреждения были государственными, это иногда заставляло сменить специальность). В 1960–80-е гг. советская научная среда разделилась на «выездных» и «невыездных», «послушных» и «непослушных», «привилегированных» и маргиналов.

Ослабление давления властных инстанций было ощутимым. Но все же не принимать его в расчет было нельзя. «Приходилось действовать осмотрительно. Когда в начале 70-х годов я работал над своими книгами, то старался никому не рассказывать об этом, кроме близких друзей. Потому что время было такое — эпоха Брежнева. Власть уже не была всемогущей, но гадили на каждом шагу»¹, — вспоминает историк А.Я. Гуревич.

Действенным орудием в борьбе против идейно чуждых исследований оставалась цензура. Ее дополняла самоцензура. Так, А.Я. Гуревич отводит ей важную роль в поддержании официозных исторических концепций: «Автор сам проделывал ту работу, которая по законам общественного разделения труда должна была производиться. Поэтому научные труды уже на стадии подготовки к изданию получались куцыми, их «зарезали» сами авторы. Я не хочу сказать, что так поступали все советские историки — они были разные, и судьбы их трудов складывались тоже по-разному, но, так или иначе, все это имело место»². Еще на стадии подготовки труда к обсуждению или печати исследователь смотрел на него с точки зрения того, насколько он удовлетворяет идеологическим требованиям. Стремился сделать его прохождением через сито обсуждений, редакторы и цензуры максимально безболезненным.

Очень многих вполне устраивала сложившаяся система, поскольку она гарантировала трудоустройство и относительно высокий социальный статус. Современный историк В.А. Бердинских, окончивший Горьковский университет вспоминает: «Помню, как на одной из лекций первого курса университета в 1973 год наш де-

кан заявил нам на полном серьезе: “Вы — бойцы идеологического фронта! И это хорошо, поскольку кусок хлеба (когда с маслом, когда без) нам с вами государство всегда обеспечит”»¹. История, особенно история КПСС, относились к привилегированным наукам. Часто вспоминались слова Маркса и Энгельса: «Есть только одна наука, наука истории...». Фактически история являлась фундаментом советской идеологии, поскольку именно исторические события (революция, Гражданская война, Великая Отечественная война) должны были подтверждать эффективность советской общественной модели.

Отсутствие реальной гарантии независимости научной мысли порождало различные модели взаимодействия с властью. Б.М. Фирсов на примере социологов выделил семь таких моделей. Думается, что они вполне подходят и к другим наукам, во всяком случае, гуманитарного и обществоведческого профиля².

Модель 1. Индивидуальное существование в нише профессиональной деятельности. Данная модель предполагала уход ученого от любых проблем не связанных с научно-исследовательской деятельностью. Как правило, историк углублялся в свою предметную область, часто весьма узкую. Максимально ограничивались контакты с неформальными организациями коллег. Представители данного типа, по сути, являлись одиночками.

Модель 2. Дистанцирование от власти. Многие видели недостатки режима и демонстративно отказывались от любых контактов с действующей властью. Они готовы были морально поддерживать протестные настроения (например, подписать письмо), но на полноценный протест у них не хватало, по разным причинам, смелости.

Модель 3. Коллективная иммунная защита от власти на основе «игр по правилам». «В этом случае не было открытого протеста или борьбы, но существовало скрытое сопротивление попыткам идеологизации науки, профессиональной деятельности. Поведение внутри замкнутого круга профессионалов не совпадало с официальным внешним поведением. Это давалось нелегко, требовало определенной способности к «мимикрии», к колебаниям вместе с линией партии. Но выигрыш был очевиден — сохранялась профессиональная среда. «Правила игры» включали в себя определенную интеграцию с системой и вынужденно-примирительное отноше-

¹ Гуревич А.Я. История историка. М., 2004. С. 198.

² Там же. С. 97.

¹ Бердинских В.А. Ремесло историка в России. М., 2009. С. 125.

² Фирсов Б.М. История советской социологии. С. 137–156.

ние к некоторым нелегитимным действиям и запретам со стороны власти... Собственно профессиональная деятельность в подобных условиях опирались на правила безопасности. Одно из них состояло в поиске нейтральных или общественно одобряемых.. тем»¹.

Модель 4. Социальный конструктивизм в сочетании с критическим отношением к институтам партийно-государственной власти. Данная модель сочетала осуждение социального порядка в стране со стремлением его улучшить. При этом признавались ценности социализма. Данный тип был характерен для шестидесятников.

Модель 5. Активное сотрудничество с органами власти. Такая позиция помогала отстаивать интересы сообщества, лоббировать проекты в верхах.

Модель 6. Поддержка режима из карьерных соображений.

Модель 7. Независимо мыслящий ученый.

Выбор модели был индивидуален, зависел от личных качеств и жизненных приоритетов. Все же для большинства историков главной была возможность заниматься научной деятельностью. Поэтому выбор (если его возможность вообще возникала) делался в пользу компромисса. В условиях монометодологического и моноидеологического интеллектуального пространства главным выходом из ситуации стала для многих «идеология профессионализма». Историки стремились максимально дистанцироваться от политической «злобы дня» и сосредоточивались на относительно деидеологизированных сюжетах (например, древнейшей истории) и анализе фактов. По наблюдениям Н.Е. Копосова, «это создает некоторую защиту для развития серьезных научных исследований, однако не слишком надежную, поскольку автономия академической среды остается призрачной»². Все же именно научное разномыслие, не отрицающее легитимности самого строя, оказалось в числе тех явлений, подготовивших «перестройку»³.

В то время как в среде профессионалов появление принципиально новой по сравнению с официальной исторической концепции было практически невозможным, в неформальной среде (дис-

¹ Там же. С. 143.

² Копосов Н.Е. Советская историография, марксизм и тоталитаризм // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 61.

³ Травина Е., Травин Дм. Разномыслие как предпосылка Перестройки // Разномыслие в СССР и России (1945-2088). СПб., 2010. С. 159-179.

сидентов и инакомыслящих) такие концепции рождались¹. Из-за элементарного непрофессионализма и радикализма их авторов такие концепции оказывались далеки от исторической реальности. Однако отсутствие у профессиональных историков навыков взаимодействия с публикой приводило к тому, что именно эти концепции становились реальными конкурентами официальной. И именно они с ослаблением, а затем и ее падением власти партии заняли пустующую нишу в массовом историческом сознании.

Краткий период второй половины 1980-х гг. — особая эпоха в интеллектуальной жизни страны. Выше уже говорилось, что история, точнее ее советская интерпретация, являлась важнейшим источником легитимности власти. Не разрушив историческую мифологию, невозможно было начать процесс реформ. «С учетом роли истории в легитимации советского строя неудивительно, что его развенчание также состоялось на территории истории»². Поэтому именно с 1987 г. когда был взят последовательный курс на реформы, историческая наука и историческая память становятся важнейшим элементом политики³.

Инициатива пересмотра оценок прошлого, несомненно, исходила «сверху». Профессиональные историки оказались, в целом, не готовы принять активное участие в процессе. Однако им удалось воспринять новые веяния в научной мысли и публицистике. Впрочем, «идиоматический язык перестройки — “выбор исторического пути”, “историческая альтернатива” и т.д. — в существенной степени был заимствован из репертуара историков»⁴. В этом смысле ученые ощутимо влияли на дискурс власти.

Не буду углубляться в тему, тем более, что уже существует ряд соответствующих исследований⁵. Стоит, впрочем, задаться вопро-

¹ Багдасарян В.Э., Михеев В.П., Маслов Д.В. Историческая литература советского инакомыслия // Сервис в России и за рубежом. 2012. Т. 32. № 5. С. 18-29.

² Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011. С. 111.

³ Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. М., 1992. С. 7.

⁴ Миллер А.И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России: Эксперты — создатели норм или их критики? Опасная ситуация российской исторической политики // <http://gefter.ru/archive/11115> (дата обращения — 22.02.2014)

⁵ Например: Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. М., 1992; Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. М., 1995; Логунов А.П. Кризис исторической науки или наука в условиях кризиса: отечественная историография второй половины 80-начала 90-х // Советская историография. М., 1996. С. 447-487; Чечель И. «Профессионалы истории» в эру публичности: 1985-1991 гг. // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. С. 55-118, и др.

сом: почему профессиональное сообщество историков, на которое в годы исторических баталий стремилась опереться власть, оказалось «слабым звеном»?

В историографической литературе стало общим местом признание факта победы публицистики над профессиональной историей в те годы. «В условиях, когда “историками стали все”, профессионалы уступили лидирующие позиции публицистам-любителям»¹. Любопытно отметить, что данная тенденция оказалась общемировой. Именно в 1980-е гг. происходит кризис традиционной историографии², историки лишаются роли единственных интерпретаторов событий прошлого. «...На “поле истории” тон стали задавать новые игроки: политики, журналисты, писатели, кинематографисты. А также всевозможные “группы памяти”, прежде всего — этнические и религиозные сообщества, которые оказались гораздо активнее “социально-классовых” групп памяти»³. В значительной степени ситуация в СССР совпадала с общемировой, и политика гласности наслои́лась на кризис профессиональной историографии. Но специфика советской исторической науки, ее встроенность в идеологическую систему, только усугубили процесс.

Мировой кризис исторических «гранд-нарративов» ярко проявился в 1960-70 гг. Его связывают с целым рядом процессов. Во-первых, с деколонизацией, приведшей к отказу от европоцентризма и подъему историописаний в бывших колониях, стремившихся уйти от навязанных бывшими хозяевами исторических представлений. Единый некогда исторический мир, объединяемый идеей общей (по факту западноевропейской) истории, распался на серию постколониальных нарративов. Во-вторых, «восстанием меньшинств». Активная борьба за свои права различных групп, таких как феминисток, людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией, представителей маргинальных профессий и т.д. стали основой их заявки на собственную интерпретацию истории, несхожую с общепринятой. Самым ярким следствием этого стало формирование т.н. «гендерной истории». В-третьих, т.н. «глокализацией» мирового пространства. То есть противоречивого процесса глобальной локализации, предполагающего тесное переплетение движения в сторону глобализации мира и его распада на

¹ *Ватлин А.Ю.* В поисках «истинного социализма»: историческое сознание поколения перестройки // Вопросы истории. 2013. № 2. С. 63.

² *Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии. С. 337.

³ *Копосов Н.Е.* Память строгого режима. История и политика России. С. 44.

регионы¹. Формирующиеся регионы также нацелены на создание собственной истории, что работает против категорий мировой и национальной истории². В-четвертых, отказом от сугубо национальной истории в пользу мультикультурной.

В свете всего перечисленного кризис советского марксизма — часть общемирового явления. Некоторые факторы (например, «восстание меньшинств») в СССР не проявились или проявились крайне слабо. Но в обрушении советского «гранд-нарратива» была и своя специфика. В СССР отсутствовали независимые исследовательские и образовательные учреждения. Если в других странах смена парадигмы была амортизирована наличием различных конкурирующих центров, способных как сгенерировать новые методологические идеи, так и изменить направление собственной деятельности, то в Советском Союзе это оказалось просто невозможным.

Очевидно, что профессионалы просто не поспедали за запросами общества. Особенности устройства и функционирования профессионального сообщества советских историков порождали безынициативность и осторожность, оглядку на вышестоящее начальство, часто — неумение работать с массовым читателем и слушателем. Большую роль играла своеобразная вертикаль власти в академических институтах и на университетских кафедрах, когда исследователям приходилось держать в уме не только мнение контролирующих органов, но и то, как на это отреагирует непосредственное начальство в лице заведующего сектором или кафедрой, а также коллеги. Ко всему прочему, в глазах общественности произошла девальвация статуса профессиональных историков, ассоциировавшихся с правящим режимом. Широкую известность получило высказывание режиссера Ролана Быкова о «докторах фальсификаторских наук». В этих условиях именно непрофессиональные историки (журналисты, писатели, философы) — причем чем радикальнее, тем лучше, — вышли на первый план.

Эффективности научно-исторического сообщества мешала и его неизбежная в данном случае неоднородность. Условно его представителей можно разделить на консерваторов, умеренно-кри-

¹ *Маловичко С.И.* Глокальная перспектива новой локальной истории // <http://www.newlocalhistory.com/node/72> (дата обращения — 25.03.2014); *Он же.* Глобальная (г)локализация и практика контекстуализма новой локальной истории // Национальные образы прошлого: Этническая доминанта в историографии и философии истории. / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2008. С. 140-147.

² *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв. М., 2011. С. 186.

тическое и радикально-критическое направления. Большинство, видимо, заняло умеренно-критическую позицию (кстати, в наибольшей степени соответствующую официальной партийной линии). Но, как уже говорилось, слабые навыки публичной деятельности не позволили профессиональным историкам амортизировать удар радикалов по массовому историческому сознанию. В целом верно описал картину Н. Копосов: «Историки... нередко болезненно реагировали на пересмотр сталинских исторических концепций: одни на протяжении десятилетий сами отстаивали эти концепции, другие же, проникнутые идеологией профессионализма, боялись выйти в публичное пространство и лишь сокрушались по поводу “невежества” рассуждающих о прошлом журналистов и философов»¹.

* * *

Советская эпоха — особый период взаимоотношения власти и общества профессиональных историков. В это время в наибольшей степени воплотилась модель подчинения науки партии и государству. Это давалось непросто. Прошло не одно десятилетие, прежде чем удалось «вылепить» ученого новой формации, преданного советскому строю. Выполняя эту задачу, власть чередовала репрессии и периоды относительного затишья. Такое сочетание «кнута и пряника» оказывалось достаточно эффективным: явно несогласные и те, кто уже не мог перестроиться, отсеивались, а остальные приучались к компромиссам и послушанию. По мере ухода поколения, для которого советское общество не являлось чем-то само собой разумеющимся, спадала и сила репрессий, которые заменялись другими методами контроля (с одной стороны, общественным порицанием, психологическим давлением, с другой — поощрениями, привилегиями).

Более того, был достигнут своеобразный симбиоз научного общества и власти. Это отнюдь не означает, что между ними не возникало противоречий. Свойство ученого — критическое осмысление реальности. Окружающая действительность давала немало пищи для такой критики. В то же время отторжение, тем более открытое, советского строя — явление чрезвычайно редкое. Показательно, что в среде историков практически не было диссидентов (самый известный из них — П.Я. Якир). Разногласия с действующим строем вполне укладываются в модель разномыслия.

¹ Там же. С. 112.

Но став частью советской системы, корпорация историков приобрела все ее пороки. Наступление «перестройки» показало, что лишенное самостоятельности сообщество — как и вся система в целом — оказалось не готовым к диалогу с обществом в новых условиях. И власть, которая, казалось бы, могла бы опереться на профессиональных историков в «исторических» войнах того времени, оказалась в одиночестве. В этом важный урок на будущее. Ученый эффективен только тогда, когда ему дана свобода научного творчества. Совершенно очевидно, что профессиональные историки взвешенно подошли бы к оценке советской истории, тем самым не дав возникнуть массе новых разрушительных по своему потенциалу исторических мифов.

Очерк 14

Историки, власть и историческая политика в современной России

Развал СССР и изменение социально-политической системы радикальным образом повлияли на развитие отечественной исторической науки. Потеряв статус привилегированного знания, одного из идеологических фронтов, история стала для новой власти мало интересной. По образному выражению А.Н. Сахарова: «Власти было не до исторической науки: она сама в это время творила историю»¹. Это дало невиданные ранее возможности для независимого исследовательского поиска, но резкое падение финансирования науки на представителях гуманитарных наук сказалось особенно болезненно. Они не могли подработать на заказах иностранных и иногда отечественных фирм, единственным выходом являлось увеличение преподавательской нагрузки или получение грантов. С другой стороны, специфика производства исторического знания, не требующая дорогостоящего оборудования, не позволила исследованиям прекратиться, а где-то они даже и активизировались.

Особенно благотворно на развитие исторических исследований повлияла архивная революция 90-х гг. Открытие архивов, сопровождавшееся правдой целым рядом эксцессов², позволило по-новому решать проблемы отечественной истории, в особенности XX века. Все же открытие архивов оказалось половинчатым, закон 1993 г. «О государственной тайне» существенно ограничил возможности раскочерчивания и доступа к документам³.

Падение финансирования, поставившее профессиональных историков-исследователей на грань выживания, стало не единственной трудностью. С 1980-х гг. происходит серьезная трансформация исторического знания и, как следствие, его места в обществе. Кризис «больших нарративов» и постмодернистский вызов

¹ Сахаров А.Н. Исторические обретения на рубеже XXI века. М., 2011. С. 218.

² См.: Козлов В.П. Публичность архивов и свобода архивной информации // Советская историография. М., 1996. С. 523-536.

³ Минюк А.И. Современная архивная политика: ожидания и запреты // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 18.

привели к тому, что профессиональные историки потеряли статус творцов исторической памяти нации. Эту нишу заняли непрофессионалы. Таким образом, началась частичная маргинализация ученых в интеллектуальном пространстве. Именно в этих условиях возник феномен «фольк-хистори»¹. Более того, в ситуации социально-экономического упадка интеллигенция фактически отказалась от роли элиты, избегая активного участия в общественно-политической жизни и ностальгируя по временам государственного патернализма.

Остро встала проблема «профессионал—дилетант». В публичном пространстве последние оказались активнее и агрессивнее, практически вытеснив из него ученых. Последние хотели бороться с воинствующим дилетантизмом по старинке, то есть запретами — зазвучали призывы «употребить власть и ограничить коммерциализацию культуры, навести порядок в стране»². Нередко в среде историков эта позиция проявлялась даже ярче, чем в других областях науки и культуры. Однако без власти этого сделать было невозможно. Фактически 1990-е — первая половина 2000-х гг. — время принудительно адаптивное, когда историки являлись не субъектами процесса, а его объектом³.

В условиях самоустранения государства заметную роль стали играть различные фонды. Среди отечественных в первую очередь необходимо назвать РГНФ. Но некоторое время тон задавали зарубежные организации. Например, Фонд Сороса в начале своей деятельности в России располагал бюджетом, в три раза превышавшим бюджет РФФИ и в десять раз — РГНФ. Несмотря на идеологические элементы работы фондов, являвшихся частью «soft power» Запада, их деятельность «стала для отечественных исследователей, в том числе и историков, первой школой новой идеологии и технологии финансирования»⁴. Особенно заметной оказалась работа фондов в российских регионах, позволив вовлечь часть «провинциальных» историков в международное коммуникативное пространство. В определенной мере появление фондов позволило

¹ Володихин Д.М. Феномен фольк-хистори // Отечественная история. 2000. № 4; Петров А.Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и новейшая история, 2004. № 3, и др.

² Дубин Б.В. Россия нулевых: политическая культура — историческая память — повседневная жизнь. М., 2011. С. 116.

³ Там же. С. 192.

⁴ Нарский И., Хмелевская Ю. Между конкуренцией и патернализмом: «грантовый» историк в современной России // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011. С. 303.

части сообщества, готовой интегрироваться в западную модель и в целом принимающую ее мировоззренческие установки, обрести опыт взаимодействия с альтернативными российскому государству структурами. Это в некоторой степени способствовало эмансипации ученых от власти.

Да и сама государственная власть, не поддерживая историков материально, в то же время не вмешивалась в ход их исследований. В 2003 г., в предисловии ко второму выпуску «Исторические исследования в России», его редактор Г.А. Бордюгов констатировал: «История не используется как политический рычаг. Правда, разговоры о возрождении «охранительных» тенденций, имперских или монархических всплесков общественной мысли все еще предостаточно»¹.

Но ситуация стала меняться. Рост экономики и стабилизация политической ситуации позволили увеличивать ассигнования на науку и образование. Скучные зарплаты постепенно росли, уводя ученых от черты выживания, хотя и не давая почувствовать себя полноценными представителями среднего класса. В то же время структурные реформы, проводившиеся в сфере образования и науки, и их направленность явно не приветствуются большей частью сотрудников НИИ и профессорско-преподавательского состава. Причин тому великое множество. Начиная от дефектов самих реформаторов и их проектов и заканчивая состоянием самого общества, административная верхушка которого боится потерять доходные места, а пожилые сотрудники пенсионного возраста и место работы. Процесс осложняется довольно болезненной сменой поколений.

На этом фоне происходит активизация исторической политики действующего режима. Она реализуется целой системой методов. Известный специалист А.И. Миллер выделяет пять универсальных для всех современных режимов способов реализации исторической политики: 1) создание специализированных институтов для насаждения определенных трактовок прошлого; 2) вмешательство в деятельность средств массовой информации; 3) манипуляция архивами; 4) моральное давление на оппонентов и поощрение угодных; 5) политическое вмешательство в содержание учебников и программ преподавания².

¹ Бордюгов Г.А. Реальность историческая и новые проблемы ее представления // Исторические исследования в России — II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 10.

² Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе // Историческая политика в XXI веке. М., 2011. С. 17-19.

По мнению Миллера, власть начинает проявлять внимание к историческому сообществу с 2003 г.¹ Тогда прошла встреча президента В.В. Путина с историками, где он призвал отказаться от «сосредоточения на негативе» в российском прошлом. На этой волне имел место скандал с учебником И. Долуцкого, в котором обнаружили «предвзятость в освещении истории». За недооценку роли СССР в победе над Германией остракизму подвергся учебник по всемирной истории XX в. авторства А.А. Кредера. Заметим, что инициатива в данных случаях, во всяком случае формально, исходила не от Кремля, а от ряда местных властей, общественных организаций, деятелей и журналистов.

Многие специалисты рубежом называют 2005 г., когда была обнаружена концепция «суверенной демократии». Стал очевиден курс на консолидацию общества с помощью исторической политики. Впервые начал отмечаться новый праздник — День народного единства, празднуемый 4 ноября и призванный затмить собой вызывающий противоречивые эмоции день Октябрьской революции, отмечавшийся 7 ноября². Усилился интерес государства к школьным учебникам по истории, на центральном телевидении начали регулярно появляться сюжеты, связанные с историей, прошел ряд телешоу (например, «Имя России»), направленных на актуализацию исторической памяти.

До сих пор дискуссионным остается вопрос о причинах поворота государства к активной исторической политике и, шире, активизации войн памяти в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. Так, Н. Копосов основную вину возлагает на руководство России: «...Мне кажется, что становление режима «суверенной демократии» в России, с его антизападной риторикой и имперскими амбициями, стало главным системным фактором изменения ситуации с исторической памятью в регионе и главной причиной войн памяти»³. Впрочем, Н. Копосов признает влияние активности других стран в области исторической политики на радикализацию процесса в России.

¹ Миллер А.И. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке. М., 2011. 332-333. Период с 2003 г. по 2006 г. автор рассматривает как «скрытую фазу разработки российской версии исторической политики» (С. 333).

² Разные точки зрения на праздник: Назаров В. Что будут праздновать в России 4 ноября 2005 года // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 85-96; Сахаров А.Н. Праздник народного единства // Сахаров А.Н. Исторические обретения на рубеже XXI века. М., 2011. С. 288-293.

³ Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. М., 2011. С. 229.

Несколько иную картину рисует А.И. Миллер: «Это происходило не только в качестве реакции на активизацию исторической политики в соседних странах, но и в прямой связи с эскалацией напряженности в отношениях с Западом, прежде всего США и «новой» Европой»¹.

Второе мнение, как представляется, ближе к истине. Распад СССР, формирование в бывших республиках националистических исторических нарративов, в которых Россия представала в образе врага, естественно, вызвали ответную реакцию. Об этом свидетельствует то, что процесс формирования более или менее внятной исторической политики в России явно отставал от соседей. Положение России осложнялось тем, что она официально признавала себя преемником СССР, то есть в глазах национальных элит новых государств отвечала за реальные и мнимые преступления павшего режима. Впрочем, скорее всего, такое отношение сложилось бы и в случае отказа от правопреемственности с СССР.

Также очевидно, что активизация истории как инструмента внешней политики начинается синхронно с переходом России к активным действиям на постсоветском пространстве. Столкнувшись с агрессивной «политикой памяти» в бывших союзных республиках, российские власти решили ответить не менее агрессивным образом. Масла в огонь подлило участие западных политтехнологов в «оранжевых революциях» (не столь важно, реальное или мнимое). Все же основой «дипломатии памяти» России стал упор на общее прошлое и позитивную роль русских в развитии национальных окраин. Актуализировался интегрирующий образ России на постсоветском пространстве. Одновременно подчеркивается негативный эффект от вмешательства западных стран в историческое развитие макрорегиона. Оформился и внутрисоветский вариант исторической политики, который основывается на апологии «твердой власти»².

В то же время, историческая политика российского руководства являлась непоследовательной и ситуативной. Не стоит забывать и о том, что государственный аппарат отнюдь не монолитен в своих предпочтениях и мировоззрении. Это проявилось уж в том, что средства направлялись на проекты самой разной направленности,

¹ Миллер А.И. Историческая политика в России: новый поворот? С. 333.

² Об этом подробнее: Молодяков В. Историческая политика и политика памяти. С. 19-22; Малинова О.Ю. Конструирование смыслов. Исследование символической политики в современной России. М., 2013. С. 78-81.

как связанные с осторожной реабилитацией образа Сталина, так и продолжавшие линию осуждения его личности и режима.

Необходимо добавить и то, что действующий режим, несмотря на все заявления его противников, опирается на массовую поддержку и определенные слои населения. Поэтому он должен отвечать их чаяниям. Не секрет, что фигура Сталина популярна или, во всяком случае, вызывает положительную реакцию среди самых широких масс. Не только в «глухой» провинции, но и среди молодежи больших городов, в социальных сетях фигура «вождя народов» мифологизируется и становится культовой¹. Видимо, это и объясняет осторожность манипуляций с фигурой Сталина в исторической политике. С одной стороны, власть осознает риски, связанные с негативными реакциями на этого исторического деятеля заметной части населения, либеральной прессы и зарубежных партнеров, с другой — она должна учитывать настроения многочисленных общественных групп. Ясно, что фигура Сталина не способна консолидировать общество (а это главная цель власти), но и отказаться от использования его образа пока нельзя.

Однако это тема для отдельного исследования. Нам же представляется более важным рассмотреть место самих историков в современной исторической политике. Конечно же, главная задача профессионального историка — это создание научной картины прошлого. Известное изречение «Без гнева и пристрастия» является пусть и не достижимым, но все же идеалом. Но, волей или неволей, исследователь истории оказывается в центре общественных страстей.

Можно выделить целый ряд поведенческих стратегий профессиональных историков. Первой из них является дистанцирование от «внешнего мира». Большинство историков попросту не прикасаются с исторической политикой. В научном плане они продолжают разрабатывать полюбовившиеся им темы. В мегагрантах, выделяемых государством на продвижение элементов исторической политики, они не участвуют. Преподавательской деятельности отстранение от политики также практически не мешает. Преподава-

¹ См.: 36 процентов россиян — за Сталина: сенсационный опрос ВЦИОМ // <http://www.mk.ru/zloba-dnya/article/2013/03/05/821297-36-protsentov-rossiyan-zastalina-sensatsionnyiy-opros-vtsiom.html> (дата обращения — 21.02.2014); Фокин А.А. Образы советского в современной отечественной массовой культуре // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII-XXI веков. Челябинск, 2011. С. 427-433; Фокин А.А. User-generated Stalin: интерпретация визуальных образов «вождя» в рунете // Труды кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета. Том 6. Челябинск, 2012. С. 60-65.

тель может с энтузиазмом выполнять новые предписания, а может и не выполнять.

Еще одна обыденная ситуация в современных НИИ, факультетах и кафедрах: если те или иные действия власти в области презентации прошлого совпадают с мировоззренческими или политическими установками историка, то он поддерживает их, если нет — то не поддерживает. Т.е. свобода выбора остается за конкретным человеком. Власть в размеренную жизнь профессиональных историков, в том числе и из-за их малого влияния на общество, практически не вмешивается. Впрочем, это касается прежде всего крупных городов и научно-педагогических заведений с «именем», в провинции же ситуация может быть иной. Местное руководство (вуза, города, области) имеет больше рычагов влияния и даже давления на историка, поскольку возможностей для смены работы у него немного¹.

Второй стратегией является активное использование внимания власти к прошлому в личных интересах или интересах определенного сообщества. Многочисленные юбилеи, события, мероприятия и субсидии, выделяемые под их проведение — в буквальном смысле питательная среда для историков, издателей, различного рода профильных объединений и организаций и т.д. Заинтересованность власти в продвижении исторического символа совпадает со стремлением ученых получить финансирование своей деятельности. Данное явление неоднозначно. С одной стороны, такое «мелкое жульничество» вполне оправдано в условиях дефицита средств. С другой — историки активно усваивают дискурс власти, стремятся хотя бы частично угодить заказчику. Как пример, достаточно вспомнить то, как быстро было подхвачено словосочетание «борьба с фальсификациями», превратившись из риторического клише, ласкающего слух чиновника, в ярлык научных и околонучных дискуссий. К примеру, историки т.н. «патриотического лагеря» массово взяли его на вооружение.

Третьим вариантом является активное неприятие власти, сочетающееся с демонстративным формированием исторического контрдискурса, ставящего под сомнение все составляющие официальной исторической концепции. Таких историков немного и они, как правило, находятся в маргинальном положении.

¹ *Курилла И.И.* Историк в региональном вузе на перекрестке сообществ // Электронный научно-образовательный журнал «История». Вып. 1. Историческая наука в современной России. <http://www.history.jes.su/s20798784000018-8-2>

Наконец, четвертую стратегию можно определить как активное и демонстративное сотрудничество с властью, обслуживание ее идеологических проектов. Данный вариант достаточно редок. Большинство профессиональных историков, сотрудничая с государственными структурами (в том числе и в создании «парадных» книг, посвященных юбилею какого-либо государственного учреждения) в рамках различных научных проектов, все же дистанцируются от откровенно идеологической работы. Они стараются придерживаться профессиональных подходов и рамок, признавая умеренную ангажированность как неизбежное зло.

Принимая участие в формировании исторической политики, ученый должен решить для себя ряд моральных дилемм. Главная из них — нарушение профессиональной этики в угоду конъюнктуре. По мнению В. Шнирельмана, рассматривавшего вопрос соотношения профессионализма и этических установок историка, мы вправе говорить о «конфликте лояльностей». В такой ситуации профессиональные навыки нередко вступают в противоречие с этнической идентификацией, а «правда истории» — с этноисторическими мифами¹. Схожую картину можно наблюдать и в случае с иными политизированными и идеологизированными концепциями. Например, когда историк сталкивается с расхождением исторических фактов и его политических представлений или требований заказчика. Однозначно следует присоединиться к выводу Миллера: «Вовлечение историка в историческую политику неизменно сопровождается эрозией профессиональной этики»².

Часть общества остро беспокоит не только сам факт активизации исторической политики, но и «принижение» роли профессионалов в оценке прошлого. Зачастую власти рассматривают ученых как обслуживающий персонал, а не полноценных сотрудников. В противном случае досадных провалов в рассматриваемой области, поднимающих волну общественного сарказма и даже недовольства, было бы много меньше.

Пока же приходится констатировать «незначительное участие реально работающих ученых в государственной исторической политике и политике памяти, а как следствие — непоследовательность, неубедительность и низкая эффективность такой поли-

¹ *Шнирельман В.А.* Президенты и археология, или Что ищут политики в древности: далекое прошлое и его политическая роль в СССР и в постсоветское время // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011. С. 364.

² *Миллер А.И.* Историческая политика в Восточной Европе // Историческая политика в XXI веке. М., 2011. С. 22.

тики, ориентированной преимущественно на “отчет”... а не на результат»¹. Во многом такая ситуация стала следствием всего курса развития отечественной историографии последних десятилетий. Во-первых, был подорван авторитет профессиональных историков («доктора фальсификаторских наук»); во-вторых, обусловленное трансформацией общества и информационного пространства появление новых акторов в создании знаний о прошлом не привело к ответной активизации ученых в их работе с массовой аудиторией. В этих условиях маргинальное положение в рамках исторической политики — лишь проекция их места в обществе. Нужно согласиться со следующим мнением: «В России нет работающей системы постоянного и эффективного диалога между властью и научным сообществом гуманитариев... который не может быть заменен никакими “форумами” с участием первых лиц»².

Заметим, что вопрос экспертного участия в исторической политике пока еще не стал предметом конфронтации внутри самого сообщества историков, но в случае ее активизации и усиления давления со стороны власти это представляется неизбежным.

Прообраз такой конфронтации можно усмотреть в том резонансе, который вызвало учреждение в 2009 г. Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. В нее вошли представители политического класса, общественные деятели и некоторые ученые. Реакция на создание Комиссии оказалась весьма различна: часть приветствовала этот шаг (в том числе и из-за возможности получить под реализацию проектов Комиссии финансирование), но большинство осуждало. В среде «публичных» профессиональных историков ее появление вызвало беспокойство и отторжение. Правда, на деле работа Комиссии оказалась вялой и малопродуктивной. У структуры даже не появилось специализированного сайта. Видимо, не в последнюю очередь причиной этому стали формализация ее деятельности и тихий саботаж. В начале 2013 г. комиссия была упразднена³.

Общественная дискуссия, вызванная появлением Комиссии, очевидно, стала уроком для политтехнологов. В дальнейшем они взяли на вооружение более эффективный и даже изящный способ действий. Была создана сеть официально независимых фондов и Интернет-порталов, занимающихся исследованиями и пропагандой прошлого в нужном русле. Власть стремится охватить своим

влиянием максимально широкий идеологический спектр, кроме того выше уже отмечалась неоднородность самого правящего слоя. Поэтому названные организации и структуры весьма сильно различаются по содержанию и интерпретации истории. Нередко под их эгидой ведутся качественные исторические и историко-политологические исследования.

С точки зрения эффективности такой подход является оптимальным, поскольку позволяет разнообразить информационный контент, сделав его востребованным разными слоями населения. Кроме того, в случае чего, всегда можно дистанцироваться от фондов, объявив точку зрения их экспертов личным мнением, а не позицией органов государства. Это и дает возможность проводить более гибкую политику, вбрасывать в информационное пространство различные идеи, может быть даже противоположные. Очевидно и то, что фонды и порталы обладают в таких условиях большей самостоятельностью, чем если бы это было официальное учреждение. Это позволяет им более оперативно реагировать на колебания войн памяти, радикальнее и жестче, чем это можно было бы сделать официально, делать выпады и контрвыпады.

Но в этом же заключается и главный «недостаток» таких структур. Велик риск того, что они начнут жить своей жизнью, выйдя за рамки дозволенного. Например, скандалом стал уход гендиректора Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (научным руководителем фонда является глава РЖД В. Якунин) С.С. Сулакшина, представившего доклад о подтасовках на последних выборах в Думу¹. Ряд схожих по назначению фондов и сайтов были созданы партиями и общественными движениями.

В последнее время появилось два крупных объединения: Российское историческое общество (РИО) и Российское военно-историческое общество (РВИО). Первое возглавил председатель Государственной Думы С.Е. Нарышкин. Второе — министр культуры В.Р. Мединский. Появление таких высокопоставленных государственных деятелей во главе формально независимых организаций — знаковое явление. С одной стороны, это опять свидетельствует о том, что власть отказалась от прямолинейных попыток, вроде Комиссии по борьбе с фальсификациями, формировать историческую политику. С другой стороны, «публичную историю» оставлять без присмотра не намерены. Стоит отметить,

¹ URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/262556>

¹ Молодяков В. Историческая политика и политика памяти. С. 19.

² Там же.

³ Кантор Ю. Без фальсификаций // Московские новости. 19 марта 2012. № 238

что в данном случае российская власть фактически вернулась к опыту дореволюционной России, когда высокопоставленные чиновники и представители дома Романовых возглавляли или числились в советах многих научных и научно-просветительских обществ.

Таким образом, на данный момент государственной властью создана достаточно эффективная сеть фондов и обществ, позволяющая мягче и эффективнее продвигать государственную историческую политику, направленную на сплочение нации.

Однако остается ряд рисков. В случае потери интереса к данным проектам или смене власти они лишатся финансирования. Излишняя привязанность к режиму приводит к тому, что его падение потянет их за собой, как это уже случилось в 1917 г. В этой связи ясно, что чем сильнее в этих организациях будет влияние научно-исторического сообщества и вообще научной составляющей, тем устойчивее они окажутся к колебаниям конъюнктуры.

В значительной степени инициатива создания РИО и РВИО исходила от самих историков, точнее административной верхушки исторической науки (неоднократно эту идею озвучивал академик-секретарь Историко-филологического отделения РАН В.А. Тишков). Все же внутри сообщества чувствуется явный недостаток в независимых объединениях, вырабатывающих механизмы самоорганизации профессиональных исследователей и обеспечивающих саморегулирование корпорации¹. Появление таких объединений может сделать историческую науку более устойчивой к вызовам времени и поможет поднять престиж профессии историка. Думается, что их возникновение не за горами.

Итак, место профессионального историка, во всяком случае пока, в современном интеллектуальном пространстве остается незначительным. Остро встает вопрос о его повышении. Надо сказать, что этот вопрос серьезно волнует и представителей других общественно-гуманитарных дисциплин. Например, президент Всемирной ассоциации социологов М. Веверки считает, что в современных условиях возможна реализация как минимум двух форм активного участия ученых в жизни общества. Первая представляет собой роль критически мыслящего интеллектуала, сочетающего исследовательскую практику с общественно-политической активностью. Вторая основана на тесном сотрудничестве с властями не только в экспертизе отдельных проектов, но в обе-

¹ *Курилла И.И.* Историки, объединяйтесь! // Троицкий вариант. 2014. № 2 (146). С. 10.

спечении всего процесса государственного управления научным знанием¹.

Опыт показывает, что во втором случае наиболее эффективным оказывается т.н. «сетевое сообщество», то есть круг исследователей, пусть и удаленных территориально, но связанных единым интеллектуальным центром, в том числе и в виртуальном пространстве. Такую модель уже реализовал Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Участники данного сетевого сообщества активно дают экспертные заключения и по историческим вопросам. Тем не менее, Центр открыто указывает на имеющиеся у его руководителей политические и мировоззренческие предпочтения, поэтому доклады, подготовленные в его рамках, заметно ангажированы. Ясно, что мировоззренческой и политической позиции не избежать. В этом случае желательно иметь несколько экспертных групп, чьи заключения могли бы дополнять друг друга, показывая разные грани одного и того же явления.

В современных условиях заметную пользу могут принести и специализированные центры исторической экспертизы, которые можно создавать при государственных структурах, работающих в тех областях, где историческое знание остро необходимо. Существующие академические и университетские центры нацелены в первую очередь на фундаментальные исследования, а аналитическим отделам государственных органов явно не хватает фундаментальной научной подготовки. Видимо, целесообразно не только периодически обращаться к профессиональным ученым, активно занимающимися исследовательской практикой, но и создать постоянно действующие рабочие группы, включающие чиновников, аналитиков и ученых. Одной из областей, где такая модель может оказаться эффективной, являются межнациональные отношения. По справедливому мнению Т.П. Хлыниной: «...Проведение исторической экспертизы не только возможно, но и необходимо, что обуславливается, по крайней мере, двумя вполне очевидными обстоятельствами. Во-первых, высокой значимостью знания о прошлом в общественном сознании российских народов; его «живым» присутствием в обеспечении жизнеспособности их национальных образований, границы и смысл существования которых обретают свою легитимность только в пространстве исторических реалий.

¹ *Хлынина Т.П.* Кому ты полезен, историк? Об исторической экспертизе и ее возможностях // Будущее нашего прошлого. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 15-16 июня 2011 г. М., 2011. С. 263.

Во-вторых, специфическим характером взаимосвязи исторической науки и социальной практики, наиболее характерной для национальных регионов и обеспечивающей поддержание желаемого образа прошлого»¹. Особую значимость приобретает экспертиза влияния того или иного исторического сочинения на этнополитическую обстановку.

Выше приведенный краткий обзор отечественной исторической политики демонстрирует, что историческая экспертиза особенно необходима именно в этой области. Необходимо четко понимать, что политика в области памяти не может строиться на сиюминутных соображениях, поскольку всегда имеет далеко идущие последствия. Нужно максимально точно просчитать возможные последствия официального заявления или введения в действие мемориального закона. Не должно быть и исторических ошибок или явно искажающей или упрощенной интерпретации в официальной оценке тех или иных исторических событий. Явная слабость исходных позиций и их аргументации только дает противникам больше шансов на опровержение.

Но все указанные выше рекомендации заработают только тогда, когда государственная власть действительно осознает необходимость всесторонней исторической экспертизы, плюрализма мнений. Пока же это не наблюдается, а предпочтение отдается узкому кругу лояльных экспертов или политтехнологов. Российские СМИ явно фильтруют исторические концепции, отбрасывая то, что не вписывается в общепринятую линию. Это обедняет общественное пространство, обедняется фон и база принятия политических и социальных решений. Такая тенденция опасна само по себе.

Впрочем, уже открывается ряд бакалаврских и магистерских программ (в частности, в Российской академии народного хозяйства и государственной службы), на которых готовят специалистов с историческим образованием для государственной службы². Российский государственный гуманитарный университет предлагает магистерскую программу «Историческая экспертиза инновационного социального проектирования»³.

Помимо отсутствия полноценного диалога между профессиональным сообществом и властью существует целый набор «точек

¹ Там же. С. 264.

² Пихоя Р.Г. Историк-аналитик для государственной и муниципальной службы // Будущее нашего прошлого: Материалы Всероссийской научной конференции, 15-16 июня 2011г. С. 214-221.

³ URL: <http://magistratura.rgg.ru/section.html?id=8399>

напряжения». Одни из них универсальны в системе отношений «наука—власть», другие — сугубо специфические.

К универсальным можно отнести следующие. Во-первых, проблему сокращения мест для абитуриентов в вузах и, как следствие, сокращение преподавательских ставок. Особенно это болезненно сказывается на гуманитарных профилях, включая историю. Более того, происходит активное слияние традиционных исторических с другими гуманитарными факультетами в единые институты. Резон в этом есть, поскольку традиционное образование явно устарело и будущее за комплексным гуманитарным обучением. Впрочем, пока слияния чисто механические и мало что дающие для повышения уровня преподавания. Резонно это и в связи с точки зрения того, что качество поступающих на исторические специальности в среднем заметно упал, поэтому заполнять выделенные бюджетные места кем попало тоже не имеет смысла. Но сокращение мест не сопровождается сокращением аудиторной нагрузки, которая в России и так одна из самых высоких в мире при одной из самых низких зарплат¹, что ведет к сокращению профессорско-преподавательского состава и росту напряжения, в том числе и внутри коллектива.

Во-вторых, нерешенной остается проблема автономии университетов. Излишняя бюрократизация и опека не позволяют реализовывать нестандартные исследовательские программы. Переход на систему компетенций не отменил высокой аудиторной нагрузки и большого объема чисто фактографических знаний, оставшегося от традиционного образования. Все чаще ставится вопрос о наделении вузов и факультетов самостоятельностью в вопросах образовательной и научной политики.

Помимо общих существуют и специфические проблемы, свойственные в первую очередь исторической сфере. Первой можно назвать методологическую проблему. В исторической науке в последние годы произошло серьезной теоретико-методологическое переоснащение, включая терминологическое, которое вступает в противоречие с устоявшимися запросами власти и большей части общества на традиционную политическую историю. Однако стоит отметить, что это скорее проблема профессиональных историков, задачей которых остается донесение результатов исследований до широкой общественности.

¹ См.: Как платят профессорам. Глобальное сравнение вознаграждения и контрактов. М., 2012.

Наиболее острой «точкой напряжения» остается вопрос открытости архивов. Сохраняется множество препятствий в доступе к документам. Нечеткое законодательство только усугубляет проблему. Резонанс вызвало дело историка М.Н. Супруна и начальника архива УВД Архангельской области полковника А.В. Дударева. Историк работал над составлением книги памяти репрессированных в годы сталинизма российских немцев. Его обвинили в разглашении «личной тайны», а начальника архива — в превышении полномочий¹. В ответ появилось открытое письмо ряда отечественных и зарубежных ученых в защиту обвиняемых². По итогам судебного разбирательства Супрун был освобожден от уголовного преследования по истечению срока давности, а Дударев получил год условно. Данное дело продемонстрировало, что исследователь не застрахован от уголовного преследования. Это вызвало обоснованное беспокойство в профессиональной среде.

Закрытость архивов порождает многочисленные слухи о строго засекреченной информации, сокрытии исторической правды и уничтожении документов. Это не способствует устойчивости исторических представлений. Со стороны профессионалов неоднократно звучали призывы упростить доступ к архивным документам³, но пока они остаются без ответа.

Итак, говорить об эффективном взаимодействии власти и профессиональных историков не приходится. Между тем, оно крайне необходимо в условиях актуализации исторической политики на постсоветском пространстве. Власть должна воздерживаться от «войн памяти», которые наносят не только ущерб международному имиджу России, но и травмируют национальное самосознание. Это, конечно, не отменяет активного разоблачения исторических мифов, — но опасно, когда в противовес одному мифу создается другой. Эффект в краткосрочной перспективе создает предпосылки для дестабилизации памяти общества в будущем.

Подведем итоги. В современной России историки оказались востребованными политическим истеблишментом в 1990-е гг. Но в последние годы интерес власти, в связи с «войнами памяти» на постсоветском пространстве и в бывших странах соцблока, а также стремлению сплотить общество на культурно-исторической основе, заметно вырос. Была создана система негосударственных фон-

дов и грантов, проводящих определенную историко-политическую линию. Представители основной массы научно-исторического сообщества НИИ и вузов остались вне этой системы. И на них активизация исторической политики сказалась опосредованно. Тем не менее, закрытие целого ряда иностранных фондов, финансировавших в том числе и исторические исследования, оказалось довольно болезненным.

Вызывают беспокойство и, пока впрочем редкие, вмешательства в научно-исследовательскую практику. Действующая власть должна понимать, что с научной точки зрения наиболее эффективными оказываются исследования, проводимые в условиях свободы научного творчества и плюрализма мнений. Поддержка только проправительственной части историков неизбежно приведет к деформации сообщества в целом, а возможно и к его радикализации. Оптимальной, хотя и несовершенной, моделью является система грантов, выдаваемых на основе экспертизы самих ученых.

Потенциально опасна и политизация истории сама по себе. Сознательное создание исторических мифов закладывает бомбу замедленного действия. Их разрушение может подорвать легитимность социально-политического строя, что и произошло с СССР. Примечателен пример Франции 60-х гг., когда научные исследования режима Виши привели к выводу о том, что значительная часть французов не героически противостояла немцам, а в той или иной степени сотрудничала с ними. Это разрушило миф о французском сопротивлении, на котором держалась Пятая республика де Голля и вызвало острый социально-мировоззренческий кризис. Конечно же, ни одно общество, ни одно государство не может существовать без исторической мифологии. Но в условиях информационного взрыва, появления не одной истории, воплощенной в национальном или государственном нарративе, а множества версий прошлого, расплывленных на пространстве печатных изданий, интернета и просто устных свидетельств, миф все сложнее поддерживать. Бессмысленно в таких условиях поддерживать нужный образ прошлого при помощи мемориальных законов, чем увлеклись в последнее время российские парламентарии. Исторический миф должен уступить целостному историческому сознанию, где отдается отчет в сложности нашего прошлого.

Наука по природе своей элитарна, но именно на научное знание обязано опираться историческое сознание. Историки-исследователи должны выступать в роли авторитетных экспертов, предлага-

¹ Подборку материалов см.: URL: <http://www.urokiistorii.ru/node/585> (дата обращения — 25.02.2014)

² URL: <http://www.polit.ru/article/2009/10/24/arkhan/>

³ *Курындский И.А.* Над историей кружат грифы // Новая газета. 2010. 20 октября.

ющих обществу и государству не однозначные политизированные ответы, а демонстрируя всю сложность истории. Пока что историк как публичный эксперт — явление крайне редкое. Связано это не только с особенностями менталитета ученого, предпочитающего спокойно добывать крупницы знания, но и с тем, что в этой роли властью продвигаются политтехнологи, готовые на основе исторического знания сформулировать эффектный, но конъюнктурный «месседж». Такое потребительское отношение к прошлому создает предпосылки для его дальнейшей релятивизации, а следовательно потере его ценностного потенциала. Метафора «наше непредсказуемое прошлое» отражает не только, даже не столько нестабильность научно-исторического знания, сколько активное вторжение политических интересов в это знание, приводящих к эрозии исторической памяти и дестабилизации всего общества.

В современных условиях ученые-историки могут быть вовлечены в общественное пространство в качестве критически мыслящих интеллектуалов, эмансипированных от интересов правящей политической элиты, или в качестве экспертов, обеспечивающих функционирование государственного аппарата и общественных организаций. Какими могут быть общественные ниши, где знания историков могут оказаться полезны? Это национальные отношения, международная дипломатия, включая продвижение положительного образа страны и ее культуры в мире, даже экономическое планирование не всегда может дистанцироваться от исторического наследия. В той или иной степени такая экспертиза проводится. Ее изучение и анализ — предмет специального исследования, до сих пор не проведенного. Но даже без него бросается в глаза тот факт, что зачастую имеющей экспертизе недостает фундаментальности, сочетающейся с практическими выводами, учитывающими всю сложность изучаемых явлений. Как представляется, лучше всего исторической аналитикой обеспечена дипломатическая служба. Целесообразно при ряде министерств сформировать центры, в которых объединялись бы профессиональные ученые (включая историков) и управленцы, занимающиеся не просто оценкой событий, но разрабатывающие долгосрочные стратегические планы, вписанные в исторический контекст.

Совершенно необходим центр по изучению исторической политики. Учитывая то, что данная организация окажется в центре политической жизни страны, она должна быть максимально независима и способна представить как можно более объемную картину процессов политического «освоения» истории.

Но более или менее эффективное взаимодействие возможно только в условиях постоянного контакта. Действенной площадки, на которой бы проходило обсуждение историками и представителями власти, до сих пор нет.

Возможно, такой площадкой могло бы стать Российское историческое общество. К сожалению, это направление деятельности хотя и подразумевается, но четко не прописано в целях и задачах организации¹. Именно при РИО можно было бы создать первые исследовательские группы по изучению исторической политики, конечно же, при условии их независимости. Препятствием для реализации подобного проекта является то, что само РИО частично элемент действующей исторической политики.

Но для эффективного взаимодействия с действующей властью необходимо меняться и самому сообществу. Времена, когда профессиональные историки представляли самодостаточное сообщество, прошли. Очевидно, что инициатива должна исходить и от самой научно-исторической корпорации. Например, научно-исследовательские институты Российской академии наук исторического профиля не должны бояться проявлять инициативу в предоставлении экспертной оценки текущим процессам в социально-политической и экономической сферах, вписывая их в исторический контекст.

Профессиональным историкам необходимо активизировать и работу в изучении механизмов формирования и эволюции исторических представлений в обществе. Хотя такие исследования и проводятся (чаще всего социологами и политологами), но их все же недостаточно. Мешает этому и традиционная структура отечественного исторического образования. Курсы, посвященные проблеме «история и общество» крайне редки. Совершенно очевидно, что в условиях распада традиционной картины мира, в том числе и исторической, корпорации профессиональных историков цепляться за некоторые традиции просто бессмысленно.

Приходится констатировать, что наметившейся тенденцией в отношении государственной власти к исторической науке является дрейф в сторону патерналистской модели, когда научно-исследовательские и образовательные институты сильно зависят от государства. Вызывает опасение и стремление перевести НИИ на систему контрактов, когда научно-исследовательская проблемати-

¹ Устав Российского исторического общества (РИО) // URL: <http://rushistory.org/wp-content/uploads/2013/11/Устав-РИО.pdf>

ка будет зависеть от конкретных заказов. В случае с историками, очевидно, такие заказы пойдут исключительно от государства. С одной стороны, такая модель показала свою пусть и ограниченность, но все же эффективность. Она позволяет сконцентрировать силы ученых на ряде направлений. Но, с другой, она же оказывается наименее гибкой в кризисное время и практически не дает возможности быстро перестроиться.

Ясно, что дальнейшая практика взаимодействия корпорации историков и власти будет зависеть от эволюции российского общества. В случае формирования т.н. гражданского общества и самостоятельных институтов появятся источники финансирования независимые от государства, что создаст более пеструю картину исторических исследований. В случае огосударствления общества это маловероятно.

Взаимоотношения власти и исторической науки в России на протяжении всего XX века простыми назвать нельзя. Их не получается квалифицировать исключительно как процесс подчинения или свободного диалога. Невозможно смотреть на это и как на тесное и равноправное сотрудничество. Очевидно стремление властей на протяжении всего столетия и начала XXI в. выстроить патерналистскую модель. Представляется, что метафора историка Дж. Бредли «нестабильное партнерство» здесь уместнее всего.

Анализ состояния научно-исторического сообщества Российской империи конца XIX — начала XX в., проведенный в очерке «Государственная власть и историческая наука в Российской империи начала XX века», и сравнение его с моделью «мандаринов», сформировавшихся в Германии в это же время и описанной Фр. Рингером, позволил сделать вывод о том, что симбиоза власти и науки в России не произошло. Причина лежала в том, что не был заключен ключевой социальный контракт, гарантирующий научному сообществу академические и университетские свободы.

В очерке «Пропаганда прошлым: российские историки в годы Первой мировой войны» было показано, что корпорация профессиональных историков активно участвовала в интеллектуальной мобилизации российского общества в военных целях. Тем не менее, отсутствие полноценного диалога между научной элитой и властью достаточно быстро привели к росту критических настроений. Слабая связь науки и государства стала одной из причин поражения России в Первой мировой войне.

Советская эпоха, несмотря на повышение репрессивных элементов в регулировании отношений власти и науки, представляет собой не менее сложный, чем в предыдущую эпоху, процесс выстраивания механизмов взаимодействия и сотрудничества. Важным представляется наблюдение, что достаточно быстрое налаживание связей между новой властью и научно-историческим сообществом было обусловлено привычкой большинства историков идти на компромисс с властными структурами, их приоритету научно-преподавательской деятельности перед общественной позицией. В серии очерков показывается трансформация структуры исторической науки в 1920-30-е

гг., влияние идеологического прессы на исследования. В тоже время делается вывод о готовности, основанной не только на страхе, но и на социальных предпочтениях, исторической науки обслуживать идеологические интересы советского государства.

В очерке «Механизмы власти в советской исторической науке 1930-1940-х гг.» анализируется такое явление, как патронат крупных партийных деятелей над историками. В то же время внутри исторического сообщества также формировались своеобразные «центры власти» вокруг ряда историков, лояльных советской власти и облаченных высшими административными постами в науке.

Роли историков в патриотической пропаганде времен Великой Отечественной войны посвящен очерк «Историк как пропагандист в годы Великой Отечественной войны». В нем рассматриваются формы участия, основные исторические образы, используемые в агитации, состояние научно-исторического сообщества в годы войны и т.д. На примере образа войны 1812 годы анализируется то, как изменялась историческая пропаганда в конце 1930-40-х гг.

В очерке «Советские историки и переосмысление национальных историй в последнее сталинское десятилетие» показывается эволюция концепции истории народов, входивших в СССР, от «борьбы с великорусским шовинизмом» к идеологии «дружбы народов» и формуле «наименьшее зло». Подчеркивается своеобразный феномен сотворчества профессиональных историков и идеологов в формировании новой исторической концепции. Этому же сюжету, конкретизированному в сюжете о написании в послевоенное время истории Башкирской АССР, посвящен и очерк «Тут явно сквозит дух объективизма: создание «Очерков по истории Башкирии» в 1940-е-начале 50-х гг.».

Влияние идеологических поворотов времен «позднего сталинизма» на преподавание истории в школе показано в очерке «Идеология и школьный учебник истории». На микроисторическом уровне выполнено исследование «Историк и власть: казус С.А. Фейгиной». Предложенный ракурс наглядно демонстрирует, что сообщество историков вполне адаптировалось к советской репрессивной системе, умея использовать ее слабые стороны, в частности бюрократизм.

Проблемам взаимодействия советской власти и научно-исторического сообщества посвящены очерки, освещающие этот процесс в 1950-80-гг. Делается вывод, что основой этого взаимодействия является феномен разномыслия, предполагающий в целом признание легитимности строя с критикой отдельных его элементов.

Итак, идеологический контроль в советское время достиг своего апогея и носил различные формы. Хотя и утверждать о том, что историки превратились в винтики «тоталитарной машины» не приходится. Конкретно-исторические исследования показывают, что историки достаточно эффективно адаптировались к советской системе, нередко пользуясь ею в своих интересах. Все же они оказались частью пропагандистской машины по легитимизации советского строя. Все это, впрочем, не мешало профессионально проводить ценные конкретно-исторические исследования, выдвигать теории, правда, как правило, в рамках марксистской парадигмы.

Только во второй половине XX в. советской власти удалось сформировать систему, в которой ученые-историки оказываются элементом режима. В этом была сила и одновременно слабость этой модели. Оказавшись перед лицом плюрализации общественного пространства, историки оказались не готовы к деятельности в «открытом обществе», превратившись в интеллектуальных маргиналов.

Сравнительно-исторический анализ показывает, что для России было характерно стремление контролировать историческое знание в интересах правящих режимов, а управление наукой строилось на принципах патернализма. Нельзя отрицать того, что в той или иной степени это присуще и западной системе. Но было и существенное отличие. В России практически отсутствовали источники финансирования альтернативные государственным. Из-за слабого развития (а в советское время и полного отсутствия) независимых от государства структур (в первую очередь бизнеса, общественных организаций и т.д.) государственные учреждения оказались фактически единственным работодателем. В значительной степени ситуация остается неизменной и сейчас. Поэтому крупные научные и научно-образовательные центры не часто могут позволить себе такую роскошь, как отстаивать точку зрения альтернативную официозу. В лучшем случае, соглашаясь в общем, только корректировать наиболее одиозные ее стороны. Но, с другой стороны, сложившееся общественно-политическое пространство, где оппозиционные силы и институты чувствуют себя очень некомфортно, не отменяет свободу личности. Отдельно взятый историк вполне может заявить о своей позиции и достаточно эффективно ее отстаивать.